

ДАРЬЯЛ

3

2024

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

250 ЛЕТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ОСЕТИИ К РОССИИ

240 ЛЕТ ВЛАДИКАВКАЗУ

100 ЛЕТ АВТОНОМИИ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 4

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-68-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам
печати и массовых коммуникаций
Республики Северная Осетия-Алания
362040, Республика Северная Осетия-
Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2,
офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

3'2024

(182)

МАЙ-ИЮНЬ

Выход в свет 28.06.2024.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15 + 1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 303. Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

Цена свободная

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	4	Алан ЦХУРБАЕВ. Как я полюбил, бросил и снова полюбил читать
ПРОЗА	10	Агубе ГУДЦОВ. Княжна Биаслант. <i>Кавказская история.</i> <i>Предисловие А. Цуциева</i>
ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ	28	Артур ЦЕРЕКОВ. Орджоникидзевский «Видеодром». <i>Эссе</i>
	48	Ольга РЕЗНИК. Владикавказские этюды (<i>окончание</i>)
	74	Наталья КУЛИЧЕНКО. «Прекрасное далёко». <i>Меновения из детства</i>
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	100	Фатима БУТАЕВА. Зоя Мироновна Салагаева — эпоха в культуре Осетии
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	114	Мargarита ПЛИЕВА. Взгляд на историю Южной Осетии через призму творчества Григория Котаева
		Григорий КОТАЕВ. Живопись
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ	129	Зинаида БИТАРОВА. История длится
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	130	Елена ХОДОРОВА. Открывая Осетию. <i>Вступительная статья О. Резник</i>
ГОСТЕВАЯ КНИГ@	140	Амаяк Тер-АБРАМЯНЦ. Свет в окне. <i>Рассказы</i>
ЛИТЕРАТУРА СВИДЕТЕЛЬСТВА	154	Бимболат БТЕМИРОВ. «Я потерял свое имя...» <i>Воспоминания (продолжение)</i>
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА	190	Аслан-Бек ДЗГОЕВ. Оглядываясь назад. <i>Воспоминания (окончание)</i>
СРЕДА ОБИТАНИЯ	222	Ольга РЕЗНИК. Владикавказскому трамваю — 120 лет!
	230	Лана ХУБАЕВА. Моздокское Кирилло-Мефодиевское училище (<i>продолжение</i>)
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Алан ЦХУРБАЕВ

КАК Я ПОЛЮБИЛ, БРОСИЛ И СНОВА ПОЛЮБИЛ ЧИТАТЬ

Привычка к чтению сформировалась у меня благодаря родителям, которые очень любили читать и читали все то лучшее, что можно было найти в Советском Союзе. А тогда, как известно, был культ американских писателей (разрешенных в СССР). Все эти Хэмингуэй и Фицджеральды, я их очень любил в подростковом возрасте. Но еще раньше меня свел с ума Герберт Уэллс, а до него обычные детские сказки, как осетинские, так и сказки далеких стран. Но все же родительская преданность чтению сыграла решающую роль.

Помню, что у отца был маленький блокнот, куда он выписывал огрызком карандаша цитаты из книг, а потом в компании любил козырнуть этими цитатами, даже невпопад. А благодаря маме я полюбил читать журнал «Иностранная литература», причем читал там все подряд, даже порой не понимая ничего. Мне очень нравилось это «журнальное» ощущение в руках, не «книжное». Наверно, я себе казался серьезней, что ли, взрослее. Хотя у нас еще были кипы «Роман-газеты», и я ее терпеть не мог. Пробовал читать, но мне не нравилось там совершенно ничего. Когда на рубеже 90-х осетины вдруг стали в Грузии вторым сортом и нашей семье пришлось спешно уехать оттуда в Осетию, то последнее, что я помню в нашей голой уже квартире, это две раскладушки (в Тбилиси их почему-то называ-

ли «лежанки»), на которых спали родители, и небоскребы литературных журналов вокруг. Обстановка была просто ужасной, а они, несмотря ни на что, все читали и читали...

Школьную программу я просто ненавидел, и это не преувеличение. По «литре» у меня всегда была тройка, и то натянутая. Я не мог себя заставить читать ни Чехова, ни Паустовского, ни Достоевского, ни Толстого — вообще никого... Но придя домой, я доставал с полки какого-нибудь Луи Буссенара, пододвигал кресло к теплой батарее, закидывал на нее ноги и уходил в другой мир. Помню, как был шокирован рассказом «Маттео Фальконе» Мериме, просто до слез. Кажется, мне дал его отец, но я, хоть убей, не понимаю, зачем такое давать читать детям. После этого рассказа возникает такое сильное ощущение дикой несправедливости и сочувствия к мальчику, которого убивает собственный отец, что это просто ломает детскую психику навсегда. То же самое было, когда мы смотрели с родителями фильм «Амадей» Милоша Формана. Сцена, где тело Моцарта бросают в общую могилу, до того меня поразила, что я долго не мог уснуть в тот день. Мне кажется, детей нельзя подпускать к такому, ни к чему хорошему это не приведет.

Еще помню собрание мировой литературы у бабушки в квартире, уже во Владикавказе. Мне очень нравилось смотреть на эти разноцветные корешки. Доставал что-то совершенно наугад, каких-нибудь там поэтов Африки, и если не нравилось — откладывал. Именно в этой серии я прочитал «Моби Дика» Мелвилла и был совершенно раздавлен масштабностью замысла в финале книги. Правда, в этом случае выбор был неслучайным. В то время я уже сильно увлекался рок-музыкой, а на втором альбоме Led Zeppelin я услышал инструментальную вещь Moby Dick, она мне очень нравилась, и так у меня возник интерес к книге. Я настолько увлекся этим длинным романом, что во время чтения ставил кассету Led Zeppelin и читал под музыку. Сейчас я уже так не умею. Бабушка рассказывала, что это собрание им предлагали обменять на новую «Волгу». Это типа как на «мерседес» сегодня. Я тогда не верил ей, но недавно я разговорился с одним владикавказским коллекционером советских времен и спросил его, могло ли это быть правдой. Он подтвердил это на все сто процентов. И сегодня мне

просто не верится, что такие времена в действительности были.

Когда я поступил во Владикавказе в горно-металлургический институт, я сразу записался в библиотеку и притащил оттуда домой культовый философский сборник «Сумерки богов». Кажется, мама тогда покрутила пальцем у виска. Она была права, частично это было домашним эпатажем, хотел «за умного прокатить». Но с другой стороны, меня действительно всегда тянуло к непонятному. В сборнике было пять авторов, и легче всего из них мне дался Альбер Камю с «Мифом о Сизифе». Позже Камю стал одним из моих самых любимых писателей, хоть и не могу сказать, что с тех пор я сильно продвинулся в понимании его книг. На первой же сессии меня отчислили из института за неуспеваемость, но «Сумерки богов» я так и не сдал в библиотеку...

В следующем вузе я попал в компанию «западников», если этих раздолбаев так можно было назвать. Мои сверстники были сильно увлечены современной американской и европейской литературой, в частности битниками, которых тогда только начинали публиковать, и это сильно изменило мой вкус. Я наконец начал понимать, чем отличается русская литературная традиция (где имеется в виду именно то, что написано) от современной западной (где надо искать смысл между строк). Хотя и там и там есть исключения, конечно.

Когда я с отличием окончил иняз, мама предложила мне выбрать самому подарок. А незадолго до этого в книжный вдруг поступило полное собрание сочинений Камю, и я не смог удержаться. Кстати, помню, как одолжил «Постороннего» из этого собрания своему близкому другу, который не был особым любителем чтения, но я его убедил. На следующий день он пришел на факультет совершенно счастливый. «Я же говорил, я же говорил тебе!» — кричал он мне и громко смеялся, держась за живот. «Что ты мне говорил?» — не понял я его... «Ну что смысла нет, я же говорил!» — наконец сквозь хохот объяснил он и вернул мне книгу. Тот пятитомник Камю до сих пор у меня и дорог именно тем, что это подарок от мамы.

Часть моей небольшой библиотеки это книги, доставшиеся по наследству. Из них я больше всего люблю три: ста-

рый и потрепанный сборник спортивных рассказов «Расплата за победу», книгу «Танго Испания» грузинского писателя Теймураза Мамаладзе (таким высоким стилем о футболе больше не пишут) и альбом фотографий Дмитрия Бальтерманца. Его подарил мне дед на 10-летие, о чем есть запись внутри очень витиеватым почерком, только мое имя он написал неверно, с двумя «л». Черт знает сколько времени я проводил в детстве, рассматривая эти черно-белые фото, похожие на картины.

Из забавного я бы вспомнил книгу Гайто Газданова «Вечер у Клэр» с автографом Боно, солиста группы U2. Это вышло случайно. Мой друг гулял по Питеру с этой книжкой в руках, как вдруг увидел Боно, выходящим из гостиницы. Друг не растерялся и сунул ему в руки эту книгу на подпись, а потом подарил эту книгу мне. Газданов и Боно никак не пересекаются, но я люблю творчество обоих, и мне приятно иметь их в такой странной комбинации.

Еще у меня лежит первое советское издание «Эдички» Лимонова. Я взял его почитать когда-то давно в кабинете у Руслана Тотрова. Книга мне очень понравилась, но одна страница там почему-то была вырвана. Потом я понял, что за сцена была на этой странице. Ну та самая, с черным парнем... Но я не думаю, что это сделал Тотров, Руслан Хазбатрович не был ханжой.

Если брать книги, которые сформировали мой вкус, то я бы выделил три, прочитанные с разницей в пять лет. Когда мне было десять, я прочитал «Старика и море», и это был, наверно, первый опыт по-настоящему взрослого чтения. В пятнадцать старший брат принес откуда-то «Над пропастью во ржи», и я впервые испытал это ощущение, когда кажется, что автор пишет тебе и о тебе. С тех пор Джером Сэлинджер мой любимый писатель, с которым я не могу сравнить никого совершенно. И в двадцать лет я прочитал «Постороннего» Камю, который с удивительной ясностью передал то, что я испытывал в тот момент по отношению к окружающему меня миру, миру абсурда и отсутствия смысла. С тех пор это ощущение только усиливается.

«А потом погода испортилась». Чтение пропало из моей жизни, не могу сказать даже почему, но все переменялось в один день и стало каким-то чужим. Скучающими глазами я

смотрел на людей в питерском метро, у которых в руках были книжки с какими-то новыми для меня именами: Пелевин, Мураками, Коэльо... Я не доверял этим именам. Может быть, потому, что не было авторитета, который бы мне их посоветовал. Не было рядом ни мамы, ни папы, ни тех раздолбаев с иняза, никого... Не было даже того мужика, который по воскресеньям в Тбилиси приезжал к нам на улицу на микроавтобусе, и, завидев его, я тащил ему кипы газет, чтобы поменять их на книжные талоны. Я часто не знал названий книг, на этих талонах написанных, и подолгу стоял у машины, а он мне говорил с грузинским акцентом: «Бери “Монте-Кристо”, не пожалеешь...» Никого из этих людей не было со мной в тот момент, и я растерялся в этом океане новой словесности. Проводника в новый мир не оказалось рядом.

Конечно, потом я нагнал, и всех перечисленных (кроме Коэльо) тоже одолел, да и многих других, но это было именно «одолел». Они так и не стали частью меня. Может быть, потому, что это была литература, реагирующая на сегодняшний день, которая становится по прошествии времени менее понятной читателю? Ну кому сегодня будет понятна известная шутка из «Generation “П”» про сигареты «Парламент»? Объяснить логически ее, конечно, можно, но рассмеяться она уже никого не заставит. Потому что тот, кто не помнит вкус сигарет «Парламент» из 90-х и что значило курить их, тот этого не прочувствует. Книги таких писателей, как Пелевин, нужно читать в момент выхода, потому что они очень сильно завязаны на реалиях своего времени. А мне тогда не хотелось быть современным...

Шло время, раз в неделю, чтобы не терять форму, я почитывал приложение «Независимой газеты» Exlibris и раз в год писал какой-нибудь рассказ, но эти рассказы мне самому нравились все меньше. А потом вдруг меня позвали возглавить «Дарьял», и это было как вернуться туда, где я когда-то начинал. Туда, где когда-то было «светло и чисто».

А вскоре случился еще один поворот. Моя жена в то время была подписана в одной из ныне запрещенных социальных сетей на страницу американской актрисы Риз Уизерспун, которая, как оказалось, ведет свой книжный клуб. И только я подумал о том, чтобы позаимствовать опыт Риз, как раздался звонок от моей знакомой, которая приглашала

меня с такой же задумкой в новое городское арт-пространство. Так благодаря женщине (трем!) родилась идея нашего книжного клуба.

На первом заседании я жутко нервничал и перебрал с вином, но когда уже на втором заседании подрались на кулаках не сошедшиеся во мнениях участники, я понял, что это оно. Что есть абсолютно все условия, чтобы действовать и жить в окружении читающих людей. Я установил два правила: 1. Мы обсуждаем только кавказскую литературу; 2. Никакой видеосъемки. И это сработало. Люди начали приходить за живым интеллектуальным общением, лишенным менторства и лекционного пафоса. Да и никто не думал, что в Осетии есть столько литературы, особенно современной, которая рассказывала бы нам о нас самих.

Так я понял, что сам невольно превратился в проводника, которого мне когда-то не хватало. И стал снова читать и покупать книжки.

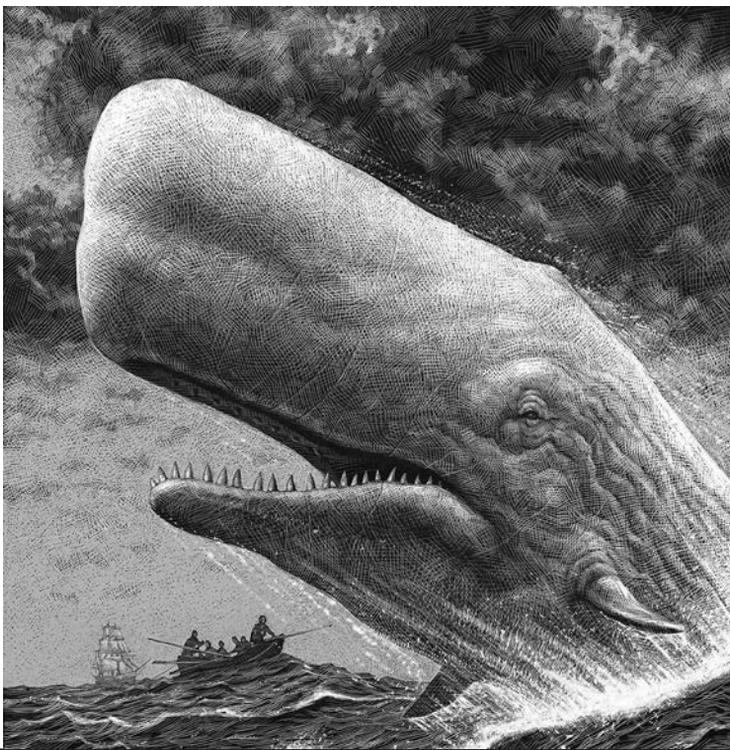
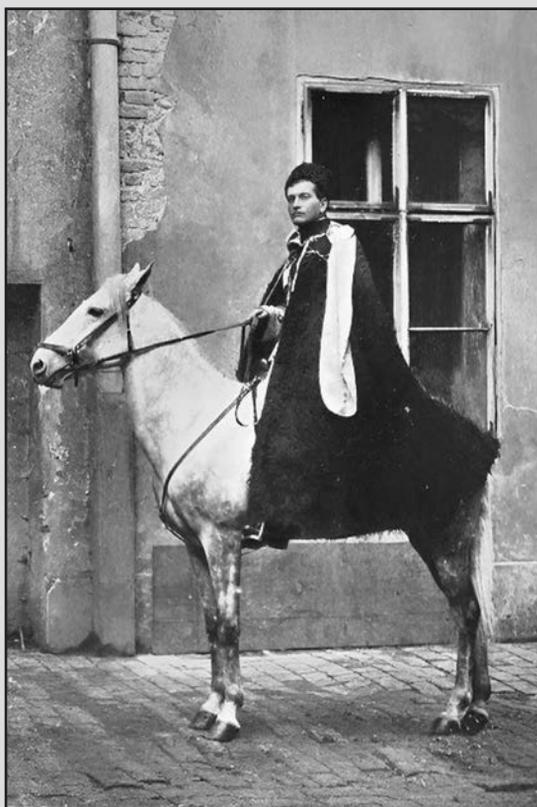

Иллюстрация неизвестного автора к роману Германа Мелвилла «Моби Дик»

Агубе ГУДЦОВ

КНЯЖНА БИАСЛАНТ

КАВКАЗСКАЯ ИСТОРИЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ А. ЦУЦИЕВА

AGUBE GUDSOW IN CAUCASIAN DRESS

Фронтиспис книги А. Гудцова «Княжна Биаслант»

АГУБЕ ГУДЦОВ И ЕГО «КНЯЖНА БИАСЛАНТ»

В 1926 году в Лондоне вышла в свет небольшая книга «Княжна Биаслант. Кавказская история» [1]. Книга написана на английском языке и сопровождается английским же предисловием Р. Б. Каннингем-Грехема. Автор работы — Агубе Куциевич Гудцов, этнический осетин, уроженец Владикавказа, хорошо известный в начале XX века как виртуозный цирковой наездник. Во многих публикациях Гудцов прямо называется «зачинателем жанра джигитовки на цирковой арене» [2, с. 100; 3, с. 12–18] или даже «основоположником цирковой верховой езды» [4]. Среди прочих замечательных конных номеров он также был автором и исполнителем уникального трюка, поразившего воображение не только публики, но и знатоков конноспортивного искусства. Он делал невероятный кабриоль (*sabrieole франц.* — скачок): лошадь вместе с всадником совершала прыжок через прыгалку с согнутыми передними и вытянутыми задними ногами. В Англии даже были выпущены почтовые открытки с изображением трюков осетинского джигита [5].

Несмотря на широкую известность и большую популярность Гудцова в мире, многие факты его биографии, подробности его профессиональной и личной жизни нам неизвестны. Родился он около 1880 года во Владикавказе. Небольшая по численности фамилия Гудцовых (Гудцевы, Гутцевы, Гуццевы — *осет.* Гудцатæ, Гутцатæ) ведет происхождение из Тагаурии. Вероятно, изначально Гудцовы проживали в селении Цагат Ламардон [6, с. 201], близ которого находится весьма почитаемое до сегодняшнего дня родовое святилище Гудцаты найфат. Согласно

посемейным спискам сел 1-го участка Владикавказского округа Терской области, на ноябрь 1886 года в Цагат Ламардоне еще проживало две больших семьи Гудцовых — Гуцова Смайли и Гуцева Дохцико (написание фамилий как в документе. — А. Ц.), имевших каменные дома и крепкое хозяйство [7, с. 97]. Позднее село опустело, его жители перебрались на противоположный берег реки Гизельдон, в село Хуссар Ламардон. Из Хуссар Ламардона Гудцовы переехали в Фазикау и в дальнейшем расселились по всей Осетии.

По сведениям С. Г. Гагиева, Агубе в 1902 году дебютировал в ростовском цирке, где до того работал конюхом. Позже выступал в цирке Крутикова в Киеве, в цирке Чинизелли в Петербурге и многих других цирках страны [5]. В 1908 году он был вывезен за границу Вильямсом Труцци — одним из крупнейших цирковых организаторов, режиссеров-постановщиков пантомим, выдающимся дрессировщиком и наездником. В те годы Гудцов много гастролировал по Европе и Америке. Вероятно, постоянным местом жительства он выбрал Англию. Об этом свидетельствует несколько фактов: многочисленные анонсы и рекламные объявления о выступлениях Гудцова в цирках и на ипподромах Британии в местной прессе; уже упоминавшиеся выше британские почтовые открытки с изображением удивительных трюков осетинского наездника; издание книги «Княжна Биаслант» именно в Лондоне. Кроме того, в справочнике «The London Gazette» от 11 декабря 1951 года указан лондонский адрес циркового артиста Филлипа Гудцова, «известного как Агубе Гудцов» [8, 6467]. В Лондоне же 18 февраля 1968 года завершился земной путь знаменитого мастера джигитовки. Похоронен Агубе Куциевич на кладбище в Северном Суррее.

Практически неизвестным событием биографии Гудцова является факт написания им упомянутого выше небольшого художественного произведения, перевод которого впервые на русский язык выполнен мной¹. Жанр «Княжны Биаслант» расплывчато обозначен автором как «кавказская история»; Р. Б. Каннингем-Грехем, автор предисловия к книге, определяет его как сказку. Для профессиональной оценки жанра работы и оригинальности ее сюжета я обратился за консультацией к доктору филологических наук, фольклористу, известному специалисту по сказочной и несказочной прозе осетин Д. В. Сокаевой. По ее заключению, книга — несомненно, оригинальное литературное произведение, в котором автор «совместил в одном им выдуманном сюжете сюже-

¹ Автор благодарен Р. А. Кучиеву за подаренный экземпляр книги А. К. Гудцова.

THE PRINCESS BIASLANTT
A CAUCASIAN STORY

BY
AGUBE GUDSOV

With an Introduction by
R. B. CUNNINGHAME GRAHAM

LONDON
WILLIAM HEINEMANN, LTD.

Титульный лист книги А. Гудцова
«Княжна Биаслант»

ты и мотивы нескольких известных осетинских новеллистических сказок и преданий». Д. В. Сокаева отмечает также «психологизм, которого очень мало в народных новеллистических сказках. Много само-рефлексии, когда герои проговаривают свое внутреннее состояние, обсуждают поведенческие стратегии», что делает сказку Гудцова «зародышем рыцарского романа или прозаической поэмы»².

Предлагаемая читателям кавказская история представляет, на мой взгляд, не только литературоведческий интерес — она весьма любопытна с точки зрения изучения этнографии и традиционной культуры народов Кавказа, а также

межконфессиональной ситуации в контексте особенностей догматики, норм поведения и этикета христианского и мусульманского населения региона.

Несколько слов необходимо сказать о предисловии к сказке Гудцова. Его автор, Роберт Бонтайн Каннингем-Грехем (Robert Bontine Cunninghame Graham, 1852–1936) — представитель аристократического шотландского рода, крупный политик, анархист, путешественник (в основном по Латинской Америке), плодовитый писатель. Наиболее известны его «Тринадцать рассказов» (1900), «Успех» (1902), «Эрнандо де Сото» (1903), «Шотландские истории» (1914), «Кони Конкисты» (1930). В 1880–1890 годах принимал участие в рабочем и социалистическом движении, был членом британского Парламента. Основатель и президент Шотландской лейбористской партии; основатель Национальной партии Шотландии, президент Шотландской национальной партии.

² Автор благодарен Д. В. Сокаевой за компетентную и оперативную консультацию и помощь.

Автор предисловия сообщает нам еще некоторые малоизвестные моменты биографии Гудцова. В частности, он говорит о его владении рядом кавказских и иностранных языков. Сам факт того, что столь известная персона британского истецблишмента пишет предисловие к книге Гудцова, называет его своим другом, уже является интересным и дает нам дополнительную информацию о замечательном наезднике и артисте цирка. Подчеркивая искренность и красоту сюжета сказки, Р. Каннингем-Грехем отмечает простоту и незамысловатость стиля и несовершенство владения автором английским языком.

Работая над переводом «Княжны Биаслант», мне приходилось считаться с данной особенностью произведения и по возможности сохранять небогатую авторскую лексику³. В тексте также приведены примечания Гудцова, которые в ряде случаев дополнены моими комментариями.

Очевидно, сказка «Княжна Биаслант» пользовалась определенной популярностью, поскольку переиздавалась как минимум дважды — в 1926 и в 1931 годах.

Аслан Цуциев

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Gudsow Agube*. The Princess Biaslant. A Caucasian Story. London: William Heinemann, Ltd, 1926.
2. Цирк. Маленькая энциклопедия / авторы-сост.: А. Я. Шнеер, Р. Е. Славский. М.: Советская энциклопедия, 1973.
3. *Гагиев С. Г.* Рожденные в седле. Очерк об осетинских наездниках. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965.
4. О цирке им. Юрия Никулина. Ч. 4 // Цирк Никулина. URL: <http://www.cirk-nikulina.ru/articles/id8/>
5. *Гагиев С. Г.* Агубе Гудцов // Северная Осетия. 1993. 27 февраля.
6. *Гаглойты З. Д.* Ирон мыггæгтæ. Цхинвал, 2018.
7. Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области на 1886 год. Т. 1. Владикавказ: Арктик-Медиа, 2011.
8. The London Gazette. 1951. 11 December.

---

³ С согласия переводчика редакция журнала «Дарьял» провела литературную обработку текста.

КНЯЖНА БИАСЛАНТ

Кавказская история

ПРЕДИСЛОВИЕ

**Преподавателям первого из Семи Свободных
Искусств и другим**

КНЯЖНА БИАСЛАНТ

Тем профессорам, которые еще не читали «Историю императора Карла Великого, рассказывающую о доблести и приключениях Двенадцати пэров Франции», нужно, не теряя времени, исправить сие упущение. Оттуда мы узнаём⁴, что Карл Великий (которого мы называем Charlemagne) обучал своих детей Семи Свободным Искусствам, и в первую очередь — искусству верховой езды⁵. Это явно доказывает, какое из Семи Свободных Искусств (о прочих шести летописец умалчивает) вызывало его наибольшее уважение.

Профессорам этого Искусства из Искусств не понадобится моя помощь для понимания данной кавказской сказки. Те из них, кто растратил свое время на овладение прочими шестью Искусствами (видимо, это были танцы, фехтование, игра на лютне, пение, декорирование герба и, возможно, хиромантия), должны будут иметь в виду, что эта сказка посвящена людям, чьи взгляды на жизнь не очень отличаются от взглядов Карла Великого.

Я знаю Кавказ исключительно интуитивно. Тем не менее мне кажется, что я могу составить довольно четкое представление о нем, основываясь на опыте Марокко, южной границы Аргентинской Республики, когда вождь Намункура управлял пеуэльче и когда река Рио-Гранде от Аризоны до Матамороса смела и мескалеро, и липанов⁶. Во всех этих странах, гражданином которых я был в разные периоды моей жизни, я, как правило, был хорошо экипирован, имел винтовку и лассо, а лошади были главной темой нашего разговора. Наше единственное средство

⁴ Моя собственная копия — это испанский перевод в пергаментном переплете, который скреплен полосками пергамента, имеющими маленькие щитки-застежки. Точнее, изначально такие щитки были, но большинство из них оказалось утеряно. Он был напечатан в Барселоне, Por Rafael Figero, Año. 1708.

⁵ Les hacia enseñar muy bien á cavalgar en caballos (*исп.*) — Для того, чтобы научиться их хорошо ездить на лошадях. (*Примеч. пер.*)

⁶ Пеуэльче — коренной народ Аргентины и Чили, мескалеро и липаны — североамериканские индейские племена из союза апачей. (*Примеч. пер.*)

передвижения, наше верное прибежище во всех неприятностях, наше главное имущество и наша гордость.

То же и на Кавказе. По крайней мере, я понимаю, что это так, разговаривая с моим другом Агубе Гудцовым и читая его рассказ.

Мода в литературе и одежде быстро меняется. То, что сегодня современно, завтра устареет. Таким образом, для тех, кому стали тошнотворны прелюбодеяния, лесбийские романы и любовные истории молодых кастратов, достойных отправки в лучшие круги Городов Равнин⁷, эта маленькая сказка окажется чем-то притягательным в своей простоте. Поскольку она написана тем, кто несколько лет назад не знал ни слова по-английски и с кем (хотя он говорил⁸ на осетинском, грузинском, мингрельском, русском, турецком и других языках морозного Кавказа) мне пришлось говорить на итальянском — нашем единственном «общем» языке, то вежливый читатель (да и невежливый тоже) не должен искать здесь стилистических подарков. Мне все еще кажется, что несовершенство владения нашим языком, усвоенным им в цирках (да, я забыл упомянуть, что он цирковой наездник), и придает ему особенный шарм.

Он врывается в ваше сердце так, как скакал верхом всю свою жизнь, сначала в родных горах, а затем во всех цирках Европы — с твердой, легкой, высоко поднятой рукой. Наездники любой национальности, скачущие, чтобы заработать себе на жизнь, а не просто хорошо провести время, мчатся с той же высоко поднятой рукой, с глазами, устремленными к горизонту; стороннему человеку может даже показаться, что они не замечают ничего вокруг, однако это не так — видят они многое. В такой же манере и пишет Агубе — точно держит поводья в левой руке.

При первом чтении, прежде чем своеобразность стиля станет привычной, рассказ может показаться трудным для восприятия. Однако постепенно дар наблюдательности автора и странное, полупростое, но глубокое знание мира и человека (которое имеют многие на Востоке) покорят вас. Вы увидите, что помимо истории жизни княжны, а также второстепенной сюжетной линии о богаче и трех его сыновьях (совершенно в духе «Арабских ночей»), это еще и потрясающее собрание заметок о нравах и обычаях народов Кавказа. Старик в башне, ставший свидетелем трагедии кобылицы и жеребенка; слуги, почтительно выстроившиеся вдоль стены; постоянное столкновение двух религий — Христа и Магомета; долгие опасные путешествия; патриархальные обычаи и

⁷ Иносказательное название Содомы и Гоморры. (Примеч. пер.)

⁸ Автор — осетин, представитель одного из многих народов Кавказа.

диковинные суеверия, возникающие почти спонтанно, — все указывает на то, что написано это уроженцем тех мест. Ни один иностранец, каким бы умным он ни был, не смог бы так написать, даже если бы наблюдал события изнутри.

Приятно узнать, что в родных местах писателя странствующий человек, будь он даже непроходимым глупцом, может с первого взгляда опознать дворянина. В наших английских палестинах дело обстоит иначе. Прямого потомка тех, кто в свое время пересек Ла-Манш с Завоевателем⁹, непросто признать, когда он в твидовом костюме и котелке прогуливается по улице, время от времени уклоняясь от omnibusов. Но на Кавказе это так же элементарно, как свалиться с норовистой лошади. В скачущем по дороге всаднике вы, не открывая своего «Дебретта»¹⁰, без особого труда распознаете дворянина, потому как лошадь его наверняка будет вороной масти, а ее задние ноги — в белых чулках.

Автор (наездник) старательно прописывает образ кавказской княжны, шаг за шагом подводя читателя к мысли, что женщина обязательно добьется своего, невзирая ни на светские, ни на религиозные законы. Так она делала с тех самых пор, когда в саду, на берегу Тигра, впервые поняла, что мужчина — всего лишь устрица, которую можно раскрыть одной улыбкой.

Читая эту маленькую сказку, несовершенную, но искреннюю, я вижу Кавказ — хотя и менее отчетливо, нежели в эпической истории Хаджи-Мурата, которую явил миру Толстой. «Высшая похвала моим господам», — могут сказать некоторые. Что ж, пусть говорят...

Р. Б. Каннингем-Грехем
Лондон, 23 марта 1926 г.

Жил-был пожилой мужчина, происходивший из древнего рода. Звали его князь Эльмерза Тагиат, и шел ему пятьдесят пятый год.

Это был человек хрупкого сложения, страдавший от старой раны в спине. По рождению он был магометанином. Городок, в котором князь прожил всю свою жизнь, звался Саниба. Этот городок

⁹ Вильгельм I Завоеватель (1028–1087) — организатор и руководитель нормандского завоевания Англии, основатель единого Английского королевства. (Примеч. пер.)

¹⁰ «Дебретт» — ежегодный справочник британского дворянства. Издается с 1802 г. (Примеч. пер.)

окружен высокими горами, зимой и летом покрытыми снегом. У Эльмерзы Тагиата подрастало трое сыновей: Бел-Мерза, Темир-Болат и Каз-Джери. Обитал он в старом замке, возведенном на высоком холме. У подножия холма сверкало озеро, берега которого поросли дубняком. Окна замка были обращены на восток, из них открывался вид на водопады, срывающиеся с отвесных скал. Благосостояние князя зиждилось главным образом на скоте и племенных кобылицах. Правда, из-за слабого здоровья Эльмерза редко покидал жилище, предпочитая сидеть на верху высокой башни и просто наблюдать за тем, что происходит у него в поместье.

Однажды он сидел там и смотрел на кобылицу, что паслась на лугу у берега; чуть поодаль в теньке, притомленный жарой, дремал ее жеребенок. Внезапно князь разглядел нечто ужасное: большой обломок скалы катился со склона прямо на кобылицу. Спасти животное не представлялось возможным: пастухи были слишком далеко, их отчаянные крики никак не действовали на кобылицу — она продолжала мирно щипать траву, ни о чем не подозревая. Обломок ударил ее в бок и разорвал на две части. Жеребенок тут же проснулся, вскочил и заметался в поисках своей родительницы. Душераздирающее ржание разносилось по округе. Наконец жеребенок догадался поскакать к стаду и там окончательно растерялся: ни одна кобылица не позволила ему приблизиться, все отгоняли бедняжку.

Тем временем один из мальчишек-подпасков поспешил в замок, чтобы сообщить обо всем князю. Однако, когда он оказался перед Эльмерзой, тот оборвал его на полуслове.

— Можешь ничего не рассказывать, я все видел. Какое ужасное зрелище... — Князь помолчал. — Беги обратно и веди жеребенка сюда. Поставь его в стойло, я о нем позабочусь.

Мальчик поспешил назад и передал княжье повеление пастухам.

Принялись ловить жеребенка, что оказалось не таким уж простым делом. В конце концов все же поймали и отвели в замок.

Эльмерза стал выводить жеребенка из конюшни во двор, угощать хлебом, сахаром, морковью. Случалось, надевал на него недоуздок и вел на луг близ замка. Над озером висел узкий опасный мост — всякий раз князь уверенно вел по нему жеребенка, а следом семенила большая толстая овца. Дело в том, что почти каждая семья в тех краях держала в жилище овцу, и куда бы ни шел хозяин, овца следовала за ним, точно собака.

И вот однажды, переходя мост, князь случайно поскользнулся, и все трое полетели в озеро. Жеребенок быстро выскочил из

воды, отряхнулся и убежал. Овца же, выбравшись, остановилась у берега, чтобы дождаться своего хозяина. Князь, помогая себе руками, выбрался следом за ней и лишь тогда понял, что при падении повредил позвоночник.

Кое-как добравшись до своих покоев, Эльмерза лег в постель и послал за лекарем. Явившийся лекарь осмотрел больного и нашел его состояние весьма плачевным. Внимательно выслушав свой приговор, Эльмерза взмахом руки отослал лекаря, после чего кликнул охранника.

— Утром хочу видеть своих сыновей, — сказал он вошедшему. Охранник с поклоном удалился.

На рассвете дети вошли в покои князя и, выстроившись по старшинству, замерли у двери. Эльмерза лежал в постели, а толстая овца — на полу в изножье кровати.

— Я чувствую себя очень слабым, — проговорил князь. — Кажется, я скоро оставлю вас, дабы отправиться к месту последнего приюта. А потому вот вам три наказа, что будут нести отголосок моей воли. Любите друг друга как братья, оставайтесь верными своему сословию и всегда будьте честны... — Он помолчал, собираясь с силами. — Однако, если когда-нибудь вы вдруг раздумаете вести хозяйство сообща, все добро должно быть поделено на три части. Затеете спор, — видите портрет на стене? Это мой самый близкий друг, князь Бадилат. Поскачете к нему — он разделит имущество между вами.

Затем князь попросил помочь ему подняться с постели. Сыновья подскочили, поддержали. Эльмерза обулся, накинул на плечи черкеску и сказал:

— Идемте в подвал.

Спустились в подвал, где в углу стояли три больших сундука, обитые железом. Князь вручил старшему сыну, Бел-Мерзе, три ключа и указал на сундуки: отопри, мол. Тот сделал, как было велено, и все увидели, что сундуки доверху наполнены золотыми монетами.

— Видите? — сказал отец. — Все поровну, у каждого — по сундуку.

Ключи от сундуков, а также от двери подвала он для сохранности оставил Бел-Мерзе, после чего вернулся к себе в покои.

...Вскоре князь умер, и жизнь в поместье Тагиатов продолжилась без него. Старший из братьев с головой окунулся в домашние хлопоты, а двое других выполняли обязанности по хозяйству.

Младший, Каз-Джери, был склонен предаваться праздности, и мысли о трех сундуках, набитых золотом, ни на миг не покидали

его. Он не мог взять в толк, как отец умудрялся скрывать такое богатство даже от родных сыновей. Эти три злосчастных сундука, бывало, даже снились юноше, и частенько по пробуждении он говорил себе:

— Будь у меня столько денег, я б всех осчастливил!

В конце концов он решил во что бы то ни было проникнуть в подвал. Однажды ночью ему удалось выкрасть из комнаты старшего брата нужный ключ, однако, оказавшись в подвале, юноша вдруг понял, что надобен еще один ключ — уже от сундука. Он выскользнул из подвала и следующей ночью явился со вторым ключом. Отперев один из сундуков, он взял столько золота, сколько поместилось в карманах, после чего запер сначала сундук, затем дверь подвала и был таков.

Несколько дней он тайно готовился к дальней дороге — собирал припасы, одежду, снаряжение. И как-то ранним утром, пока весь замок спал, вывел лошадь из конюшни, вскочил в седло и тихо выехал за ворота.

На вторые сутки он прибыл в селение, затерянное в бесчисленных ущельях. Здесь он быстро обзавелся друзьями среди молодежи, так как был хорошо одет и, судя по всему, не знал счета деньгам. Все искали его компании, и как-то раз вокруг него собралась сотня юношей. Он спросил их:

— Не лучше ли вам жениться, чем оставаться в холостяках?

— Но у нас нет денег, — отвечали ему.

— Об этом не тревожьтесь, — отмахнулся он. — Намедни я унаследовал большое состояние и могу позволить себе помочь вам... Полагаю, у каждого есть девушка на примете?

Ответы посыпались со всех сторон:

— О, да!..

— Еще бы!..

— У меня аж трое на примете!..

— Полдюжины красавиц ожидают меня!..

— А я совсем не боюсь жениться на знатной!..

Каз-Джери тут же раздал золото тем, кто выказал желание жениться. Юноши обрадовались и, не переставая выкрикивать имя своего благодетеля, поспешили домой, чтобы сообщить родителям добрую весть. Но Каз-Джери на этом не успокоился: одному он подарил свою лошадь, другому вручил пистолет, третьему — кинжал, четвертому — шашку, пятому — бурку, тем самым обрекая себя вернуться домой ни с чем.

На Кавказе есть обычай: выкуп за невесту. Если юноша намеревается жениться, он встречается с отцом понравившейся де-

вушки и просит назначить цену выкупа. За дочь отцы требуют немалых денег даже с самых бедных женихов, и если семья юноши может позволить себе подобную трату, то сразу после передачи выкупа начинается подготовка к свадьбе.

...Возвратившись в замок, Каз-Джери поманил к себе одного из слуг и поинтересовался, искали его братья или нет. Слуга ответил, что не искали, и у Каз-Джери сразу отлегло от сердца.

Выждав для приличия две недели, он устроил себе новое путешествие. Потом вернулся, отдохнул и опять пропал.

Всякий раз он отправлялся в разные селения и раздаривал отцовское золото. Когда он трогался в обратный путь, люди непременно выходили из домов, чтобы попрощаться. Сидя на лошади и улыбаясь, он махал им рукой, а они глубоко кланялись.

Он промышлял этим в течение трех долгих лет и осчастливил множество бедняков. То тут, то там его поминали добрым словом, но старшие братья не придавали этому значения. Однако, когда до них дошел слух, что Каз-Джери видели в каком-то рванье верхом на хромой кляче, Бел-Мерза забеспокоился, сам не понимая отчего.

Однажды он проходил мимо двери в подвал и решил проверить, все ли там в порядке. Войдя и отперев сундуки, он пошатнулся как от удара: один из сундуков был наполовину пуст. Бел-Мерза запер сундуки, затем подвал и, вернувшись к себе в покои, сел на стул и закрыл лицо руками. Впрочем, долго он не просидел — вскочил и начал ходить из угла в угол. Ходил-ходил и в конце концов решил. Позвал слугу и велел:

— Скажи к моим братьям и передай, что я хочу их видеть.

Слуга поспешил исполнить поручение.

В это время братья были примерно в двенадцати верстах от замка. Прибыв, они немедля отправились в покои Бел-Мерзы и нашли его чрезвычайно мрачным.

— Что стряслось, брат? — спросили они в один голос.

— Ничего такого, — ответил он, не глядя на них. — Я позвал вас потому, что хочу разделить отцово наследство. Каждый должен взять свою долю, так будет лучше для всех.

Темир-Болат громко ахнул, услышав эти слова, но возражать старшему брату не посмел.

— Будь по-твоему, — сказал он, опуская глаза.

Каз-Джери помолчал и прибавил задумчиво:

— Что ж, давайте.

На стене висела карта их земель; Бел-Мерза взял карандаш и поделил карту на три неравные части. Самые плодородные

земли он оставил за братьями, себе же взял камни да скалы. Потом в записях на столе он отыскал точные сведения о скоте и лошадях и все лучшее отдал Каз-Джери. Деля замок, двое старших братьев писали, склонившись над столом, а младший стоял у стены¹¹.

Когда с бумажными делами было покончено, Бел-Мерза извлек из кармана три ключа. Один протянул Темир-Болату, второй — Каз-Джери, третий зажал в кулаке.

— Это ключи от сундуков, — пояснил он. — Может, сходим посмотрим?

Братья спустились в подвал и встали каждый напротив своего сундука.

Первым сундук открыл Бел-Мерза.

— Согласно отцовой воле это будет принадлежать мне, — сказал он.

Затем пришел черед Темир-Болате отпирать сундук.

— А это — мне, — сказал он, кладя ладонь на золото.

Наконец и Каз-Джери сунул ключ в замочную скважину. В момент, когда он отбрасывал крышку сундука, Бел-Мерза сказал ему:

— А это, брат, твоя доля.

— О нет! — запальчиво возразил Каз-Джери. — Почему мне только полсундука?..

Темир-Болат до последнего ни о чем не догадывался. Заглянув в раскрытый сундук младшего брата, он вздрогнул:

— Боже мой! Кто взял их? Кто нас обокрал?

Каз-Джери ответил:

— Я б тоже хотел это знать!

— Неизвестно, кто вор, — сказал Бел-Мерза. — Однако, если мы продолжим этот разговор, боюсь, все закончится большой ссорой. Впрочем, надеюсь, наступит день, когда вор будет изобличен... — Он помолчал, затем повернулся к младшему брату. — Стало быть, ты отказываешься от той доли, которая лежит в этом сундуке?

— Отказываюсь! — решительно заявил Каз-Джери.

— Хорошо, — кивнул Бел-Мерза. — Тогда все, что нам нужно, — это отправиться к лучшему другу отца. Он скажет, как быть.

Средний и младший братья согласно закивали.

...Они выехали на трех великолепных вороных кобылицах, задние ноги которых были в белых чулках. Подобная масть в тех краях являлась знаком для простого люда: в седлах высокородные.

¹¹ На Кавказе молодые люди не садятся перед своими старшими.

Дорога оказалась неблизкой — без малого двести верст от Санибы до христианского города Они. Невозможно представить трудности, что претерпели братья: дикие ущелья, непроходимые леса, узкие тропки, тянущиеся по-над пропастями, множество рек и опасных висячих мостов, рассчитанных только на пешего путника.

Наконец добрались до открытой местности. Навстречу им двигался человек, погонявший двух буйволов, которые тянули груженую телегу. Братья поприветствовали незнакомца, а он поприветствовал их. То был крепкий еще старик с очень пронизательными глазами. Он сразу распознал во всадниках чужаков и обратился к ним:

— Могу я спросить, откуда вы и куда держите путь?

— Из Санибы в Они, — был ответ. — Едем повидать друга нашего отца, князя Бадилата.

— Ого, неблизкая дорога! — воскликнул старик. — Уверен, вы испытываете голод и жажду. Давайте я вас угощу.

С этими словами он взобрался на телегу и принялся извлекать из большой ивовой корзины разные яства. Братья переглянулись, пожали плечами и с удовольствием принялись за еду.

Там же, в корзине, у старика нашлись два полных бурдюка. Он покопался еще немного и поднял свернутую кольцами резиновую трубку длиной около четырех аршин. Один конец трубки вставил в горлышко первого бурдюка, противоположный конец сунул себе в рот. Потянул немного, проверяя содержимое, — оказалось, вино. Тогда старик отрезал обслюнявленный кончик трубки, чтобы путники не побрезговали, и предложил им угоститься. Но братья вежливо отказались.

— Очень сожалеем, — объяснил Бел-Мерза, — но, будучи магометанами, мы не прикасаемся к хмельному.

— Прошу прощения, — отозвался старик. — Я, конечно, знал про это, просто по ошибке вдел трубку не в то горлышко... Вот! — Он быстро вынул трубку из винного бурдюка и вставил в другой. — Тут вода, — заверил он, протягивая братьям конец трубки.

Те по очереди отпили.

— Теперь, — сказал Бел-Мерза, — хотелось бы узнать, как далеко находится Они.

Старик с прищуром глянул через плечо.

— Видите холм? Когда взберетесь на него, сразу за ним, в долине, будет городок. И вам больше не придется спрашивать дорогу к князьему замку — там он один, не ошибетесь.

Братья по очереди пожали старику руку и поехали дальше. Старик восхищенно поглядел им вслед и проговорил, качая головой:

— Боже, ну разве не красавцы!

...В замок князя Бадилата братья въехали через главные ворота. Спешившись, они привязали лошадей к невысокому деревцу, что росло во дворе, сняли войлочные плащи¹² и накрыли ими спины лошадей. Затем по очереди вошли в гостевой домик, располагавшийся напротив дерева. В обширной комнате на стенах висело несколько шкур, одна из них была оленьей. Братья сняли свое оружие и развесили его именно на ней¹³.

Пока гости были во дворе, две молодые княжны наблюдали за ними, сидя на балконе замка и заплетая друг дружке косы. Когда же они скрылись в домике, старшая княжна вскочила и стала оглядывать двор в поисках кого-нибудь, кто мог бы подобающе поприветствовать гостей. Двор, как назло, оказался пуст. Тогда княжна поспешила вниз по лестнице и направилась в сад, где и отыскала своего отца.

Князь ухаживал за виноградными лозами, молодой слуга, топтавшийся рядом с ним, поливал виноград из резиновой трубки.

— Отец! — сказала княжна. — Пожалуйста, поторопитесь! Несколько всадников только что спешили у нас во дворе.

— Хорошо, — отозвался князь. — Я не заставлю их долго ждать.

Княжна удалилась, а хозяин замка послал слугу посмотреть, кто приехал. Тот отправился исполнять поручение. Когда он вошел в домик, братья оживились.

— Дома ли князь? — спросил Бел-Мерза.

— Да, скоро вы его увидите. — Слуга мельком покосился на стену, где было развешано оружие, и, поклонившись, вышел во двор.

Спеша обратно в сад, он также скользнул глазами по привязанным лошадям.

— Ну? — спросил князь, когда увидел слугу.

— Это трое высокородных, — доложил тот. — Правда, я никогда их раньше не видел. Оружие они развесили на оленьей шкуре, а задние ноги их лошадей в белых чулках.

¹² Эти плащи называются *нымат* на Кавказе.

¹³ Был такой обычай: если вы вошли в дом в качестве гостя и повесили оружие на такую оленью шкуру, это давало понять хозяину, что в его доме вы по серьезному делу.

— Интересно, — проговорил князь, отрываясь от своего занятия.

На лице его появилось выражение озабоченности. Достаточно ли хорошо я одет, чтобы показаться гостям? — подумал он и мысленно оглядел себя. Семидесятипятилетний, высокий, еще стройный, сивобородый. Длинная серая черкеска до колен подпоясана наборным ремнем. На ремне — кинжал в серебряной оправе. Мягкие сафьяновые сапоги. Загнутая спереди войлочная шапка... Князь смахнул невидимую пылинку со своего плеча и пошел к гостям. Слуга последовал за ним.

Войдя в домик, князь обменялся с братьями рукопожатиями и спросил:

— Могу я узнать ваши имена?

— Мы сыновья Эльмерзы Тагиата.

Услышав это имя, князь заулыбался.

— Тагиата? Надо же, больше двадцати лет минуло с той поры, когда я видел вас. Ну и вымахали же!.. — Он повернулся к слуге, замершему за его спиной. — Поди кликни кого-нибудь, пусть расседлают и накормят лошадей.

Две княжны тем временем любовались с балкона кобылицами. Одна другой говорила: «Не правда ли, магометанские юноши прекрасны! Даже если ненавидишь их — все равно хочешь не хочешь, а будешь на них смотреть! Только погляди на этих лошадок — воронье да с белыми чулочками! До чего же необычно!..»

— Теперь пойдёмте в замок, — говорил князь гостям. — Познакомлю вас со своей семьей.

Проводив братьев в главную залу, он велел позвать жену и дочерей.

— Вот! — сказал он, когда те явились. — Это сыновья моего покойного друга. Знакомьтесь.

Женщины обменялись с юношами взаимными приветствиями. Потом случился короткий, необременительный разговор, после которого две княжны, извинившись, удалились в соседнюю комнату¹⁴.

Мать князя была еще жива, хотя ей давно перевалило за девяносто. Она тоже придерживалась магометанской веры, и князь никогда не забывал об этом.

— Хотя моя дорогая родительница, — сказал он, обращаясь к братьям, — очень стара и малость глуховата, я думаю, она будет рада еще раз повидать единоверцев.

¹⁴ Девушки на Кавказе очень застенчивы с незнакомыми людьми. Мужчины при встрече с ними никогда не снимают головного убора.

Он провел гостей на балкон, где грелась на солнце его старуха-мать. Та с трудом поднялась навстречу гостям. Братья поклонились ей и по очереди представились.

— Надеюсь, вам понравятся наши христианские обычаи, — впалым ртом прошамкала она в ответ. — Без тех споров, которыми зачастую грешат люди.

Братья еще раз поклонились, после чего князь увлек их в свой сад. Неспешно прогуливаясь с гостями в тени виноградных аллей, князь предложил сходить на озеро.

— Тут недалеко, прямо за замком.

Там, у озера, стояла небольшая беседка, окруженная треком для верховой езды. Сейчас трек был занят: дюжина мальчишек в возрасте от пяти до двенадцати лет каталась по очереди на кауrom пони. За ними наблюдал пожилой мужчина в красной войлочной шапке — судя по всему, объездчик.

Князь рассадил гостей в беседке, уселся сам, и вместе они принялись наблюдать за детьми. В дальнем конце трека стояла, переступая с ноги на ногу, серая кобылка. Около нее, выстроившись в ряд, замерли трое мальчишек. Подошедший объездчик принялся объяснять мальчишкам, как правильно садиться в седло, как держать поводья, как спешиваться.

— Кто эти дети? — спросил Бел-Мерза у князя.

— Соседские, — ответил тот. — Поскольку их родители бедны и безлошадны, я распорядился соорудить здесь трек, чтобы можно было бесплатно учиться верховой езде. Пятнадцать лет уж катаются, и знаете что? На сегодняшний день наше селение может похвастаться несколькими замечательными наездниками.

— И вправду отличная затея! — воскликнул Темир-Болат. — Вот бы и нам у себя попробовать. Интересно, найдется ли хоть одно дарование.

...В замке ничего не было подготовлено к внезапному визиту гостей. От братьев не ускользнуло несколько вещей, заставивших их сильно удивиться княжьей беспечности.

На третий день слуги закололи овцу, и Каз-Джери, краем уха услышав про это, поспешил поделиться с братьями:

— Для нас только что закололи овцу — очевидно, перерезали горло, как свинье. Но ведь мы не можем это есть, тьфу!

Ближе к вечеру князь позвал гостей отужинать с ним. Вчетвером они расселись за столом, который ломился от всевозможных яств и напитков. Слуги выстроились поодаль у стены, готовые исполнить любое пожелание.

Согласно христианскому обычаю князь снял с головы шапку и отложил в сторону. Братья же остались в шапках — согласно магометанскому.

Закатывая рукава, князь сказал:

— Ну что ж, друзья, теперь можем приступить...

И тут гости неожиданно встали из-за стола.

— Что? — удивленно спросил князь, тоже поднимаясь. — Что случилось?

— Прости за неучтивость, хозяин, — сказал Бел-Мерза. — Но мы не можем прикоснуться к этому мясу.

— Но почему?!

— Потому что овца была заколота христианином.

— Вот как...

— У нас, магометан, есть для этого дела специальный человек, только он может закалывать. И овец мы содержим в закрытых помещениях.

Некоторое время князь потрясенно смотрел на молодых гостей.

— Прошу прощения, — выдал он наконец, — но для нас нет никакой разницы!

— Понимаю, — ответил Бел-Мерза. — Но для нас разница есть, и большая.

Темир-Болат прибавил:

— К сожалению, христиане часто ошибаются в общении с нами. Например, хлеб для себя и для гостей вы выпекаете из одной и той же муки. Магометане так не делают. Часть муки мы храним отдельно — как раз на случай, если явятся гости.

— Да, да, это действительно так, — закивал князь. — Всю муку я держу в большом коробе.

Тут подал голос Каз-Джери:

— У по-настоящему честного человека всегда найдутся враги, ибо он говорит всю правду, без утайки. Боюсь, что в жилах твоих нет и капли крови славных Бадилатов.

Окончание следует.

Артур ЦЕРЕКОВ

ОРДЖОНИКИДЗЕВСКИЙ «ВИДЕОДРОМ»

ЭССЕ

НА РАННИХ ПОДСТУПАХ

Весной 1975 года в городе Орджоникидзе был открыт главный магазин североосетинской столицы — ЦУМ. А спустя примерно год после этого в его секции, торгующей электроникой, появился невиданный ранее агрегат — бобинный видеоманитофон «Электроника-590 видео». Его стоимость была более 2000 рублей, и потому массовым спросом он явно не пользовался — люди ходили смотреть на него как на некую диковинку, о покупке которой в подавляющем большинстве советских семей того времени не могло быть и речи. Я учился тогда в четвертом классе, и среди пацанов прошел слухок о том, что отец одного пятиклассника из нашей школы эту «игрушку» благополучно прикупил домой, и теперь этот пацан имеет в своем распоряжении все вышедшие на тот момент серии «Ну, погоди!» и смотрит их когда его душе угодно. А еще примерно через год на сторонке прошел слух, что сотрудники спецслужб арестовали одного дяденьку, у которого был такой агрегат и который с его помощью дома рассматривал голеньких тетенек. И что якобы кто-то из неравнодушных соседей стал свидетелем этого непотребства и благополучно стукнул на эротомана куда следует — чтобы не разрушал устои и ничего более откровенного, чем сцена купания индианки Хеш-Ке в фильме Дж. Л. Томпсона

«Золото Маккены», не смотрел. Но все эти сведения циркулировали лишь на уровне слухов, и среди моих знакомых тогда не было ни одного человека, видевшего своими глазами записанное кино.

ВИДЕОПОДПОЛЬЕ

Технический прогресс не стоял на месте, и уже к концу 1970-х в нашем городе появились владельцы импортных кассетных видеомагнитофонов, пока только с вертикальной загрузкой. Эти счастливицы были в основном представителями элитарного сословия советских граждан, которых в народе называли торговой мафией. И это неудивительно, ведь японская видеодвойка с относительно небольшой диагональю телевизора (как правило, 54–67 см) по цене была эквивалентна стоимости престижного авто или просторной кооперативной квартиры, а записанная трехчасовая видеокассета продавалась за 400 рублей (квартальная зарплата врача или учителя). Репертуар этих записей в ту пору был весьма небогат: четыре фильма с участием Брюса Ли, ранние кинокартины Чака Норриса и Сильвестра Сталлоне, несколько классических вестернов с участием Юла Бриннера и Клинта Иствуда, эротика уровня «Эммануэль» (реж. Ж. Жакен), пара-тройка мелодрам, кое-что из Бондианы и небольшое количество боевиков, в которых снимались Алан Делон, Чарльз Бронсон и Шо Косуги. Комедийный жанр был представлен в основном продукцией европейского кино, как и на большом экране. Фильмы ужасов в те годы еще не вышли на качественный уровень и отличались малобюджетными постановками.

Особняком в этом перечне стояло «кино для взрослых» — жанр, ранее абсолютно незнакомый советскому зрителю. Кроме того, демонстрация фильмов этой тематической направленности гарантировала их владельцу довольно солидный тюремный срок. Впрочем, в те времена сажали и за относительно безобидную эротику. Важная деталь: качество записи большинства видеокассет в ту пору было настолько ужасным, что отличить фильм для взрослых (а их переписывали до черно-белого уровня) от записи, например, чемпионата Японии по сумо можно было иной раз лишь по звуковому сопровождению. Хорошо записанный фильм тогда был редкостью, и в связи с этим считалось, что если фильм «держит цвет» — уже неплохо. Это касалось и звучания видеоки-

но. Ведь многоголосых, а тем более дублированных переводов в те годы не было, а многократно переписанные копии, озвученные «с прищепкой на носу», настолько теряли в качестве звука, что часто очень непросто было понять смысл экранных диалогов.

В Орджоникидзе появилось и свое видеоподполье. Предприимчивые граждане устраивали у себя дома платные просмотры запретного кино. За 25 рублей (стоимость обеда в хорошем ресторане) посетитель подобного киносеанса мог посмотреть три кинокартины разного жанра. Чаще всего это был набор из каратэ, боевика и порнухи. Чуть позже, когда на экраны вышли фильмы ужасов уровня «Американского оборотня в Лондоне» (реж. Дж. Лэндис), картины этого направления также стали включать в репертуарную линейку видеоквартирников.

При Брежневе все это видеонепотребство было малораспространенным явлением и потому уголовных дел, связанных с видеобизнесом, насколько мне известно, заведено было относительно немного.

АНДРОПОВСКИЙ МОЛОТ

Начальный расцвет подпольного видеорынка пришелся на годы правления генсека Андропова из-за ощутимого роста количества криминальных видеоточек. Дело в том, что к этому времени видеоаппаратура по своей стоимости плавно перекечевала из категории «безусловно богемная» в разряд «относительно доступная». Ее можно было по большому благу приобрести на советских торговых базах или на чеки Внешпосылторга в специализированных магазинах «Березка». Владельцами «видаков» становились уже не только мафиозные «сливки общества», но и просто зажиточные граждане — обладатели высоких научных степеней, шахтеры, творческая интеллигенция столичного уровня, успешные ремесленники, взяточкоориентированная интеллигенция, мелкие фарцовщики, собственники студий звукозаписи. С одним из них связан самый громкий уголовный процесс в Осетии той эпохи, было это, кажется, в 1983 году. Я слышал несколько версий этого происшествия и потому не могу ручаться за достоверность каждой из них, но согласно одному из вариантов трактования этой истории (который, вполне вероятно, может быть далеким от истины) дело было так: владелец студии звукозаписи подпольно писал порнушку на видеокассеты и продавал

ее местным торговым деятелям крупного масштаба. Как мне рассказывали, он прятал этот криминальный товар в доме у своей тещи, которая привлекла внимание оперативников ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) по совершенно другому, более прозаичному поводу. И якобы во время обыска на квартире у этой женщины и были обнаружены вышеназванные видео. А далее все было делом оперативной техники — отслеживание контактов, обыски, сбор доказательной базы, расширение круга фигурантов. Согласно деталям другой версии, на мой взгляд более экзотической, эти записи были не простыми копиями западных порнофильмов, а в том числе и снятыми на видеокамеру сценами из местной подпольной развратной жизни. В любом случае, это дело обрело тогда широкую огласку и его фигуранты получили реальные сроки отбытия наказаний.

Стоит особо отметить, что граждан в те годы сажали по «видео-статье» чаще всего по доносам их «друзей» и соседей. Хоть и прошло тогда уже полвека со времен «ежовщины» образца 1937 года, а привычка писать доносы у некоторых наших земляков осталась. Отдельным гражданам было обидно осознавать тот факт, что, пока они смотрят в программе «Время» сюжет о росте антивоенных настроений в Западной Европе, их сосед в этот момент наслаждается куда более пикантными подробностями жизни этих же западноевропейцев. Поэтому письма или звонки «неравнодушных» граждан часто становились спусковым крючком для оперативных действий. Сотрудники правоохранительных органов прибывали по указанному адресу и на подъездном электрощитке выключали свет в предполагаемом «гнезде распространения разврата и безнравственности». Результатом этих действий было срабатывание своего рода капкана для видеокассеты с криминальной начинкой — ее невозможно было извлечь из корпуса обесточенного аппарата, и таким образом она становилась главной уликой против его владельца. Далее ее ожидала экспертиза на предмет определения степени недозволённого. Как она происходила в Северной Осетии, я, честно говоря, не знаю. Но в прессе подробно описывали эту процедуру, имевшую место в ряде других советских регионов. Там указывалось, что в экспертную комиссию входили врач-сексопатолог, психолог, искусствовед и иногда... учитель физкультуры. Последнее меня тогда удивило больше всего. Быть может, физрук определял на глаз степень физической подготовки актеров «взрослого кино»?..

Я считаю советский период лучшими годами своей жизни, и тем не менее приходится констатировать, что «сверхбдительность» некоторых наших соотечественников приобретала в те годы весьма непредсказуемые и даже загадочные формы. Например, мне известен случай, когда в 1985 году во время Московского фестиваля молодежи и студентов мужчина из ДНД задержал на дискотеке одного нашего земляка за то, что ему, дружиннику, показалось, что парень в танце изображает фашистскую свастику. Хорошо, что столичные милиционеры пресекли этот маразм на корню и немедленно отпустили танцора на волю. Или другой пример. Местные дружинники на одном из деревьев Парка культуры и отдыха заприметили целующуюся парочку — студентов техникума. Бдительные товарищи стрясли парня с девушкой с дерева, привели в опорный пункт, где на них был составлен административный протокол с небезынтересной формулировкой: «хулиганство в общественном месте с особым цинизмом».

В центре Орджоникидзе в те годы проживал с семьей один молодой мужчина. Его зарубежные родственники подарили ему видеомагнитофон, а «неравнодушные» знакомые написали на него донос, обвинив в публичном показе порнофильма. Я сейчас точно не помню, но речь шла либо о фильме «Греческая смоковница» (реж. З. Ротемунд), либо об одной из частей упомянутой «Эммануэль». Человеку дали реальный срок, он провел в неволе несколько лет, а освободившись и прибыв домой, едва не потерял сознание при виде одной из городских киноафиш: это был анонс того самого фильма... Новые времена принесли с собой и новые взгляды на степень дозволенного.

АНТИСОВЕТЧИНА

Но самым преследуемым в СССР был не порноконтент, а кино антисоветского характера. Поскольку оно угрожало не только нравственному климату советского общества, но и его ведущим, идеологическим устоям. А это было куда опаснее, чем откровенная постельная сцена. Поэтому борьба с распространением видеокассет с фильмами антисоветского толка велась уже на уровне КГБ. В ту пору чекистов особо интересовало наличие в домашних видеотеках двух американских фильмов: «Москва на Гудзоне» (реж. П. Мазурски) и «Красный монарх» (реж. Дж. Голд). Несколько позже в главную антисоветскую пятерку вошли еще три ленты

с участием Сильвестра Сталлоне: вторая и третья части «Рэмбо» (реж. Дж. П. Косматос и П. Макдональд соответственно) и «Рокки-4» (реж. С. Сталлоне).

С наличием антисоветского контента связан один показательный случай. На кассетах появился сверхкоммерческий боевик «Тигр каратэ — 2» (реж. К. Юэнь). После успеха первой картины местные видеописатели и хозяева видеосалонов потирали руки в предвкушении неслабых прибылей от записи и проката этого фильма. Но тут произошло непредвиденное: во время предварительного просмотра этого боевика в самом его конце обнаружился пятисекундный момент, когда главный герой бьет своего противника портретом Ленина по голове. Но находчивые товарищи — «писатели» благополучно обошли это препятствие — на всех копиях с оригинала при записи этот момент вырезали.

ПРЕСТИЖНОСТЬ И КРУТИЗНА

Во второй половине 1980-х, уже в перестроечную эпоху, видео еще больше расширило ареал своего воздействия. Его просмотр стал делом престижа. В связи с этим нередко возникали довольно забавные ситуации. Один мой приятель-студент рассказал, что его однокурсники частенько посещали квартиру своего друга, у которого дома был видак. А на следующий день рассказывали в аудитории содержание просмотренного накануне кино. Эти ребята считались в студенческой среде людьми «продвинутыми» и «навороченными», «крутизной» факультетского масштаба. И вдруг через некоторое время у них появляется неожиданный конкурент. Их однокурсник, по тогдашней молодежной классификации «книжный червь» и явный «ботан», стал приходить в институт и прилюдно рассказывать, какие крутые фильмы он регулярно смотрит у некоего родственника, мастера из автосервиса. При этом содержание фильмов, о которых он рассказывал, было намного интересней и круче, чем, например, тренировки Рокки перед очередным эпохальным поединком. Эти рассказы сделали парнишку сверхпопулярным в среде ровесников и автоматически отодвинули прежних любимцев публики на второй план. Эта битва видеообзоров продолжалась примерно полгода, после чего новый любимчик курса сделал сенсационное признание. Выяснилось, что единственным видео, которое он успел посмотреть к своим 19 годам, были его детские диафильмы. А сокурсникам он

рассказывал содержание ранних произведений Роберта Шекли, Гарри Гаррисона, Луи Буссенара и Пьера Бенуа. Самое интересное, что после этого акта саморазоблачения парня еще больше зауважали и перевели в категорию «красавчик по жизни».

Чуть позже, уже на самом излете советской власти, один мой знакомый перед свадьбой посетил прокат кассет и видеомагнитофонов и подготовил своей невесте весьма оригинальный сюрприз: большую часть первой брачной ночи они смотрели фильмы «Одинокий волк Маккуэйд» (реж. С. Карвер), «Месть ниндзя» (реж. С. Ферстенберг) и «Хороший, плохой, злой» (реж. С. Леоне). И это было круто!

РАЗРУШЕНИЕ МИФОВ И СТЕРЕОТИПОВ

В годы моего детства и отрочества в среде пацанов существовала своеобразная сказка о «первоначальном» содержании западных фильмов. Авторы этой легенды на полном серьезе утверждали, что все фильмы капиталистических стран, которые мы видим на большом экране, являются многочасовыми порно-эротическими сагами. И то, что мы видим в кинотеатрах, — жалкие остатки кино, безжалостно изрезанного советской цензурой, заботящейся о нравственности советских людей. Все эти мифы базировались на армейском фольклоре их старших братьев-демпелей, проходивших срочную в странах Варшавского договора. По рассказам последних, они якобы ночью в казармах ловили на своих телевизорах вещание Западного Берлина и видели все мировые шедевры кино в оригинальном виде, с обилием откровенных сцен и вообще другим содержанием. Примерно до 6-го класса я верил в эти басни, а потом засомневался. Мои подозрения в самой полной мере подтвердились после того, как я пересмотрел все эти фильмы на видеокассетах и убедился в том, что на самом деле из западного кино вырезались совсем небольшие, не влияющие на содержание фильмов фрагменты, которые, в свою очередь, по степени присутствия в них эротического элемента тускло меркли на фоне того, что наснимали наши соотечественники в эпоху «кооперативного кино».

Одним из наиболее часто встречавшихся стереотипов о видео (я иногда и сегодня с ним сталкиваюсь), особенно на его раннем этапе распространения, было мнение, что любой видеофильм является чем-то за пределами неприличным. Возникновению этого

клише способствовало огромное количество статей в перестроенной прессе, авторы которых клеймили всю видеопродукцию одной и той же трудно смываемой печатью — «осторожно, порнуха!» Помню, однажды в 1987 году я сидел в гостях у хозяина видеоманитона, и мы вместе с его 40-летним другом смотрели фильм «Лицо со шрамом» (реж. Б. де Пальма). Для упомянутого друга это был первый в его жизни просмотр записанного кино — на фоне того, что его сознание пребывало в плену у вышеописанных стереотипов. Минут через двадцать после начала просмотра он начал нервно ерзать и недовольным тоном поинтересовался у хозяина квартиры:

— Что они так долго тянут? Когда наконец ВСЁ начнется?

— Что именно должно начаться? — поинтересовался его собеседник.

— Как что?! Ну, ЭТО... разнузданная безнравственность.

— Ах, вот ты о чем. Вынужден тебя разочаровать: здесь ЭТОГО не будет, это кино совсем на другую тему.

— А разве с видео такое возможно?!

— Представь себе, да. Ведь ты, купив фотоаппарат, не используешь его исключительно на съемку обнаженной женской натуры?

— Я голых баб вообще никогда не фотографировал! Так, семью, горы, дни рождения снимаю...

— Вот «Лицо со шрамом» и есть в нашем случае и семья, и горы, и день рождения. То есть все, что угодно, только не порнуха.

— Понятно... — с нескрываемым разочарованием в голосе пробормотал друг.

И в наши дни, спустя 37 лет после вышеприведенного диалога, я, упомянув в разговоре, что и сам был хозяином видеосалона, периодически слышу один и тот же вопрос: «Что, небось день и ночь там порнуху крутил?»

СКАЗКА ОБ АЛАНСКОМ БЛОКБАСТЕРЕ

Осенью 1991 года, за месяц до распада СССР, в видеопрокате моего знакомого появился незнакомый ему мужчина и с порога поинтересовался, нет ли в этом заведении голливудского фильма об аланах. После этого подобный вопрос я слышал 754 раза. И виной тому была байка, что якобы у Сослана Петровича Андиева дома есть некий крутейший американский блокбастер на тему войн аланов с Римом. И что он смотрит этот шедевр в узком кругу

друзей и родных чуть ли не в специально оборудованном бункере. Эту сказочку я слышал в разных вариациях. В одной из них говорилось, что аланского царя играл Чак Норрис, а в другой — Шон Коннери (хорошо, что не Савелий Крамаров!). Басня сия продержалась около двух лет, ровно до тех пор, пока, как я слышал, сам Андиев публично ее не опроверг. У наших соседей по Северному Кавказу тоже подобные фантастические слухи присутствовали, но в них речь шла уже о целом голливудском сериале о подробностях вооруженного противостояния отрядов имама Шамиля и царской армии.

«ВАЛЬНУЛИ ЧИСТО ПО-БРАТСКИ...»

Стороночная субкультура города Орджоникидзе не избежала пересечения с субкультурой видеорынка. В мой второй видеосалон, который располагался на улице Кесаева в частном доме, в районе магазина «Рубин», нередко заживали уважаемые пацаны сразу с двух сторон — с «Ракеты» и с «Зари». У нас с ними были нормальные отношения, а с некоторыми — приятельские. Иногда их комментарии к происходящему на экране вызывали не меньшее оживление в зале, чем сюжетные коллизии фильма. Во второй части ужастика «Зловещие мертвецы» (реж. С. Рэйми) есть такой момент: героиня фильма стоит у входа в лесную избушку с магическим колом в руках, намереваясь поразить им собирающегося войти в дом монстра. А вместо последнего туда заходит ее парень, она его бьет колом в живот, он падает, истекая кровью. Девушка, осознав, что натворила, падает рядом и начинает вопить: «Прости! Прости меня, любимый!» В это время в зале видеосалона раздается философский комментарий стороночного пацана: «Да ничё, бывает...»

Один мой однокурсник как-то во время обсуждения репертуара ходивших по рукам видеокассет сказал мне, что самым смешным из всех фильмов, которые он видел в своей жизни, является уже упомянутый мной «Лицо со шрамом». Увидев недоумение на моем лице, он рассказал мне занимательную историю о личном знакомстве с этим шедевром гангстерского кино. На заре видеоэры он с друзьями взял в прокат видеоманитофон, у которого в какой-то момент пропал звук. Как раз перед просмотром вышеназванного фильма. Все расстроились, но один из присутствующих предложил запустить просмотр без звука, сославшись на то, что

лично он уже этот фильм видел и готов вслух его «продублировать» для друзей. Тут стоит отметить, что парень был бывшим наркоманом, со всеми вытекающими лингвистическими особенностями его повседневного лексикона... Однокурсник с компанией с трудом смогли досмотреть картину до конца, во время просмотра которой едва не умерли со смеху — настолько специфическим был импровизированный «дубляж» их приятеля. Они смогли успокоиться лишь тогда, когда героя Аль Пачино «чисто по-братски (!) вальнули за борзые движухи и гнилые базары пацаны с другой стороны».

МОЕ ВХОЖДЕНИЕ В ВИДЕОПРОСТРАНСТВО

В сентябре 1988 года я прилетел в Москву с намерением прикупить себе видеомагнитофон. У меня с собой было 4000 рублей, 800 из которых я выручил за проданную часть своей коллекции виниловых пластинок. За три года моего отсутствия в столице она здорово переменялась, причем далеко не в лучшую сторону. Два дня мы с двоюродным братом Алланом Мерденовым провели на видеобирже недалеко от Шаболовки, охотясь за оптимальным сочетанием «цена — качество». За это время я там насмотрелся на совершенно экзотические для моего советского менталитета вещи.

Первыми, кто шокировал мое сознание, были две дешевые проститутки с сутенером, которые покуривали в сторонке от видеотусы. Под влиянием просмотра западных и советских фильмов у меня сформировался некий стереотип внешнего облика «жриц любви»: томные дамы в мини, в чулках со стрелочками, на высоких каблуках, с изящными ридикулями в холеных ручонках. А тут я увидел двух обычного вида тетенок в советских шерстяных спортивных костюмах и кедах, с дико размалеванными физиономиями.

Потом я узрел всамделишных рэкетиров, о которых много читал в начинавшей желтеть перестроечной прессе. Это были классические накачанные «любера» в широких клетчатых брюках и кожаных куртках. Они приехали на точку на новенькой «семерке» и с шутивными замечаниями прошлись сквозь торгующую толпу, собирая с бизнесменов ежедневные 20 р. Один из «люберов» остановился возле меня и душевным тоном поинтересовался, чем торгую. Выяснив, что мы с братом покупатели, парень заулыбался, пригласил почаще бывать на их «точке» и тепло, как со старыми знакомыми, за руку попрощался с нами, предварительно угостив нас американской жвачкой.

Третий «сюрприз», связанный с пребыванием в видеотусе, был для меня неприятным и удивительным. В предыдущие годы, находясь по делам в столице, я любил захаживать в московские кафетерии, где можно было дешево перекусить недорогой, но очень качественной едой. Кофе, какао, сардельки, бутерброды с колбасой, пирожки, печенье, пельмени, пирожные, мороженое, черный хлеб — все это стоило в советские времена в Москве ровно столько же, сколько в Орджоникидзе, но было на голову выше по качеству. В один из дней, проголодавшись к обеду, мы с братом объездили на его авто всю округу, но так и не нашли ни одного подходящего для перекуса заведения. Пару раз мы наткнулись на кооперативные кафе с заоблачными ценами и, как шутили в народе, с шашлыками из «бобика». В магазинах тоже было пусто — ни тебе приличной колбасы, ни классического бородинского хлеба к ней... В итоге километрах в пяти от видеотусы нам удалось прикупить для перекуса пару шоколадок и полкило овсяного печенья.

На третий день мне посчастливилось купить у циркачей, приехавших с гастролей из Англии, японский видеоплеер Funai. На оставшиеся деньги я приобрел три видеокассеты по 100 рублей за штуку. Это были: трехчасовая музыкалка с клипами Сабрины, Ким Уайлд и прочих симпатичных тетенок; относительно новый фильм с Шварценеггером «Без компромиссов» (реж. Дж. Ирвин) и классика видео — «Коммандо» (реж. М. Лестер) и «Кобра» (реж. Дж. П. Косматос). В процессе покупки последних ко мне подошел смурного вида мужчина и предложил купить у него кассету с фильмом, где «в главных ролях тусят Сталлон, Шварц, Чак Норрис и Дольф Лундгренов». Я ответил добрячку-фантазеру, что подобного кино в околосемной атмосфере не существует. Он пожал плечами и, пробормотав «как знаешь, не хочешь — не бери, мне пофиг — люди с Севера и так всё заберут», отошел в сторону. Кто же мог тогда предположить, что этот бред московского афериста, спустя десятилетия, воплотит в жизнь Сильвестр Сталлоне в своих «Неудержимых».

ПЕРВАЯ ВИДЕОТОЧКА

Вернувшись домой с японским видаком, я сразу же стал самым желанным гостем на всех мероприятиях своих коллег и знакомых. Особенность этого аппарата была в том, что его можно было

подключить абсолютно ко всем советским телевизорам без блока ДМВ. Поэтому ни один день рождения или новоселье моих знакомых не обходились без моего участия. А через пару месяцев мы с моим приятелем открыли видеосалон в ДК одного из североосетинских селений. На наши сеансы там ходили одни парни — радужные и гостеприимные, приятные в общении молодые люди. Девушек на сеансах никогда не было. По моему предположению, это было связано с вышеописанной репутацией видео как явления крайне безнравственного и сомнительного. Видеосеансы там проходили в штатном режиме, без конфликтов и ЧП. Только один раз случилось нечто непредвиденное. В тот вечер я крутил кассету с «Кошмаром на улице Вязов» (реж. У. Крэйвен). И когда на экране телевизора появился всем известный Фредди Крюгер, один из сидевших в зале парней принялся громко материться, минут пять, не меньше. Я потом его спросил о причине столь откровенного выброса эмоций, и он мне ответил, что смотрел фильм ужасов впервые в своей жизни и вид экранного злодея вызвал у него желание малость взбодриться — при помощи обычной ненормативной лексики.

ВИДЕОСАЛОН «ВЛАДИКАВКАЗ»

О своем втором видеосалоне на улице Кесаева я уже писал чуть выше, но дольше всего продержался мой третий видеосалон, который располагался в клубном помещении одного из домоуправлений 34-го микрорайона. Крутить там фильмы мы с напарником начали в декабре 1989 года. Несмотря на то что наш город тогда еще носил в качестве «имени» всем известную грузинскую фамилию, свою точку мы назвали «Владикавказом».

В самые первые дни работы салона к нам стал приходиться весь замотанный в бинты (последствия автоаварии) парень на костылях в обществе миловидной женщины. Я не стал брать денег с этой пары, невзирая на их горячие протесты. У меня всегда действовало строгое правило — пропускать на сеансы людей, находящихся в непростой жизненной ситуации, совершенно бесплатно.

Спустя некоторое время выяснилось, что забинтованный товарищ является авторитетным среди местной молодежи человеком, одним из трех братьев уважаемого на районе семейного клана.

Когда он окончательно выздоровел и приступил к своим «обязанностям», то сразу же заявил мне, что никогда не забудет моего отношения к себе и проследит за порядком в видеосалоне и на прилегающей территории. Его активно поддержали друзья, среди которых был и один мой родственник по маминной линии. С тех пор в видеосалоне началась новая жизнь. Авторитетные в округе пацаны собирались по вечерам у входа в видеоточку, а те, кто грыз во время сеанса семечки, под жестким надзором моих новых друзей потом весьма прилежно и тщательно подметали зал — на радость нашей уборщице.

ДЕЛА ОКОЛОСЕРДЕЧНЫЕ

Дело 1. Как я уже писал выше, по вечерам местная молодежь тусила возле входа в мой салон, парни обменивались стороночными новостями, обсуждали киноновинки. Но бывали моменты, когда они разом дружно замолкали и заворуженно смотрели в одном направлении. В направлении проходящей мимо салона Прекрасной Женщины. Эта дама, лет тридцати с хвостиком, жила с мужем в одном из соседних с салоном домов и отличалась поразительной внешностью — стройная, всегда безупречно одетая красавица, высокого роста и идеального телосложения. С грацией южноамериканской пумы она проходила мимо, сдержанно здороваясь с автором этих строк. Мы все были моложе ее на 5–10 лет. Однако это обстоятельство никого не смущало, а, наоборот, придавало некоторую пикантность всей этой массовой влюбленности. Стоит отметить, что супруг этой женщины, молодой врач, был одним из завсегдатаев моего заведения, вел себя по отношению ко мне всегда радушно и приветливо. А мне в ту пору было 25 лет, и я весьма активно общался, в романтическом ключе, с представительницами противоположного пола. И так же, как и мои приятели, всегда был восхищен безупречным видом проходившей мимо салона незнакомки.

И вот однажды вечером стоим мы с пацанами возле салонных дверей, и происходит нечто невероятно-запредельное — к нам подходит Сама Она, не на традиционных высоких каблуках, а в домашнем прикиде, с распущенными волосами. Все тут же замолчали и уставились на это Проявление Сверхъестественного. А Прекрасная Женщина, негромко поздоровавшись со всеми присутствующими, отозвала меня в сторонку (уши пацанов тут же

превратились в мини-локаторы — из некоторых, как мне показалось, даже антенны вылезли) и низким, обволакивающим голосом заговорила со мной:

— Муж на несколько дней уехал в командировку, я осталась дома одна. Чтобы не скучать по вечерам, я взяла у подруги ее видеоприставку. Но, к сожалению, не могу ее самостоятельно подключить к телевизору. Вы бы не могли мне в этом помочь?

— М-м-м... Пф-ф-ф... Хм-м...

— Что вы сказали? Простите, я не поняла...

Тут способность разговаривать вернулась ко мне, и я, откашлявшись, сообщил Даме, что, конечно же, после начала сеанса непременно приду к ней и все подключу. Она назвала свой адрес, попрощалась с временно окаменевшими парнями и неспешным шагом удалилась в направлении своего дома.

Как я понял, пацаны все слышали, и один из них, когда незнакомка скрылась за углом девятиэтажки, сокрушенно присел на корточки, схватился обеими руками за голову и пробормотал осипшим голосом:

— Как везет некоторым по жизни... Я гоню с этого, я просто гоню...

Уже через полчаса я благополучно вышел из лифта и подошел к двери квартиры Прекрасной Женщины. В тот момент мысли в моей голове скакали, как молодые олени во время брачного сезона. И вдруг весь этот самцовый гон перечеркнула всплывшая в моем возбужденном сознании четкая картинка — доброжелательное, приветливо улыбающееся лицо супруга Дамы. Меня в этот момент словно холодным водным потоком обдало, и я подумал: а как я ПОТОМ буду смотреть в глаза этому достойному человеку? С какой совестью я буду жать во время очередного приветствия его крепкую мужскую руку?

В квартиру незнакомки я зашел в совершенно другом настроении, благополучно оставив за порогом призрак старины Артуро Казановы... Видеомагнитофон я подключил, от наградной бутылки ликера отказался, вежливо попрощался со Все Еще Прекрасной Женщиной и спокойно вернулся в видеосалон.

Самое интересное, что после этого происшествия Дама Мечты, проходя мимо моего салона, стала здороваться со мной намного радужнее, чем прежде, и в ее улыбке чувствовались нескрываемые нотки уважительного отношения. И сейчас, спустя 34 года, я иногда встречаю в городе ее мужа и с чистой совестью отвечаю на его искренние и доброжелательные приветствия.

Дело 2. Перед началом сеанса я всегда ставил на видеке видеоклипы, чтобы постепенно собирающейся публике было нескудно дожидаться начала демонстрации фильма. И вот однажды вечером ко мне подходит стройная блондинка моего роста, на вид лет 20–22. Подходит и говорит:

— Я являюсь фанаткой певицы Сабрины. Мне сказали, что вы вчера перед сеансом крутили у себя в салоне сборник ее клипов. Это правда?

— Да, правда.

— Отлично! А можно я захвачу с собой фотоаппарат и пофоткаю эти клипы?

— Захватывай и фоткай, я не против.

— Только есть небольшая проблемка... Если я буду со своим фотиком крутиться перед вашим телевизором, люди решат, что я чокнутая, и потом пальцем на меня показывать будут.

— Если хочешь, принеси фотоаппарат, и я сам тебе все клипы сфоткаю. Без проблем.

— Благодарю вас сердечно, конечно же... Но у меня есть идея получше: а что, если я пофоткаю клипы у вас дома? Если вас это устроит, назовите время и адрес, и мы с моим зеркальным дружком «Зенитом» придем к вам в гости.

В этот момент я решил, что человеческие мечты все же иногда сбываются — вот передо мной стоит орджоникидзевское воплощение Ким Бейсингер и интересуется, когда ко мне можно будет прийти в гости... С фотоаппаратом. И это не сон.

Я назначил ей ближайший день, когда моя мама работала во вторую смену, и фанатка Сабрины, одарив меня загадочной улыбкой, покинула видеосалон.

В полдень Дня Внезапно Привалившего Счастья я стоял на углу своей пятиэтажки и встречал блондинку. Увидев ее, я внутренне жался и похолодел: на ней были туфли на высоченных каблуках и... школьная форма. Вначале у меня в голове мелькнула ободряющая мысль о ролевых играх, но, разглядев у нее в руках портфель, я понял, что форма не является фетишем и передо мной самая настоящая школьница.

Я поздоровался с ней, привел в свою квартиру, посадил в кресло, открыл коробку конфет, включил ТВ и видеак. Когда Сабрина запела свою первую песню, я сел в кресло напротив своей гостьи и указал рукой в сторону экрана:

— Пожалуйста, снимай.

Девушка с минуту с нескрываемым удивлением сверлила меня взглядом, а затем достала из футляра фотоаппарат и сделала им

несколько снимков. После этого я напоил ее чаем с конфетами и проводил на троллейбусную остановку. «Рогатый» транспорт долго не показывался, и я отправил блондинку домой на такси.

Вечером в салоне меня поджидала целая куча новостей. Упмянутая школьница на каждом углу рассказывала обо мне ужасные вещи и клеймила различными оскорбительными словосочетаниями, самым невинным из которых было «выдохшийся старикашка». А чуть позже местные пацаны, с ее слов в деталях знакомые с происшедшим в моей квартире, сообщили мне, что я, в принципе, ничем не рисковал. Согласно их словам, девушка была второгодницей и ей уже полгода как исполнилось 18 лет. Но меня это уже мало интересовало — в тот момент мимо салона шла Прекрасная Женщина и дружески махала мне рукой.

«ПИСАТЕЛЬСКАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Летом 1990 года произошел сезонный спад посещаемости видеосалонов, наши доходы с напарником заметно снизились, и он стал обвинять меня в том, что это произошло из-за моих панибратских отношений с местными пацанами. Я не стал с ним спорить по этому поводу и переквалифицировался в управдомы — стал управлять рабочим процессом на дому. Мы в то время работали от объединения «Севосетинфото», и я, в рамках перечня своих профессиональных услуг, мог заниматься перезаписью видеокассет. Закона о нарушении авторских прав в СССР не было, и поэтому звуко- и видеозапись в те годы осуществлялись на вполне легитимной основе. Единственным ограничителем в этом виде коммерческой деятельности был все тот же запрет на перезапись антисоветского и порнографического контента. А оно мне и не нужно было. Моими клиентами стали несколько видеопрокатов, в которых особой популярностью пользовались вестерны, гангстерские фильмы, мелодрамы и триллеры. Эра Чака Норриса, Синтии Ротрок и Ван Дамма постепенно уходила в прошлое, и новыми героями телеэкранов становились персонажи Роберта де Ниро, Джека Николсона, Эдди Мерфи, Антонио Бандераса и Николаса Кейджа. Хотя новинки с Сильвестром Сталлоне и Арнольдом Шварценеггером в главных ролях все еще были весьма актуальны. Вскоре им на выручку подоспели Брэд Питт с Энтони Хопкинсом и Жаном Рено. Востребованное

зрителем кино становилось все более утонченным и готовило киноманов к встрече с шедеврами Квентина Тарантино, Ридли Скотта и Мартина Скорсезе.

Такие «писатели», как я, получали видеокассеты-оригиналы вначале из Москвы, а затем из города на Неве. Там проживал замечательный человек, Лев Высоцкий, который снабжал нас перwokлассными записями «свежака». Это был чрезвычайно интеллигентный и прекрасно воспитанный человек, приятный в общении. Он неоднократно приезжал в наш город и все время удивлялся тому, каким чудесным вкусом обладало местное пиво.

ЭРА «ЭКРАНОВ»

Высоцкий, насколько мне известно, писал нам оригиналы с фирменных высококлассных видеокассет, которые в профессиональной среде называли «книжками». Но у него были и так называемые «нулевки» — прямые копии с лазерных LD-дисков. Записанная с «нулевки» копия считалась первой, и так далее. Как мне рассказывали, когда в Америке на лазерном диске выходил особо ожидаемый киношедевр типа «Красотки» (реж. Г. Маршалл), в столичном аэропорту курьера с этим диском встречала вооруженная охрана и доставляла его к переводчику-дублеру. Далее с цифрового оригинала отписывались «нулевки» с параллельно накладываемым дубляжем, и весь тираж разбегался по стране.

Однако ушлых столичных видеодельцов не устраивала скорость доставки новинок кинопроката на домашние экраны. Ведь очередной американский блокбастер, до того как его запишут на лазерный диск, подолгу крутили в кинотеатрах. Как раз последнее и стали самой настоящей первоначальной ареной борьбы за кошельки видеолюбителей. Специально нанятый человек приходил на премьеру особо ожидаемого фильма с портативной видеокамерой и благополучно снимал искомое кино. Затем эта запись на компьютере оцифровывалась, и ее уже трудно было сравнивать с самыми первыми «экранными» — с их вообще ужасным качеством изображения, встающими фигурами зрителей и дружно ржущим над каждой шуткой залом. Характерно, что на расписывании «экранных» видеописатели зарабатывали гораздо больше денег, чем на тиражировании качественных записей с лазерного диска. Быстрота и оперативность доставки

видеопродукции потребителю были тогда решающим фактором. Часто складывалась следующая ситуация, типичная для той поры: городской «писатель» элитного эшелона летел в Москву за партией очередных «нулевок», а его гораздо более приземленные коллеги уже давно расписывали экранные копии этих самых фильмов. И, естественно, зарабатывали на этом гораздо больше денег.

Помню, в 1991 году «Комсомольская правда» опубликовала материал о молодой, подающей надежды женщине-политике из Франции. Мечтой этой дамы было посмотреть новейший американский блокбастер «Терминатор-2: Судный день» (реж. Дж. Кэмерон) — на ее родине, на момент написания статьи, этот фильм еще не демонстрировали. Зато в нашем городе стараниями местных видеопиратов эта кинокартина уже месяц как наводнила все видеопрокаты и салоны. Многие мои владикавказские коллеги по цеху чрезвычайно гордились этим фактом. Шутка ли — обогнали самих французов!

НАСЛЕДНИКИ ФРАНКЕНШТЕЙНА

Для запросов отечественных видеобизнесменов в те годы не было границ. После развала СССР я свернул свою видеодетальность и перешел на написание фантастической литературы. А вот кое-кому из моих бывших коллег и доставка «экранок» на рынок домашнего кино показалась чересчур долгой. И тогда неугомонные столичные видеопираты решились на неслыханный грабительский рейд. Они решили взять на бордаж флагман мирового кинематографа, аж саму «фабрику грез» — великолепный и необъятный Голливуд. Самой ожидаемой премьерой киносезона 1995 года был выход на мировые экраны высокобюджетного «Водного мира» (реж. К. Рейнольдс) с Кевином Костнером в главной роли. Однако наши видеопоследователи капитана Флинта не желали дожидаться кинопремьеры — благополучно стащили отснятый материал из американской монтажной студии и сами, подобно доктору Франкенштейну, смонтировали фильм из украденных исходников. Таким образом, отечественные флибустьеры от кино заполнили российский рынок голливудской новинкой задолго до того, как она вышла на тамошные, заокеанские экраны.

ГИБЕЛЬ «ПИРАТСКОЙ ЭСКАДРЫ»

К середине 1990-х годов российское кино наконец выбралось из кооперативно-постперестроечного плена. Появились картины, которые могли конкурировать с западными, пусть не по величине бюджета, но точно по талантливой игре актеров и сюжетам сценаристов. А западное кино в ту пору, с моей точки зрения, наоборот, заметно штормило, и на фоне великолепных исторических картин («Храброе сердце», реж. М. Гибсон; «Гладиатор», реж. Р. Скотт; «Легенды осени», реж. Э. Цвик) и отличных вестернов («Тумстоун», реж. Дж. П. Косматос; «Последний изгой», реж. Дж. Мёрфи) стал наблюдаться все более усиливающийся крен в сторону злоупотребления спецэффектами — в ущерб глубине содержания фильма. Однако старина Голливуд все еще крепко стоял на ногах как в финансовом, так и в творческом плане. В новом тысячелетии ситуация в западном кинематографе заметно выправилась — в том числе благодаря экранизациям произведений Дж. Р. Толкина «Властелин колец» и «Хоббит» (реж. П. Джексон) и Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» (реж. К. Коламбус, А. Куарон, М. Ньюэлл, Д. Йейтс) и запуску киноповествований о пирате Джеке-Воробье «Пираты Карибского моря» (реж. Г. Вербински, Р. Маршалл, Э. Сандберг, Ю. Рённинг). Кино стало широкоформатным, а посещение вновь открываемых кинотеатров — престижным.

Параллельно с этим на российских просторах развернулась жесточайшая борьба с контрафактной продукцией, и вскоре видеоточки начали отмирать. Первыми приказали долго жить видеосалоны, потом к ним присоединились и прокаты. Долше всех удалось продержаться магазинам, торгующим видеодисками. Но почти всех их в итоге разорил набравший ход интернет.

Ольга РЕЗНИК

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ЭТЮДЫ

Дворец барона Штейнгеля и улица Крепостная

КЛАССОВО ЧУЖДЫЙ ПАМЯТНИК ПРОСТОМУ СОЛДАТУ И СКВЕР ИМЕНИ БУРЖУАЗНОГО ПИСАТЕЛЯ ПУШКИНА

Если вы когда-нибудь разглядывали старые открытки с видами дореволюционного Владикавказа, то наверняка знаете, что одной из главных достопримечательностей центра Терской области, его визитной карточкой, можно сказать, был как раз памятник рядовому 77-го пехотного Тенгинского полка Архипу Осипову и штабс-капитану Николаю Лико, облагородить территорию вокруг которого перед зданием штаба 21-й пехотной дивизии было приказано распоряжением полковника Ерофеева.

То был вообще первый памятник во Владикавказе. Его открытие состоялось 22 октября 1881 года. Памятник создавался по подписке на внесенные военными и гражданскими лицами пожертвования. Его появление в нашем городе едва ли можно назвать случайным. Ведь оба героя обороны Черноморской береговой линии — рядовой Архип Осипов, происходивший из крепостных крестьян помещика графа Стратонского Киевской губернии, и штабс-капитан Николай Лико, происходивший из греческих дворян города Балаклавы — служили в 77-м пехотном Тенгинском полку, более полувека квартировавшем во Владикавказе.

¹ Окончание. Начало см.: Дарьял. 2024. № 2.

Памятник Архипу Осипову

22 марта, в день самоотверженной гибели в укреплении Михайловском Архипа Осипова и коменданта укрепления Николая Лико, который, будучи уже раненым и поняв, что удержать укрепление от превосходящих сил противника не удастся, отдал приказ о подрыве порохового погреба, а Архип Осипов этот приказ исполнил, нанеся противнику колоссальный урон, у скульптурного сооружения в честь героев ежегодно в память об ушедших читалась заупокойная молитва и проводился парад войск владикавказского гарнизона.

Память об Архипе Осипове, как известно, была увековечена не только у нас. Один из населенных пунктов Краснодарского края называется «Архипо-Осиповка». Это сельское поселение расположено как раз в том месте, где в 1840 году находилось Михай-

ловское укрепление, при обороне которого и совершил свой героический подвиг самопожертвования Архип Осипов. В память о нем в Архипо-Осиповке высится шестиметровый чугунный ажурной работы крест, воздвигнутый еще в 1876 году, то есть на пять лет раньше владикавказского памятника. В то же время оба эти монумента, и их, и наш, примечательны тем, что являются едва ли не первыми в Российской империи памятниками простому солдату, возведенными на благотворительной основе.

Разница лишь в том, что памятник в Архипо-Осиповке (поселок носит это название с 1889 года) дожил до наших дней, а вот владикавказский пал жертвой коммунистического режима. Да, да, не удивляйтесь, памятник простому солдату уже в первые годы советской власти был признан классово чуждым и посему подлежал уничтожению.

Впрочем, ничего удивительного в том нет. Классово чуждым, точнее буржуазным, а значит, вражеским, назывался в то же самое время и «наше всё» — Александр Сергеевич Пушкин. Владикавказский сквер, носивший его имя, сразу же при новой власти был переименован в сквер Красных пожарников, а потом и вовсе исчез. На его месте появилось строение (сейчас там Дом правительства, бывший Дом Советов). Разрушен был и самый первый, появившийся еще в крепости Владикавказ православный храм — Старый войсковой, или Спасо-Преображенский, собор, построенный здесь

Беседка в Пушкинском сквере. 1915 г.

по именному повелению самой императрицы Екатерины II. Сначала это была церковь, созданная из турлука, обмазанного глиной. А позже, где-то в конце 50-х позапрошлого столетия, храм расширил свои пределы на юг и на север. Поговаривали, что пристройка была осуществлена на выигранные в карты деньги. Но, даже если это так, все равно хорошо, что средства были употреблены на благие цели. Позже вместо деревянной церкви появилась новая, каменная. С 1897 года она являлась войсковым собором Терского казачьего войска. Так вот как раз перед этим собором и располагался сквер, который в 1899 году, когда вся страна праздновала 100-летие со дня рождения «солнца русской поэзии», был назван Пушкинским.

В 1937 году, когда отмечалось столетие со дня гибели поэта, в нашем городе не было уже ни сквера, ни собора. Но надо же было такому случиться, что в тот печально-памятный год из Москвы неожиданно пришел запрос, существует ли еще в столице Северной Осетии Пушкинский сквер. Так как на месте сквера уже было построено здание, а от Старого собора остались рожки да ножки, но на его месте еще ничего не построили, то, стараясь угодить товарищам из центра, в нашей столице на месте ликвидированного собора спешно разбили новый Пушкинский сквер с памятником

Спасо-Преображенский собор

поэту в центре. Естественно, обо всех этих манипуляциях в Белокаменной, скорее всего, ничего не знали и... не узнали (иначе бы кто-то да получил по шапке). Так и продолжали думать (а может, думают до сих пор), что в городе на Тереке сохранился тот, до-революционный Пушкинский сквер. Но мы-то знаем, что сквер не-настоящий.

ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА — ПО ВСЕЙ РОССИИ

Но вернемся, однако, к первому владикавказскому памятнику, а вернее, к подвигу, совершенному простым солдатом Архипом Осиповым. Знаете ли вы, что сохранившаяся до наших дней традиция навечно зачислять проявивших особый героизм погибших солдат и офицеров в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений, возникшая в отшумевшем XIX веке, связана как раз с именем Архипа Осипова? Узнав о его подвиге, император Николай I повелел навечно включить бойца в списки Тенгинского полка, ставшего, к слову сказать, неотъемлемой частью истории Владикавказа. И еще одна ремарка: до революции имена героев, зачисленных в списки личного состава, были золотом высечены на мраморных досках в храме Христа Спасителя, и первым среди них значился рядовой Архип Осипов.

Коли уж речь зашла о традициях, хочется рассказать еще об одной, которая, зародившись во Владикавказе, распространилась потом по всей стране. Вернее, это не традиция даже, а система — система профессионального образования.

Начну немного издалека. В марте 1863 года императором Александром II на должность начальника Терской области был назначен «бархатный диктатор» Михаил Лорис-Меликов, сделавший немало для развития вверенного ему региона. В том числе преуспел Лорис-Меликов на ниве образования. Число учебных заведений в области за 12 лет его правления возросло от нескольких десятков до трех сотен. На личные средства Михаила Тариевича во Владикавказе было открыто одно из первых в империи ремесленных училищ. Высочайшим повелением Александра II, принявшего во внимание особую заботу начальника Терской области генерал-адъютанта Лорис-Меликова «к устройству и упрочению существования открытого в г. Владикавказе ремесленного училища», училищу было присвоено имя его основателя, с тех пор именоваться оно стало Лорис-Меликовским. Сам же Михаил Тариевич не только создал Владикавказское ремесленное училище и

выделил личные средства на его содержание, но и на долгие годы стал его почетным попечителем, на протяжении всей своей жизни внимательно следя за деятельностью носившего его имя учебного заведения и принимая самое активное участие в работе его попечительского совета. Однако самое главное заключается в том, что, открыв во Владикавказе ремесленное училище, Лорис-Меликов явился начинателем профессионально-технического образования в России, а его владикавказское детище стало образцом для подражания, на которое долгие годы равнялась вся страна. Ведь по инициативе Лорис-Меликова в основанном им учебном заведении была введена для того времени новаторская, существующая поныне система производственного обучения, согласно которой учащиеся овладевают профессией последовательно.

ТО КАДЕТ ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ

Об учебных заведениях дореволюционного Владикавказа можно говорить много и долго. Но еще одно из них, раз уж зашла речь о военном профиле нашего города, хочется упомянуть особо. Да, вы верно подумали: следующая остановка — Владикавказский кадетский корпус (впоследствии в его здании размещалось Высшее общевоинское командное училище), один из 30 кадетских корпусов Российской империи.

Помню, где-то я читала, что во время Гражданской войны все российские кадетские корпуса были эвакуированы сначала в Крым, а по отбытию оттуда Белой армии — в Югославию, где продолжали работать в эмиграции, слившись в один кадетский корпус.

Конечно, о том, кто они и откуда, кадеты помнили. А помогали им в этом юмористические двустушия, так называемые «журавли», являвшиеся одной из форм кадетского фольклора. Надо сказать, кадетские «журавлики» были весьма остроумными и довольно точно отражали социокультурный облик каждого военного учебного заведения.

Мне вот, к примеру, запомнился забавный «журавель» (именно так произносилось это слово в именительном падеже) про Тифлисский великого князя Михаила Николаевича корпус:

*А кто самые гимнасты?
То тифлисцы, все носасты.*

И, конечно, «журавлики» про владикавказских кадет. Вот первый:

*Кто хранит фасон Кавказа?
То кадет Владикавказа.*

Второй:

*Загибать привык салазки,
То кадет Владикавказский.*

Третий:

*Кто целует прямо в глазки,
То кадет Владикавказский.*

Вроде про наших кадет «журавлики» разные, но, по сути, все они об одном. О том, что владикавказские кадеты были озорниками, задирами (кавказский темперамент, что ни говори, сказывался), умели за себя постоять, не дать в обиду. И это неудивительно. Ведь эти мальчишки прошли такую школу! А кто привык к суровым реалиям, тот ничего не боится, и чувство собственного достоинства ему, поверьте, не чуждо.

Дисциплина в корпусе была железной. Подъем в шесть утра и работа до седьмого пота до позднего вечера с неукоснительным исполнением мельчайших деталей распорядка. По воспоминаниям одного из современников, переведенного во время Гражданской войны из Тифлисского кадетского корпуса во Владикавказский, когда здесь воспитывались кадеты почти всех российских корпусов (на основном желтом фоне мелькали алые, синие, белые, черные погоны, изредка виднелись Георгиевские кресты и медали, а также нашивки, указывающие на ранения), вечером в ожидании сигнала строиться на ужин тифлиscopy находились неподалеку от зала, где проходило построение, и по первому зову помчались туда. Поздно: рота была уже выстроена. «Тифлиscopy! — крикнул им вице-фельдфебель. — Это вам не Головинский проспект. Потрудитесь не опаздывать».

За нарушение дисциплины владикавказские кадеты строго наказывались (одним из видов наказания было часовое стояние под часами по стойке смирно, когда нельзя было даже пошевелиться). А нарушением считалась даже элементарная забывчивость. Так, если во время большого бала, который давался во владикавказской «кадетке» на корпусной праздник 5 октября (он совпадал с именинами цесаревича Алексея и храмовым праздником), кадет не менял, как было положено, после каждых двух танцев

белые перчатки (а они были разложены по размерам на отдельном столике) или не угощал морсом барышню (на бал к кадетам приезжали гимназистки со своими классными дамами), он подвергался дисциплинарным взысканиям.

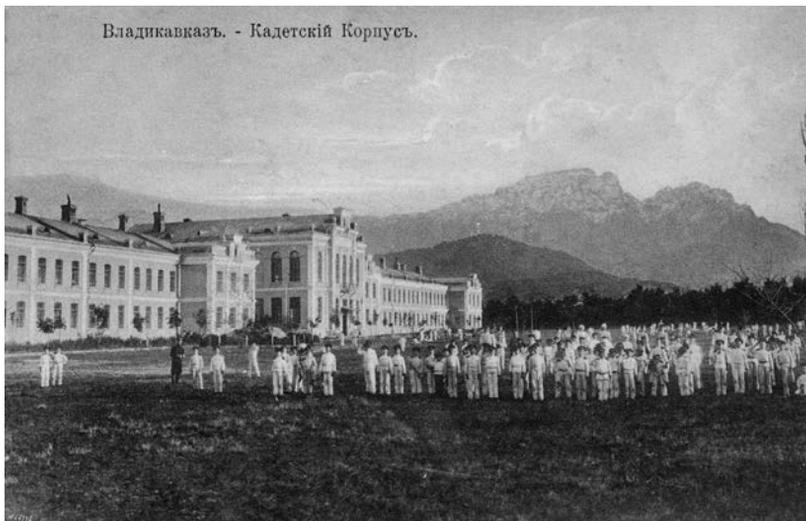
Для кадет как для будущих офицеров, высоко ценивших воинское достоинство, существовало немало запретов. На улице им не разрешалось есть, грызть семечки, сплевывать на тротуар. Идущим навстречу офицерам они должны были отдавать честь в шаг, а при встрече с высшими офицерскими чинами — останавливаться и, отдавая честь, замирать у края тротуара. Заходя в городе в ресторан или столовую, где находились офицеры, кадеты спрашивали у них разрешение сесть за стол.

А еще выглядели наши кадеты всегда безупречно (вот вам и хранители фасона Кавказа!). Даже пуговицы на мундирах отливали зеркальным блеском — для их чистки зубным порошком использовались специальные маленькие фанерные дощечки.

Конечно же, кадеты, как и все вообще мальчишки, шалили, дрались, нарушали дисциплину. А салазки, как вы уже поняли, загигать они умели. В 1915 году произошло прямо-таки ЧП, о котором писали в газетах. Кадеты подрались с гимназистами, с которыми у них была давняя вражда. Стычки между ними происходили и ранее. Но этот случай стал прямо-таки вопиющим и попал на газетные полосы. Причем газеты почему-то писали, что кадеты пришли драться с гимназистами в нижнем белье, хотя на самом деле они были одеты в свою обычную повседневную форму — белые брюки и рубашки. Пройдя строем под барабанную дробь по городу, кадеты добрались до парка, где и произошла драка. Ее участники были впоследствии жестко наказаны руководством корпуса: на протяжении года им запрещалось выходить в город, были выставлены низшие оценки по поведению. Единицы были даже исключены из корпуса.

Однако в глазах товарищей драчуны выглядели героями. У владикавказских кадет было принято сочувствовать провинившимся. Им, находившимся под арестом, отдавали свои обеды и ужины. Во владикавказской «кадетке» вообще не было принято выдавать товарища, доносить на него. В результате за провинность одного или двух наказывали всех. Но кадеты не роптали. Это называлось у них товарищеской спайкой.

Особыми качествами обладали и преподаватели корпуса. И к педагогам, и к офицерам-воспитателям предъявлялись самые высокие требования. При поступлении на службу во Владикавказский кадетский корпус они давали присягу добросовестно от-

Владикавказский кадетский корпус

носиться к своим обязанностям, не завышать отметок, не делать никому из учеников поблажек, в том числе и своим собственным детям, часто воспитывавшимся здесь же.

Знания кадетам давались качественные. Так, преподаватель математики генерал-лейтенант в отставке Николай Мартос, например, для каждого из своих учеников выдумывал свой, индивидуальный текст контрольной задачи. За обычный урок он успевал опросить весь класс. Потому результаты экзаменов по математике всегда были блестящими.

Особенно любили кадеты уроки географии, которые вел Всеволод Ермаков, известный путешественник и картограф, по картам которого учился весь СССР до 1940-х годов. Всеволод Васильевич много знал, интересно рассказывал и всегда охотно отвечал на вопросы.

Офицером-воспитателем в корпусе был еще один интересный человек. Это известный историк-кавказовед, этнограф полковник Дмитрий Ракович — автор первой истории Владикавказа (его книга «Прошлое Владикавказа» была издана в 1911 году). Дмитрия Васильевича все любили за веселый и легкий нрав...

Что еще помогало владикавказским кадетам быть крепкими и целеустремленными, так это занятия спортом. Начиная с третьего класса, они стреляли в тире из трехлинейной боевой винтовки, любили играть в футбол, фехтовали, участвовали в велосипедных гонках.

ПЕРВЫЙ В РОССИИ МАТЧ ПО РЕГБИ ПРОШЕЛ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

Да, да, первый в России регбийный матч состоялся 26 июня 1916 года у нас, во Владикавказе. И не где-нибудь, а в кадетском корпусе, все воспитанники которого, как вы уже поняли, были спортсменами. Правда, на плацу корпуса в регби между собой играли две команды англичан-союзников, гостивших во владикавказской «кадетке».

Местная пресса, писавшая об этом событии, неслучайно называла англичан союзниками. Шла Первая мировая война, и Великобритания, равно как Россия, а также Франция, входила в военнополитический блок Антанты. Другой вопрос: каким попутным или вовсе не попутным ветром занесло союзников во Владикавказ?

Об этом рассказывает в своей книге «Встречи со старым Владикавказом» известный осетинский краевед и исследователь Генрий Кусов, а с ним информацией поделился один из старожилов. Так вот, некая английская часть, направлявшаяся по железной дороге во Владивосток, перепутала названия городов и прибыла... во Владикавказ. Благо заблудившимся было куда обратиться: до революции в нашем городе, кроме персидского консульства, функционировало еще и консульство английское. Оно располагалось на улице Лорис-Меликовской (ныне улица Ленина, здание бывшего английского консульства сохранилось до наших дней).

Здание бывшего английского консульства

Вот туда-то и направились прибывшие во Владикавказ англичане. Их сразу же определили в местный кадетский корпус, воспитанники которого, что немаловажно, мастерски играли в футбол. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на поле перед кадетским корпусом состоялся первый во Владикавказе международный футбольный матч, где англичане имели возможность показать, как гоняют мяч на родине футбола.

Позже они продемонстрировали, что умеючи играют не только в футбол, но и в регби. В чем в чем, а в этом им и впрямь не было равных. Ведь российские спортсмены овалыный мяч считали той еще диковинкой. Поэтому две команды англичан играли в регби между собой, а ошарашенные владикавказские болельщики, затаив дыхание, наблюдали за тем, что происходит на плацу.

Как ни странно, взволновавшее спортивную общественность города событие не стало катализатором развития регби во Владикавказе. Город на Тереке сохранил верность футболу. Но остался в истории отечественного спорта как место, где был сыгран первый в России регбийный матч.

БИЛЕТЫ НА ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ШАЛЯПИНА ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ НЕ БЫЛИ ПРОДАНЫ...

Казус приключился в городке на Тереке не только с англичанами, но и с не имевшим себе равных среди оперных певцов Федором Шаляпиным, когда тому минуло 19 лет. В сезон 1893–1894 годов «царь-бас» только начинал свое восхождение на творческий Олимп в труппе под руководством дирижера Иосифа Труффи. По воспоминаниям уже упоминавшегося выше Льва Сердаковского, матери которого довелось в Тифлисе учить молодого Шаляпина читать по нотам, Федор Иванович уже в ту пору был очень благодарным и серьезным человеком. Выехав в мае 1894 года по окончании оперного сезона в Тифлисском казенном театре, где на протяжении года он исполнял первые басовые партии, в Москву, Шаляпин впервые посетил Владикавказ. Здесь на пару с товарищем и попутчиком тенором Павлом Агнивцевым Шаляпин решил дать концерт. Уже был снят зал, напечатаны афиши и билеты. Однако они, увы, так и не были проданы. А посему концерт не состоялся. И все потому, что во Владикавказе, где проживало немало настоящих ценителей высшего искусства, в 1894 году еще никто не знал начинающего певца Федора Шаляпина.

Вообще же, Владикавказ был избалован приездами знаменитостей. Известные ученые, путешественники, артисты, писатели, поэты бывали тут. Недаром же Владимир Маяковский в своем стихотворении «Тамара и Демон» писал, что «от этого Терека в поэтах истерика».

Пробежавшись по печатным столбцам старых газет, я составила себе мнение, с кем из знаменитостей, побывавших во Владикавказе, мне бы хотелось соприкоснуться. Пожалуй, я бы с удовольствием посетила концерт-вечер нашего знаменитого земляка, родившегося в станице Ищёрской Терской области, известного музыкального деятеля, «лучшего русского дирижера», создателя «лучшего в России» симфонического оркестра, пианиста и педагога, профессора Московской консерватории Василия Сафонова, который 23 января 1916 года состоялся в городском театре. Сам Сафонов как пианист вместе с проживавшим во Владикавказе сыном, скрипачом Иваном Сафоновым, вступившим намеренно в должность дирижера Терского казачьего оркестра, исполнял сонаты Бетховена. В том числе и знаменитую Крейцерову. Очень жаль, что имя Василия Сафонова в советский период искусно замалчивалось. А все потому, что его дочерью была художница и поэтесса Анна Тимирёва — любимая женщина одного из лидеров Белого движения адмирала Александра Колчака. Она оставила такие трогательные и пронзительные воспоминания о своем возлюбленном и их большой и красивой взаимной любви, что они легли в основу историко-художественного кинофильма Андрея Кравчука «Адмирал».

С неменьшим удовольствием и интересом посетила бы я, пожалуй, состоявшуюся опять-таки в городском театре в том же 1916 году, только в сентябре, лекцию «популярного писателя Александра Ивановича Куприна», который весьма эмоционально поведаль собравшимся о судьбе русской литературы от Пушкина до Чехова и от Чехова «до наших дней» (их «наших дней», разумеется), а также прочитал свои рассказы и отрывки из известных повестей «Поединок» и «Яма».

Но вернемся, однако, к Шаляпину. Владикавказ, который не принял в свое время гениального гастролера, Федор Михайлович посещал еще трижды. Причем в 1915 году, когда знаменитый бас последний раз побывал в городе на Тереке, слава его была уже столь велика, что на заседании Владикавказской городской думы главным аргументом в пользу строительства в центре Терской области нового здания городского театра стал, как ни странно, Шаляпин. Для выступления артиста такого масштаба нужен был большой зал, который мог бы вместить всех

желающих побывать на его концерте. Вот ведь как. Прошло-то всего каких-то 20 лет, и случилось то, о чем и подумать не мог 19-летний Федор Шалапин.

И В ПРАЗДНИКИ, И В БУДНИ

Судя по тому, что жители дореволюционного Владикавказа не особо стремились познакомиться с творчеством мало кому известного певца Шалапина, им было на кого посмотреть, кого послушать и куда пойти. Однако монотонный ритм жизни, впрочем, как и сейчас, нарушался обычно в праздничные дни. А главных праздников было два (у нас сегодня, согласитесь, гораздо больше), и оба религиозные. Это — Рождество с Новым годом и Пасха. Вопрос, куда пойти, остро не стоял. Не только городской театр, кино-театры, но и многочисленные клубы, общества и собрания наперебой зазывали горожан на всевозможные увеселительные мероприятия. Газеты помещали на своих страницах «расписание развлечений», которые намечались, скажем, во Владикавказском общественном собрании, коммерческом клубе, войсковом собрании... Праздничные елки, маскарады, концерты, танцевальные костюмированные балы, семейно-музыкальные и симфонические вечера устраивались и в обществе чиновников и приказчиков, и в ремесленной управе, и в кадетском корпусе, и даже в полицейском управлении, и бог знает где еще.

Довольно живо описывался газетчиками костюмированный бал в залах Атаманского дома, проходивший на второй день праздника Рождества Христова в 1906 году. Репортеры сравнивали его с «фантастическим царством заоблачных империй». Еще бы! Ведь в костюмах пажей, бояр клоунов, китайцев, испанцев, черногорцев, ландышей и водяных лилий, турчанок, цыганок и гречанок, предвестниц счастья и Мефистофелей с Отелло кружились под звуки «милого и традиционного на аристократических балах “польского”» представители высшей власти Терской области и Владикавказа. Многие из них пришли на бал со своими семьями.

Правда, существовало одно «но», не касавшееся, однако, знатной публики. Бывали случаи, когда на балы-маскарады попадали люди случайные, жаждающие «при раздаче переменить старые калоши на новые». Для того чтобы такие субъекты не появлялись в собраниях благородных особ, понятное дело, принимались самые действенные меры. И все-таки, согласитесь, калоши — это не шубы. Вспомнился в тему одесский анекдот про то, как некая

супружеская пара побывала в театре. И потом женщина, делясь впечатлениями с подругой, рассказывала, что больше всего ей понравился там гардероб, где в конце раздавали шубы и она взяла себе три.

Это я к тому, что в любой, даже самой неприятной ситуации можно разглядеть что-то забавное. Тут важен оптимистический настрой, как, скажем, у молодежи, которая во время праздников веселится, да и прежде веселилась, всюю. Зимой с 22 декабря по 7 января прекращались занятия в учебных заведениях Владикавказа и начинались рождественские каникулы. Гимназисты и гимназистки, кадеты и реалисты (так именовались учащиеся реальных училищ) «при фантастическом электрическом и факельном освещении» под звуки музыки кружились на катке «Трека» (предварительно особая комиссия осматривала каток спортивного общества «Трек», и если находила, что лед прочный, то давала свое добро на открытие катка), веселились на танцевальных вечерах, елках и маскарадах, которые устраивались практически во всех учебных заведениях и не только там. Словом, им было из чего выбирать.

А народные гуляния? А погода с настоящим зимним морозцем, да таким, что вода в озерах на «Треке» замерзала естественным образом, превращаясь в лед, по которому можно было скользить на коньках? Тогда зимой во Владикавказе еще выпадало много

На катке «Трека»

снега, и горожане всем остальным развлечениям предпочитали катание на санях. Ну как тут им не позавидовать?

Народными гуляниями были отмечены и пасхальные дни. Весной город и его окрестности становились еще более многолюдными. Одним из любимейших мест отдыха горожан, впрочем, как и ныне, была так называемая Сапицкая будка. А знаете, откуда пошло это невероятное название? Газета «Терские ведомости» от 2 мая 1897 года дает ответ на этот вопрос. Сапицкой будкой это, в общем-то, живописное место стало называться «со времен насильственной смерти в будке лесничего Сапицкого». «В праздники, — сообщалось далее в газете, — сюда направляются вереницы самой разнообразной публики. Тут устраиваются всевозможные игры и бесплатные увеселения: национальные танцы, игра в мяч, грузинская борьба, семейные чаепития, а подчас и кутежи под игру зурначей или органов (даже не представляю, кто или что имелось в виду. — О. Р.), а выше с горы из глубины леса слышатся голоса любителей пения». Ну что, представили себе описанную картину? Любопытно было бы на это взглянуть, не правда ли?

Хотя Сапицкой будкой кого из нас сегодня удивишь? А вот праздничными полетами авиаторов, пожалуй, можно. Без них, по правде говоря, редко обходился какой праздник в начале прошлого века. Так, самым знаменательным событием пасхальной недели 1914 года стал полет авиатора Арутюнова, который продержался в воздухе 12 минут 45 секунд, доказав всем собравшимся, что рожденный ходить может и летать. А четыремя годами раньше в день рождения вдовствующей государыни императрицы Марии Федоровны на скаковом ипподроме пилот-авиатор Габер-Влынский совершил сразу три полета, причем второй полет с пассажиром-добрвольцем на борту. Им оказался учитель танцев кадетского корпуса Лесецкий, который, хотя и замерз в открытой кабине аэроплана, все же остался весьма доволен и собой, и полетом.

Следует добавить, что и рождественские, и пасхальные праздники частенько заполнялись благотворительной начинкой. Забота о бедных выходила в эти дни на первый план. Ежегодно во Владикавказе в канун праздников составлялись списки лиц, жертвовавших в пользу неимущих горожан взамен визитов. Суммы, надо сказать, собирались приличные. Кроме того, повсеместно устраивались утренники для детей из бедных семей и приютов. Они неизменно заканчивались раздачей подарков, в которые входили не только привычные нам сегодня лакомства, но и предметы первой необходимости, как то: сапоги, ремни, платки, отрезы ткани для пошива рубашек и платьев.

Любопытная информация попала мне в № 1 «Терских ведомостей» за 1899 год. Газета сообщала, что рулон материи на рубахи в пользу бедных осетин в канун рождественских праздников пожертвовал владелец мануфактурного магазина Г. Д. (Григорий Давидович) Симонов — родной дядя известного советского актера, режиссера и театрального педагога, главного режиссера Театра им. Е. Б. Вахтангова, создателя и руководителя театра-студии, послужившей основой Ленкома, народного артиста СССР Рубена Симонова. И купец Г. М. Щербинин в тот же самый период к празднику Рождества Христова прислал священнику осетинской церкви отцу Алексию Гатуеву 11 пудов (180 с лишним килограммов) муки для раздачи беднейшим прихожанам...

Существенную помощь нуждавшимся оказывали благотворительные общества, которых в дореволюционном Владикавказе было немало. Это и Владикавказское благотворительное общество, и Общество попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа, и Общество вспомоществования беднейшим учащимся города, и благотворительное общество «Чашка чая», и Владикавказское благотворительное мусульманское общество «Муруват», и Общество вспомоществования учащимся и учившим в народных училищах Терской области, и Общество попечения о душевнобольных Терской области, и Владикавказское местное отделение общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (оно появилось во время Первой мировой войны)...

Хочется более подробно остановиться на деятельности Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области. Созданное в 1882 году во Владикавказе группой представителей интеллигенции, в которую входили поэт Коста Хетагуров, издатель Алмаксид Кануков, адвокат Джантемир Шанаев, меценат и педагог, первый директор Владикавказской общественной библиотеки Варвара Шредерс и другие, оно являлось и благотворительным, и просветительским одновременно. Общество оказывало материальную помощь «недостаточным из горцев учащимся в средних и высших учебных заведениях», открывало начальные школы среди горского населения Терской области, содействовало школьному образованию, распространяло полезные технические и ремесленные знания. Первым председателем Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области был избран друг и единомышленник Коста Хетагурова Михаил Кипиани (свои скорбные чувства по поводу смерти Михаила Зааловича

поэт выразил в стихотворениях «На смерть Кипиани» и «У гроба»), являвшийся инициатором открытия во Владикавказе грузинской школы. Позже Общество возглавил осетинский этнограф, собиратель Нартских сказаний, адвокат Джантемир Шанаев. Исполнял эту должность в свое время и последний городской голова Владикавказа Гаппо Баев.

Следует заметить, что люди высокого ранга охотно занимались благотворительностью, для них она была и потребностью, и одновременно своеобразной привилегией. Так, известный во Владикавказе предприниматель и благотворитель, крупный нефтепромышленник Александр Замковой (ходили слухи, что он разбогател благодаря тому, что купил на окраине Грозного участок земли, который оказался нефтеносным), проживавший в красивом и уютном доме по улице Ремесленной (ныне улица Баллаева), хорошо известном нам как здание Союза архитекторов и по совместительству место, где сочетаются узами Гименея, завещал даже после своей смерти (А. В. Замковой был убит в декабре 1916 года, причиной убийства стали деньги) 1000 рублей Обществу попечения о сиротах и бедных детях Владикавказа. Сумма эта была передана по назначению.

А вообще, каких только обществ не было в дореволюционном Владикавказе! И все они существовали не только на бумаге, а действительно работали. Иначе бы о них не писали в газетах и журналах. Деятельность одного только Общества восстановления православного христианства на Кавказе чего стоила! Это его адепты занимались миссионерской работой, налаживали тесные связи с местным населением, распространяли грамотность, строили и восстанавливали храмы, переводили богослужебные книги на языки народов Кавказа...

Существовали также общества, объединявшие людей по интересам: Общество любителей велосипедного спорта, например, или Владикавказское общество любителей охоты. Имелись даже Владикавказское общество взаимопомощи на случай смерти и весьма симпатичное, на мой взгляд, созданное с целью противодействия возрастающей дороговизне квартир Домостроительное общество для постройки домов с удобными, дешевыми квартирами для членов общества. В последнее я бы точно с удовольствием вступила.

Отдельно стоит, пожалуй, остановиться на обществах, объединявших людей по профессиональной принадлежности, как то: Общество владикавказских ремесленников, Общество чиновников, Общество приказчиков и лиц частного труда, Общество

мещан города Владикавказа (мещанами в Российской империи с 1775 по 1917 год называли платившее подушную подать и несшее рекрутскую повинность сословие из бывших посадских людей — ремесленников, мелких торговцев, низших служащих, домовладельцев), Владикавказское попечительное общество трудовой помощи, занимавшееся «приисканием мест безработным» (причем с безработных обществом не бралось за хлопоты ни копейки, плата взималась с хозяев, желающих нанять работника; при обществе успешно функционировала профессиональная рукодельная четырехгодичная женская школа с общеобразовательным курсом для сирот и детей неимущих родителей, по окончании которой выпускнице выдавался аттестат на звание мастерицы), Терское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности (было образовано по почину кружка общественных деятелей и сельских хозяев, вело активную деятельность, открыв склад сельскохозяйственных машин, устраивая сельскохозяйственные выставки, оказывая авторитетное покровительство отдельным хозяйствам) и другие.

В результате деятельности многочисленных обществ какие только форумы не проводились в дореволюционном Владикавказе. Газеты того времени пестрели объявлениями о съездах овцеводов и коневодов, виноградарей и нефтепромышленников. Не обходилось, правда, и без казусов-курьезов. Так, газета «Кавказ» (издавалась в Тифлисе) от 23 сентября 1912 года сообщала, что на проводимый во Владикавказе съезд мелких землевладельцев явился... только один человек.

И профессиональные праздники тоже были традиционными во Владикавказе. Так, 6 декабря 1906 года в ремесленной управе состоялся праздник сапожного цеха, а несколькими днями ранее — выборы должностных лиц каретного цеха (представляете, был даже такой). 6 декабря, в день памяти святого Николая Чудотворца, справляли свой годовую праздник и Терская областная типография, и городская пожарная команда. 9 мая 1913 года местное охотничье общество праздновало свою первую годовщину, на которой было устроено традиционное состязание в стрельбе. 7 октября 1915 года отмечался 50-летний юбилей Общества владикавказских ремесленников.

Кстати, о юбилеях. Мне неоднократно попадалась информация о праздновании во Владикавказе самых разных юбилеев общероссийского масштаба: 26 мая (все по старому стилю) 1899 года 100-летия со дня рождения «нашего всего» Александра Пушкина (в честь юбилея поэта Городская дума постановила открыть в

центре Терской области училище имени Пушкина и назвать именем поэта сквер напротив Старого войскового собора); 8 ноября 1911 года 300-летия со дня рождения русского ученого и поэта Михаила Ломоносова (в этот день во всех учебных заведениях Владикавказа проходили торжественные акты, и учащиеся по случаю праздника были освобождены от занятий); 25 августа 1912 года 100-летия Бородинской битвы (во всех церквях Владикавказа отслужили в этот день панихиды по героям, павшим в Отечественную войну, а в городском театре шла опера «Жизнь за царя», больше известная сегодня под названием «Иван Сусанин»); в феврале 1913 года 300-летия дома Романовых (21 февраля, в первый день празднования, в Атаманском доме состоялось торжественное заседание Общества любителей казачьей старины, на которое были приглашены все прибывшие во Владикавказ по этому случаю депутаты от разных народов и сословий, проживавших в Терской области, а на следующий день состоялся бал Терского казачьего войска); 4 октября 1914 года 100-летия со дня рождения поэта Михаила Лермонтова, который одним из первых воспел Владикавказ в своем романе «Герой нашего времени» (в этот день в городском театре с огромным успехом прошел спектакль по драме Лермонтова «Маскарад»).

С большим размахом праздновались в нашем городе и юбилеи местного значения. Так, 21 ноября 1899 года отмечался 25-летний юбилей Ольгинской женской гимназии, которая вела свое начало от бесплатной школы, устроенной в 1861 году кружком владикавказских благотворительниц по инициативе супруги батареинного командира госпожи Веревкиной и носившей имя великой княгини Ольги Федоровны, осчастливившей своим посещением женскую школу в 1865 году. За четверть века в гимназии состоялось 22 выпуска. Учебное заведение помещалось в собственном здании (ныне это учебный корпус физико-технического факультета Северо-Осетинского государственного университета на улице Маркуса), вмещавшем 17 больших классных комнат, церковь, два зала, физический кабинет, учительскую, канцелярию. Любопытный нюанс: в гимназии существовала добрая традиция ежегодно 20 ноября собирать в своих стенах бывших «питомцев и учащихся», которые в теплой дружеской обстановке посвящали вечер воспоминаниям. «Цель таких собраний, — отмечалось в газете «Терские ведомости» от 24 ноября 1915 года, — не прерывать отношений между школой и жизнью».

Еще один юбилей: 8 ноября 1917 года отмечал свое 25-летие приют Общества попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа, председателем правления которого в ту пору был сам последний городской голова Гаппо Баев!

Говоря о народном образовании, невозможно не упомянуть Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области, которое, занимаясь просвещением простого народа без различия национальностей и вероисповеданий, организовывало так называемые бесплатные чтения, то бишь лекции на самые разные темы, для проведения которых приглашало специалистов, устраивало концерты, собирало библиотеки, открыло во Владикавказе сельскохозяйственные курсы.

Любимыми праздниками у владикавказцев были также: ежегодно отмечавшийся в России в начале октября день Собственного Его Величества конвоя — особой команды, предназначенной для несения службы в Петербурге и состоявшей из двух Кубанских и двух Терских сотен; приходившийся на 25 августа и тоже ежегодно отмечавшийся, но уже в Терской области войсковой праздник Терского казачьего войска «Войсковой круг», призванный напоминать терским казакам о боевых заслугах предков, оживлять традиции, поддерживать тот дух товарищества, которым всегда отличалось Терское казачье войско, немного-

Ольгинская женская гимназия. 1904 г.

численное по составу, но сильное своей готовностью, «служа царю и вере вечно», постоять всем за каждого и каждому за всех. Примерно те же цели, связанные с изучением казачьей истории и традиций, преследовало и успешно действовавшее во Владикавказе Терское общество любителей казачьей старины. В день войскового праздника 25 августа в главном Михаило-Архангельском кафедральном соборе Владикавказа бывали отслужены литургии и благодарственные молебны, а по окончании службы по особым приглашениям устраивался торжественный завтрак для гостей.

С радостью принимались владикавказцами и появившиеся новые праздники. Так, в апреле 1900 года в жизнь жителей Терской области вошел новый замечательный праздник, который впоследствии стал ежегодным. Это — праздник древонасаждения, проводившийся поначалу во всех школах области. А первый во Владикавказе детский праздник древонасаждения состоялся 14 апреля 1900 года на «Треке». В нем приняли участие все городские учебные заведения. Всего, как отмечалось в одном из документов от 12 мая 1900 года, в результате этой акции было посажено 1200 деревьев и кустов. И все это под звуки музыки в атмосфере взаимопомощи и взаимовыручки (старшие помогали младшим, мальчики — девочкам).

В марте 1913 года ко всем прочим владикавказским праздникам прибавился еще один, на мой взгляд, весьма симпатичный — праздник трезвости. Он проводился по всей стране по инициативе Совета всероссийского трудового союза христиан-трезвенников. На празднике состоялся сбор пожертвований, проводилась распродажа значков и брошюр, в которых утверждалось, что трезвость должна стать нормой в российском обществе!

А двумя годами позже, 21 июня 1915 года, в парке спортивного общества «Трек» состоялся, судя по всему впервые, праздник гимнастического общества «Сокол». В нем приняли участие около 50 «соколов и соколих» («соколихи», признаюсь честно, меня особенно впечатлили), играл оркестр Терского казачьего войска, был зажжен фейерверк.

Широко отмечались во Владикавказе и храмовые праздники (храмовый, или престольный, праздник — это праздник в честь святого, которому посвящен тот или иной храм, праздник может быть посвящен и воспоминанию священного события, в честь которого освящен главный, или предельный, престол храма).

И еще об одном празднике хочется сказать особо. Связан он был с прибытием во Владикавказ «главной святыни осетинского

народа» — чудотворной иконы Иверской Моздокской Божией Матери, которая ежегодно проносилась крестным ходом по всей Терской области.

ИКОНА, ПРЕД КОТОРОЙ МОЛИЛСЯ НИКОЛАЙ II

Начинался крестный ход после 15 августа и продолжался около трех месяцев. Чудотворную икону проносили по городам, станциям и селам области по установленному маршруту, заблаговременно публиковавшемуся в местных газетах. Во всех населенных пунктах верующие встречали и провожали ее, проходя по 12–15 верст пешком.

В сентябре икона Иверской Моздокской Божией Матери прибывала во Владикавказ. Встречать ее выходил сам епископ Владикавказский и Моздокский с духовенством и святынями всех городских церквей. По пути следования иконы от вокзала до Михаило-Архангельского кафедрального собора можно было видеть войска и большое скопление людей. Под колокольный перезвон и церковные песнопения икона переносилась в городской кафедральный собор, где и находилась какое-то время, дабы благочестивые владикавказцы могли прикоснуться к святыне и обратиться свои молитвы к Богородице.

Надо сказать, что история иконы воистину удивительна и уходит своими корнями в седую старину. Моздокская икона Богородицы — это список чудотворной Иверской иконы Божией Матери. В конце XII века грузинская царица Тамара, дочь грузинского царя Георгия III и аланской царевны Бурдухан, супруга аланского царевича Давида-Сослана, преподнесла список с чудотворной Иверской иконы в дар осетинскому храму Рождества Пресвятой Богородицы в селении Майрамыкау в Куртатинском ущелье, где икона и находилась до конца XVIII века. Немало чудесных знаменений и исцелений, связанных с ней, сохранила народная память. Дважды за отшумевшие шесть столетий храм, где размещалась святыня, был разрушен до основания пожаром. И оба раза икону находили целой и невредимой неподалеку от сгоревшей церкви.

В 1793 году осетины, переселившиеся из Куртатинского ущелья в Моздок и его окрестности (в 1763 году правительство пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, селиться близ Моздока, который предполагалось сделать центром распространения христианства на Северном Кавказе),

привезли с собой икону Иверской Божией Матери. И вновь икона ознаменовала чудесами и путь свой, и прибытие в православный город и даже чудесным образом указала на место, где должна быть воздвигнута церковь во имя Успения Божией Матери. В храме этом и находилась с тех пор чудотворная икона, которую «осетины признают своей собственностью», к которой «питают пламенную привязанность», которая «славна в горах». Известно, что кроме осетин икону Иверской Божией Матери почитали и другие горцы, даже те из них, кто исповедовал ислам. Пораженные чудесами, совершавшимися при святом лике Богородицы, они принимали христианство или начинали испытывать доверие к нему. На поклонение чудотворной иконе в Моздок шли тысячи верующих отовсюду: с берегов Дона, из Астраханской, Екатеринославской, Харьковской и других, более отдаленных губерний. Икона совершала множество исцелений.

Из истории известно, что пред иконою Иверской Моздокской Божией Матери коленопреклоненно молился последний российский император Николай II. Случилось это 4 декабря 1914 года, когда он на обратном пути с кавказско-турецкой границы (шла война, и монарх отправился в Закавказье, дабы своим личным присутствием ободрить кавказскую армию) посетил Владикавказ. Специально по этому случаю в Михаило-Архангельский кафедральный

Древний храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Майрамыкау.
Куртатинское ущелье

собор из Моздока доставили чудотворную икону, копия которой была подарена императору на память о его пребывании в центре Терской области. А еще епископ Антонин благословил августейшую особу иконою святого великомученика Георгия Победоносца и от лица осетинского духовенства сообщил Николаю II, что Моздокская икона Божией Матери по происхождению осетинская, что осетины приняли веру Христову на 200 лет раньше князя Владимира...

А вот еще одна удивительная история. Чуть менее года спустя после описанных выше событий икона Иверской Моздокской Божией Матери вновь явила чудо. 28 сентября 1915 года в кафедральном соборе Владикавказа вспыхнул пожар. До прибытия пожарных огонь, как писали газеты, «успел произвести некоторое опустошение в пономарке, прилегающей к левому клиросу». Пол и лестница, ведущая к малой боковой двери, сильно обуглились и местами прогорели. Сильно обуглилась и внутренняя сторона левого иконостаса, иконы попортились. Однако стоявшая тут же, у левого клироса, икона Иверской Моздокской Божией Матери осталась совершенно невредимой. Ну не чудо ли это? Тем более что выходила целой из пожара икона, получается, уже в третий раз. Да и пожар был нешуточный. Убытки от него составили в общей сложности 10 000 рублей. Слава богу, что на 8500 рублей кафедральный собор был застрахован. И слава богу, что от большего разрушения храм спасла бдительность городского Александра Гадиева, который, находясь недалеко от собора и увидев колеблющийся свет в его окне, немедленно бросился к церковной ограде, перелез через решетку и, убедившись, что это действительно пожар, поднял тревогу. Скажите после этого, что я была не права, утверждая, что городские во Владикавказе исправно несли свою службу.

Что касается иконы Моздокской Божией Матери (именно так впоследствии ее называли), она не только творила чудеса исцеления, но и пробуждала в людях такое ценное качество, как веротерпимость, что само по себе тоже чудо, ибо, как было замечено еще древними, божественная мудрость выше всех человеческих разделений, а гордыня вероисповедания, что ни говори, является не меньшим грехом, нежели личная гордыня.

В том-то и дело, что икона Моздокской Божией Матери объединяла людей, и почиталась она далеко не только православными. Чтили ее и старообрядцы, коих было немало среди терских казаков (поселившись на Тереке задолго до религиозных нововведений и духовных потрясений, испытанных Московской Русью

после Никоновских исправлений религиозных книг, они, несмотря на все ограничения и унижения, оставались верными вере своих предков). Почиталась чудотворная икона и армянами григорианского исповедания. И даже мусульманами, которые зажигали перед ней свечи, жертвовали на православные храмы и приносили в кувшинах воду для утоления жажды, которую испытывали участники крестного хода. «На пути в станицу Горячеисточненскую сопровождавшие святую икону были свидетелями весьма отрадного и трогательного факта, — писали «Владикавказские епархиальные ведомости» за октябрь 1901 года. — Люди под лучами палящего солнца изнемогали от жажды, и вот Аллах посылает своих лучших поклонников — жителей аула Старый Юрт, мимо которого несли святую икону, с кувшинами и чашками холодной воды, дабы утолить жажду трудящихся в честь Приснодевы, родившей Христа. И с каким усердием они исполняли это служение ближнему!»

А по большому счету, такими и должны, наверное, быть здоровые, уважительные отношения между людьми. Так проявляется истинное добрососедство! А икона Иверской Моздокской Божией Матери как раз и являлась фактором объединяющим. И не только владикавказцев, у которых соборность, похоже, была в крови, но и жителей, говоря современным языком, всех близлежащих регионов. Икона сводила на нет водораздел между представителями разных наций и вероисповеданий. Она будто являлась своеобразным постоянным напоминанием о том, что сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет сердце человека везде, где только оно чувствует и бьется, что в глубине всех вер течет поток единой вечной истины, а сердцевина всех религий одна — любовь к ближнему.

Наталья КУЛИЧЕНКО

«ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО»

МГНОВЕНИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Друзья, а вы помните, как весной теперь уже такого далекого 1985 года, как раз в дни весенних школьных каникул, наше Центральное телевидение начало показ детского телевизионного фантастического фильма «Гостья из будущего»? И там в самом конце прозвучала песня со словами «прекрасное далёко» на стихи Юрия Энтина под мелодию Евгения Крылатова в нежнейшем, «колокольчиковом» исполнении Татьяны Дасковской. Позже эта песня, вместе с уже другими исполнителями — трио «Меридиан», стала лауреатом фестиваля «Песня-85». Как сказал спустя годы Крылатов, «это был призыв, молитва, мольба о детях, чтобы они жили лучше, чем мы»... Получилась такая светлая мечта о будущем, вера в себя и свои силы, обещание сохранить, даже став взрослыми, искренность и доброту. Песня эта стала настоящим гимном целого поколения подростков 80-х — мальчишек, влюбленных в главную героиню картины Алису Селезнёву, и девчонок, которые хотели быть на нее похожими — на девочку из прекрасного далёка!..

К сожалению, в наши дни она стала своеобразным плачем об утраченном нами, тогдашними детьми, образе нашего светлого будущего.

Но я — я продолжаю слышать этот голос из Прекрасного Далёка! Только для меня он стал голосом из моего далекого и забываемого детства, в котором были и взлеты, и падения, и крылья за спиной, и разбитые коленки, и чудо первой любви, и разочарования в поступках взрослых...

«ИТАЛЬЯНСКИЙ ДВОРИК»

«Слышу голос из Прекрасного Далёка»...

Я слышу мамин голос: «Наташа! Домой! Уже поздно!»

«Мам, а можно еще пять минуток?! Ну пожалуйста!» — это уже я, запыхавшаяся от бега и наших многочисленных детских

подвижных игр и забав: догонялок, «охотников и уток», прятков, бадминтона, «казачков-разбойников». А на дворе — лето, и уже поздно — 11 часов вечера, но мы, дружная дворовая «бандочка», так не хотим расставаться! Слышны голоса наших мам и бабушек, они с каждым разом все строже и требовательней: «Быстро по домам!» Что ж поделаешь, расходимся очень неохотно — чтобы завтра с утра снова встретиться и продолжить такую интересную детскую жизнь!

Наверное, для описания нашего «итальянского дворика» в самом центре Владикавказа требуется совсем другой уровень владения словом — к примеру, как у Юрия Нагибина или Дины Рубиной, но мне так не хочется, чтобы ушла в небытие та своеобразная атмосфера, что царила тогда в нем, а потому я и попробую восстановить в памяти хотя бы некоторые мгновения из прошлого — как я их запомнила.

Для начала надо, наверное, сказать, что мы занимали три комнаты в доме, в котором родился и жил в течение двадцати лет Евгений Вахтангов, выдающийся русский и советский режиссер и педагог. Сейчас этот дом отреставрировали благодаря усилиям московского Театра имени Вахтангова, и он стал настоящим украшением Владикавказа и местом притяжения для горожан и гостей республики. Все мои соседи были людьми весьма колоритными, со своими яркими характерами. Чего только стоила ровесница и подруга моей бабушки — тетя Шура Середа. Подслеповатая, невысокого росточка, плотного телосложения с массой крупных и мелких бородавок на довольно заурядном лице, она считала себя неотразимой, о чем и не уставала напоминать всем окружающим. Она мощно красила ресницы, щеки натирала свеклой (по крайней мере, смотрелось это именно так), а моей бабуле пеняла: «Посмотри на себя, Миля, на кого ты похожа, то ли дело я — молодая и красивая! Вот бери пример с меня!» Уже будучи в почтеннейшем возрасте и при наличии милого старичка-супруга, она умудрялась заводить шашни на стороне. И случился-таки однажды казус, прямо как в анекдотах, который долго потом обсуждала вся наша улица: очередному бойфренду тети Шуры пришлось ретироваться через окно по простыням, когда внезапно домой нагрнул проголодавшийся муж...

Наличествовали в нашем дворе и не вполне безобидные алкогольики. Это трио не раз устраивало безобразия и нарушало общественный порядок и покой жильцов.

Дядя Андрей «мотал нервы» собственной семье, устраивал дебоши, скандалы и «побоища» дома, а в туалет, единственный,

кстати, на весь дом и находившийся во дворе, он ходил исключительно в одних носках — видимо, «с бодуна» забывая надеть тапки. Пока не забыла, опишу и туалет, которого я боялась в детстве ужасно: там все время стоял нестерпимый запах нечистот вперемешку с запахом хлорки и жили колонии страшных пауков, висевших во всех углах... То еще «удовольствие», скажу я вам...

Дядя Касполат ничуть не меньше измывался над домашними, орал дурниной, мучил жену и двух маленьких дочек, испуганно забивавшихся подальше от него в угол комнаты. Он любил проведывать своего дружка-алкаша дядю Авака, жившего на первом этаже. С утра заглядывал в форточку и вопрошал: «Авак, ты живой?», на что получал, как правило, нецензурный ответ с посылом в известные места. Что не мешало им трогательно дружить и заботиться друг о друге. Кстати, был случай, когда, напившись, что называется, в хлам, дядя Авак вдруг решил взорвать дом, о чем он и проревел в форточку всем соседям, собравшимся во дворе. Открыл все газовые конфорки и грозился зажечь спичку. И был, конечно, страшный переполох, вызов милиции и пожарных, суета и беготня. Закончилось все, слава богу, миром, дом остался стоять на месте, взрыв не состоялся...

С «женщинами с пониженной социальной ответственностью» было тоже все в порядке — они имелись, и даже целых две! Дородная блондинка — мечта многих кавказских мужчин, и стройная шатенка (изначально шатенка, потому что на протяжении многих лет она бывала то рыжеволосой, то огненно-бордовой, то иссиня-черной, то пепельной). Они были милы и обходительны как с соседями, так и с клиентами, коих было немало, но жизни двора они не мешали, а потому дворовые кумушки к ним быстро привыкали, охотно здоровались и провожали понимающими взглядами и дежурными улыбками — чтобы потом вдоволь «перемыть косточки» и им, и нашим «любвеобильным» соседкам.

Кстати, и своя «бутлегерша» у нас тоже имелась, а потому местным алкашам далеко ходить не надо было: весь околоток знал о том, что в любое время дня и ночи, если «горит нутро» и нужно срочно опохмелиться, можно постучаться в крайнее окно — и тетя Нина с добрейшей улыбкой выдаст тебе бутылочку-другую какого-нибудь пойла с градусами. Соседи пытались было бороться законными методами с распространительницей водки и женских слез, и даже представители нашей доблестной милиции неоднократно посещали злостную нарушительницу спокойствия: с суровыми лицами они стучались в квартиру к ней, с порога в самой что ни на есть ультимативной форме предлагали сдаться и раскаяться, но

тетя Нина с почти искренней радостью, выписанной на ее хитроватом лице, приглашала грозных стражей порядка в дом, а спустя непродолжительное время они выходили на свет божий умиротворенные, с блаженством, выписанным на их довольных физиономиях, и нетвердой походкой покидали наш гостеприимный двор. А тетя Нина победным взглядом окидывала притихших соседей и царственно удалялась в свои покои, напоследок хлопнув дверью. О том, что она не бедствовала, можно было догадаться по обилию ковров и хрусталя в ее квартире, а ее единственная дочка Лия чуть ли не с ясельного возраста ходила в золоте и бриллиантах.

И тут вспомнился мне случай: на экраны вышел прекрасный фильм «А зори здесь тихие...», который мы, детвора, посмотрели, что называется, «взахлеб» и, впечатлившись подвигами наших геройских девчат, решили поставить свой спектакль, в котором я, инициатор действия, конечно, взяла себе роль роковой красавицы Жени Комельковой, а Лии досталась роль Лизы Бричкиной, утонувшей в болоте. Все было весьма натурально в нашей постановке: мы бегали по кустам, падали на землю, стреляли из воображаемых автоматов в ненавистных фашистов, а Лия, извозюкавшись по самое не хочу в какой-то яме, наконец отправилась домой по окончании нашего спектакля. Но дома обнаружилось — о ужас! — отсутствие одной сережки с бриллиантами! Тетя Нина устроила Лийке выволочку, а мы потом всем творческим коллективом артистов искали эту чертову серьгу в высоких травах и колючих кустах, но так и не нашли, естественно. А уже на следующий день Лийка выплыла к нам в новых шикарных сережках со сверкающими брюликами! Тетя Нина не разменивалась на мелочи — по принципу «живем только раз!». Подпольная торговля водкой давала ей такую шикарную возможность...

Прямо под нами жила армянская семья. Помню, как старенькая, сгорбленная тетя Сирануш взбивала длинной палкой шерсть из одеял и подушек, а вечерами ее зять дядя Володя играл в нарды с соседскими мужиками, и все лето во дворе раздавались азартные вскрики победивших и проигравших. Чем занималась тетя Эмма, дочка Сирануш, я уже и не упомяну, но в моей памяти она запечатлелась в каком-то длиннющем черном прорезиненном фартуке и галошах на босу ногу. Единственный сын тети Эммы и дяди Володи Ашотик с самого раннего детства отличался повышенной хрупкостью костей и все время что-то себе умудрялся сломать. Он так и запомнился мне в гипсе, но с велосипедом в обнимку, с которого, между прочим, все время и сваливался себе

на беду и новую болячку. Гораздо позже, уже во времена перестройки, дядя Володя поднялся на строительном бизнесе, в семье появились хорошие деньги и дорогие машины, которые дядя Володя умудрялся все время разбивать, влетая регулярно в аварии. Одной из последних было лобовое столкновение где-то на горной трассе с не уступившей ему дорогу коровой... Ашотик подрос, окреп, влился в одну из многочисленных молодежных банд, кошмаривших население Владикавказа, а позже был вынужден бежать от мести другой бандгруппировки аж в Грецию, где и жил долгое время. Тем временем победившие гопники буквально разорили бизнес дяди Володи, а тетя Эмма от всех этих бед слегла — и уже больше не встала...

В одной из квартир на втором этаже жила супружеская пара «куркулей», которых за их сварливый нрав недолюбливал весь двор. Иван Иванович был чем-то неувовимо похож на хряка — с такими же маленькими глазками-буравчиками и белесыми ресницами и бровями. Детей у супругов не было, поэтому детвора их раздражала априори своими криками и смехом. Он все время ворчал что-то себе под нос и зыркал недобро в нашу сторону, а Ольга Степановна, не отличавшаяся тоже кротким нравом, выскакивала на балкон и визгливо кричала нашей детской стайке: «Бугаёв наведутъ — усе квартиры гудуть!» А однажды даже выплеснула нам на головы чайник с горячей водой — еле-еле успели увернуться!

Еще одна супружеская пара, проживавшая замкнуто и нелюди-мо в крайней квартире на втором этаже, запомнилась необычайной любовью ко всяким вкусностям. Они дружно ходили на базар и в магазины и приносили авоськи, набитые едой, — оттуда всегда торчали куриные ноги, пучки зелени, хвостики колбас и прочая снедь, от запаха которой приятно кружилась голова, и мы, сглотив слюнки, разбегались по домам, где мамы и бабушки наконец могли нас по-человечески накормить обедами. Дело в том, что загнать нас домой в моем детстве было очень просто — мы целыми днями носились как угорелые по улицам, подвалам и чердакам, перебиваясь бутербродами с сахаром или хлебными крошками, натертыми чесноком. А еще можно было возле хлебного магазина приобрести за 5 копеек маленький стаканчик семечек или же за 7 копеек купить фруктовое мороженое и на этом «провианте» спокойно дотянуть до самого вечера. Тем более что соседи нас все время чем-то угощали: то чебуреками, то пирожками, то блинчиками с вареньем или творогом, то пахлавой, то вкуснящей армянской гятой...

Запомнился один из дней, когда мы стали свидетелями настоящего пожара, разгоревшегося в соседней квартире. Приближался Новый год, и в большом соседском окне, выходявшем прямо на общий балкон, мы могли любоваться огромной елкой, увешанной игрушками и настоящими свечами, которые так красиво горели — до тех пор, пока огонь не перекинулся на шторы. И вот тогда начался переполох! Соседи метались с ведрами во двор, к колонке, потому что водопровода в квартирах в то время еще не было, но пожар потушили совместными усилиями довольно быстро, так что к приезду пожарных инцидент был, как говорится, исчерпан. Однако горящие шторы и полыхающую в окне елку я помню всю жизнь.

Моя детская память сохранила облик дома еще до капитального ремонта в 1970 году — с его широкой деревянной верандой (или балконом, как вам будет угодно), где стояли сундуки с соседской и нашей утварью, висели на гвоздях тазы и корыта, а летними вечерами на табуретках сживали соседские кумушки и вели долгие и нудные взрослые разговоры, обсуждая внешнеполитические темы, цены на продукты или современную моду. Нам, детворе, это было неинтересно — мы были увлечены своими играми: «колечко», «стоп, каликало», «садовник», «море волнуется раз...», «бояре, а мы к вам пришли»... Чуть позже в нашу детскую жизнь ворвалась «резиночка», и мы скакали от души с утра до вечера, преодолевая и вторую, и третью высоту на ней! И все это происходило одновременно во дворе, сплошь завешенном веревками со всевозможным бельем, с открытыми настежь дверьми соседских квартир, откуда доносилось шкворчание жарящихся котлет или чебуреков, густой запах готовящегося на шкварках борща или свежайшей выпечки с добавками корицы и ванилина, а за столиком сидели мужчины и азартно стучали костяшками домино или шашками в игре «шеш-беш». И всем хватало места, и все были вполне довольны жизнью!

Конечно же, и скандалы случались — а как без них?! Но, говоря словами поэта Сергея Острового, «гневно пламя, да отходчиво» — как-то все быстро утихомиривалось само собой либо с помощью добровольных примирителей-переговорщиков из числа «положительных» и уважаемых соседей, к коим относился заслуженный учитель республики, преподаватель физкультуры в училище искусств дядя Отар или таксист со стажем и репутацией дядя Шурик. Мудрые, основательные, степенные и спокойные, они утихомиривали ссорящихся и примиряли конфликтующих между собой. За что им был благодарен весь двор, избавленный от шума и криков в одночасье.

В трехкомнатной квартире рядом с нашей проживала армянская семья с тремя детьми. Мальчики были намного старше, поэтому им с нами, мелюзгой, было неинтересно водиться, а вот с их младшей сестренкой Рузанной я дружила. И ее мама, красивая полная женщина тетя Надя, как-то пригласила меня в дом и, открыв сундук, показала любовно собранное для дочери приданое на будущую когда-то ее свадьбу, и это при том, что женихов еще и в помине не наблюдалось, а приданое уже было собрано! Чего там только не было: и роскошные отрезы на платья, и нежнейшее импортное постельное белье, и всевозможных размеров и расцветок банные полотенца... Благо, тетя Надя работала в гостинице «Интурист», что и сыграло, как я полагаю, свою положительную роль в приобретении всей этой роскоши. Я была впечатлена и количеством, и качеством такого «богачества», а еще тем, что, как оказалось, громогласно поругаемое обществом мещанство никуда не делось, оно жило себе преспокойно рядом с нами, в нас самих и — процветало... Ушла я оттуда слегка погрустневшая — у меня-то самой не было никакого приданого... И кто ж меня, такую бесприданницу, замуж-то возьмет?!

Были в нашем дворе и рукодельницы-портнихи, сейчас бы их нарекли кутюрье — двоюродные сестры тетя Аза и тетя Брошка. В их умелых руках любая ткань превращалась в настоящий шедевр, и отбоя от клиенток не было. Благодаря их стараниям моя мамочка всегда выглядела прекрасно и была одета по последней моде! Кстати, и бабушка Миля тоже не отставала — несмотря на свой возраст, она всегда «держала форму», одевалась со вкусом и до самой смерти — а ушла она от нас в 89 лет — приглашала на дом знакомую парикмахершу и делала прически, красила брови и ресницы, а к приему гостей обязательно подкрашивала губы.

Иногда я со стыдом вспоминаю свои детские неосознанно-жестokie поступки. Так случилось с парнем-дурачком (как его ласково звала моя бабушка) Анзором, которого мы, малышня, любили дразнить и даже иногда швыряли в него камнями, а он только улыбался бессмысленной улыбкой, отбегал от нас, мелких задир, но никогда и никого даже пальцем не тронул — понимал, что нельзя обижать мелкоту...

Хорошо помню свои дни рождения, которые мы всегда отмечали с помпой и большим застольем. Взрослые сидели за столом, обильно уставленном всевозможными яствами и напитками, а мои друзья и подружки — Ирка, Танька, Лийка, Робик, Джонька, Рузанна и Алла — «гуляли» сами по себе за отдельным столиком. И все были довольны, и никто никому не мешал. Иногда мы прибегали

послушать, как поют взрослые: моя мама играла на пианино популярные на тот момент мелодии, папа красиво исполнял знакомые всем песни, а гости вразнобой подтягивали, и мы тоже, бывало, к ним присоединялись со своим вокалом. И вот однажды случился казус: неожиданно исчезли обожаемые мною маленькие куколки — пупсики, как мы их называли тогда, которыми с удовольствием играли все дети. Мы все ринулись на поиски утерянного сокровища и — обнаружили пропажу в карманах курточки у Таньки: карманы топырились во все стороны, изобличая несмышленного воришку всем своим видом! Зареванную и опозоренную Таньку дома как следует отлупила мама, чтоб неповадно было впредь таскать чужие вещи, а мы до сих пор, собравшись все вместе на дружеские посиделки, вспоминаем тот случай и смеемся...

Наши друзья-мальчишки росли ужасными непоседами и вечно находили себе приключения на пятую точку: они излазили все чердаки и подвалы в округе, перемахивали через металлический забор на водохранилище и дразнили сторожа, подкладывали пистоны под трамваи, катались на трамвайной «колбасе», таскали с каких-то полигонов патроны — и «распатронивали» их, бросая в горящий костер, протыкали нам иголками воздушные шарики, с которыми мы гордо шествовали в колоннах демонстрантов на 1 мая и 7 ноября... В общем, были вездесущи и пакостливы, но мы их прощали и продолжали с ними водить дружбу — девчонки-то всегда мудрее! Помнится, даже затеяли игру в тайные общества со своими штабами и тайными знаками. Наше называлось «Мечта», а вот их, пацановское название вылетело у меня из головы. Кончилось все просто: в наш девчачий лагерь был внедрен засланный казачок Робик, который и сдал нас с потрохами своим сообщникам.

С раннего детства я полюбила читать — и читала запоями, помногу, все подряд. У нас дома благодаря стараниям мамы была собрана хорошая библиотека русских и зарубежных классиков, помимо этого я была записана сразу в несколько библиотек города, а мама еще приносила мне интересные книжки с работы. И я днями и ночами напролет (с фонариком под одеялом!) читала — чтобы потом пересказывать интереснейшие сюжеты своим дворовым товарищам. Во мне рано прорезался дар рассказчицы — меня слушали, раскрыв рты... А потом и весь наш дворовый народец приохотился к чтению. Самым мощным достижением на этом поприще стал тот день, когда наш футболист Джонька одолел фолиант с трагедиями и комедиями Шекспира — это было бинго!

Сейчас, оглядываясь назад, я могу точно сказать: мы жили спокойно и счастливо, несмотря на небольшие зарплаты родителей — мамы — учительницы иностранных языков и папы-инженера. И пусть у нас не было изобилия в холодильнике в виде красной и черной икры, балыков и прочих деликатесов, не свешивались с четырехметровых потолков сияющие хрустальные люстры, не рябило в глазах от обилия ковров на стенах, но каждый год мы имели возможность в отпуск и на каникулах ездить к морям — Черному, Каспийскому, Балтийскому и Азовскому, проводить родственников в Киеве, Одессе и Ленинграде, посещать с мамой Ригу и Таллинн, регулярно ходить в театры и кино, а также записываться на бесплатные кружки во Дворец пионеров — по желанию. А еще я хорошо помню дружный наш двор, где соседи всегда приходили на помощь в трудную или скорбную минуту, где жили мои чудесные друзья и подружки, которых теперь разбросало по свету...

Спасибо тебе, мой «итальянский дворик», за то, что ты был в моей жизни! Кстати, я прочитала в интернете, что означает это словосочетание: «Итальянский дворик — это особым образом устроенное общее пространство между несколькими домами, располагающее к отдыху и общению. Именно такие места мы представляем себе, думая о “непарадной” Италии: большие семьи устраивают веселые и шумные застолья, между домами протянуты веревки с сохнувшим бельем, дети играют в прятки, а заботливые мамы громко зовут их обедать. Жильцы двора дружны, хорошо и долго знакомы между собой...» Все в точности как было у нас...

БАБУШКА НЮРА

«Слышу голос из Прекрасного Далёка, он зовет меня в чудесные края...» И это уже голос моей любимой бабушки Нюры, вынянчившей меня с пеленок, вложившей в меня всю душу, отдавшей мне свое доброе сердечко. Разве такое забывается?

Анна Павловна Стрельцова, родная старшая сестра моей бабы Мили, — в моей детской жизни именно она сыграла основополагающую роль. Потому что я оставалась с ней дома, когда родители и баба Миля уходили на работу. И бабушка Нюра учила меня читать и писать — уже в пять лет я самостоятельно читала первые детские книжки, которые хранятся у меня и по сей день: стихи и сказки Пушкина, Барто, Маршака, Чуковского, русские народные сказки, сказки народов мира, чудесные рассказы Пришвина и Бианки, да много чего было открыто мною — целый огромный

мир — с помощью бабушки Нюры! И писать я начала тоже в пять лет — правда, печатными буквами. Вместе с нею мы часто гуляли в нашем парке, благо он был в минутах ходьбы от нашего дома. А поскольку я была непоседой, то бабушке приходилось держать меня, как говорится, на коротком поводке — причем в самом прямом смысле: у нас были специальные прогулочные вожжи, и я охотно облачалась в них, изображая из себя лошадку. И мне было интересно, и бабушке гораздо спокойнее — не убегу далеко.

А убежать я любила, и не раз это проделывала.

Хорошо помню, как года в четыре я выскользнула из ворот и отправилась прямиком к Тереку — мне во что бы то ни стало надо

было в тот момент посмотреть, как моя шапочка поплывет в далекие края прямо по бурным волнам. И так посмотрела и помахала ей вслед, а потом, услышав какой-то шум, обернулась и увидела картину маслом: половина моих соседей неслась ко мне со всех ног, возглавляемая бабушкой Ньюрой, чтобы спасти меня от падения в воды Терека!

А еще я любила прятаться от бабушки в самых неожиданных местах нашей трехкомнатной квартиры: за гигантским сундуком в коридоре, в шифоньерах и шкафах, под кроватями и за диванами, за пальто и куртками на вешалке... Бедная старушка с ног сбивалась, пытаясь меня отыскать, а я сидела, притаившись, тихо, как мышка, и прислушивалась к ее крикам и голосам помощников из соседей.

Но никогда бабушка Ньюра даже не повысила голос на меня, хотя могла бы, наверное, и шлепнуть за непослушание. Она говорила: «Нельзя бить маленьких. У Наташеньки впереди такая большая и трудная жизнь, девочку надо просто любить...» Она же коршуном первая набросилась на папу, который выпорол меня ремнем в пять лет за то, что я отработывала на балконе навыки кувыркания, полученные, между прочим, от него же при тренировках дома на диване. Но там был чистый диван, а пол балкона был, естественно, грязным, вот мне и прилетело за испачканные вещи... А потом прилетело папе — уже от разъяренной бабушки Ньюры.

Мы часто во время прогулок с нею рассматривали цветы на клумбах, всевозможную живность — от муравьев, жуков и бабочек с птичками до милейших пони и крикливых павлинов в парке, и бабушка учила меня бережному отношению к этому миру, раскрывала перед моим детским взором всю красоту и необъятность окружающей нас природы, закладывая в мою формирующуюся душу такие необходимые в будущей жизни постулаты добра и справедливости, настоящей, не наносной красоты.

Сгорбленная (в молодости она попала под копыта лошади), с большими ногами (ее пальчики налезали друг на друга, и приходилось даже в туфлях делать прорези сверху, чтобы можно было хоть как-то передвигаться), она была прекрасна — ее глаза лучились добротой и любовью, которая обволакивала маленькую меня с головы до ног, и я пребывала в этой нирване, ощущая себя счастливейшим человечком на земле... Как жаль, что я потеряла моего ангела-хранителя, мою бабушку Ньюру так рано! Она ушла из жизни, когда мне было всего шесть с половиной лет — умерла от перитонита, хотя врачи ее упорно лечили от гриппа... Но и теперь, когда мне бывает тяжело и больно, когда обиды застят весь

белый свет, я мысленно обращаюсь к моей бабушке Нюре — и она помогает мне пережить все трудности и преодолеть всю боль. Она так и осталась моим добрым ангелом-хранителем...

РОДИТЕЛИ

«Слышу голос из Прекрасного Далёка, голос утренний в серебряной росе...» Конечно же, это снова голос мамы: «Солнышко, просыпайся! Пора вставать!» Я усиленно делаю вид, что крепко сплю и ничего не слышу. Но вот к нему присоединяется и голос папы: «Ну-ка, подъем! На зарядку становись!» И тут уж, воленсоленс, надо вставать, с папой не забалуешь...

Мама у меня — учитель английского языка, обожающая свою преподавательскую работу. Помню ее склоненную к столу голову в свете настольной лампы — мама проверяет тетрадки учеников или студентов, составляет планы, пишет отчеты о проделанной работе. Готовится всегда очень тщательно, перелопачивая груды материала, чтобы найти что-то «вкусное», интересное для своих подопечных — и ведь находит же! И ученики любят маму, это я знаю точно: сколько было подарено ей цветов, сколько теплых слов написано в поздравительных открытках, преподносимых к разным праздникам! И начальство весьма благосклонно относится к маминому труду: не раз и не два она поощрялась Почетными грамотами и Благодарностями, — я их все бережно храню у себя дома.

Маминой заветной мечтой было научить меня, непоседу, сносно играть на пианино, а потому я была отдана ею в руки к хорошему преподавателю — строгому, требовательному, взыскательному. Галина Геннадьевна пыталась сделать из меня пианистку — я четыре года честно отбаранила на клавишах. Но! Это было не мое изначально, и я признавалась не раз маме в том, что не хочу заниматься музыкой,

мне совершенно неинтересна эта долбежка гамм и этюдов Черни, а лучше бы меня отдали на гитару. Но мама упорствовала, ей нравилось видеть меня восседающей на круглом крутящемся стульчике возле фортепиано... Кстати, об инструменте как таковом. Дома у нас поначалу стояло старинное черное немецкое пианино с резными изогнутыми ножками и клавишами из пожелтевшей слоновой кости, его приходилось постоянно настраивать. В конце концов мой дед Вася, папин отец, сделал мне царский подарок — заказал в Прибалтике за сумасшедшие на тот момент деньги пианино «Рига», и оно прибыло к нам домой. Теперь отвертеться было просто невозможно, и я продолжила мучиться, занимаясь нелюбимым делом. А тем временем под моими окнами шумела и кипела ребячья жизнь, и мои дружки и подружки периодически вопили снизу: «Наташка, выходи гулять!» А я остервенело лупила по клавишам свои чертовы гаммы...

И все-таки я победила: к исходу четвертого года стало ясно как день, что пианистки из меня не получится в принципе, а потому мои мучения были прекращены раз и навсегда. Правда, баба Миля еще долго пеняла мне по этому поводу, говоря о том, что я не раз еще пожалею об упущенных возможностях. Вот честно, положила руку на сердце: за мои теперь уже 60 лет я ни разу — слышите? — ни разу не пожалела о том, что пианино не стало моим

«товарищем». А вот о несостоявшейся встрече с гитарой жалела всегда. Правда, был в моей студенческой уже жизни небольшой период, когда я все-таки освоила в самой скромной степени игру на гитаре, но длился он недолго и как-то сам собой сошел на нет.

Вспоминаю случай, когда мама, которая вообще практически никогда не ходила на родительские собрания (а чего туда ходить, если я хорошо училась и отличалась примерным поведением?), вдруг решила сходить в школу. Сказано — сделано. Уже в школе она повстречала свою старинную знакомую, чей ребенок учился тоже там, и вместе с нею зашла в класс. Потребовалось немало времени, чтобы мама осознала, что зашла она явно не в тот класс, куда намеревалась зайти, потому что вокруг были совершенно незнакомые ей родители, да и учителя ей показались другими... Так оно и было — мама перепутала классы, а я ей потом не раз напоминала об этом курьезном случае.

Между прочим, будучи сама учителем, она всегда занимала априори сторону педагогов, и это меня часто расстраивало и даже злило: получалось, что учитель прав всегда, а ученик даже поспорить с этим не может! И на этой почве у нас с мамой возникали горячие диспуты.

Я ее помню еще совсем молодой, красивой, с ярко-синими глазами, когда она летящей походкой спешила на работу или возвращалась домой. Помню, как она училась на двухгодичных высших курсах при Ленинградском университете и на каникулах прилетала домой с кучей всевозможных подарков и сладостей. Как же я ждала этих встреч с нею! У меня единственной в нашем дворе — а может, и на всей улице — были такие игрушки и вещи, каких не было у других деток: ярко-алое пальто «под кожу» с серой меховой оторочкой и золотыми пуговицами, красные сапожки с загнутыми вверх носами — а ля рюс, бальные капроновые платья, набор детской посуды и мини-кухонька, те самые пресловутые пупсики из мягкой резины, которые потом подверглись умыканию моей подружкой Танькой... А был еще и черный мохнатый игрушечный котенок на маленьких саночках, которого я вывозила на прогулку зимой, и все прохожие с улыбкой оглядывались на нас с этим котом... Мама старалась одевать меня как куколку, и мне это чертовски нравилось!

А потом инициатива «одевания» перешла уже к папе, которого по работе часто посылали в длительные командировки по всему Советскому Союзу, и из них он возвращался с кучей подарков для нас.

Папа вообще носился со мной с самого детства: он первым стал меня купать в ванночке, когда все домашние боялись под-

ступиться к новорожденной малышке. Папа ходил со мной гулять: зимой он катал меня на санках, мы лепили с ним снеговиков, вместе осваивали коньки и каток на детском пруду в парке, а летом там же плавали и загорали. Ходили на Водную станцию, на Сапицкую горку, вместе — на демонстрации с папиным коллективом от НИИЭМ, на чудесные новогодние елки, которые ежегодно устраивались у него на работе. Помню, как однажды мне на скорую руку мама сделала костюм царевны-лягушки из своего старого зеленого платья. Но чем-то он больше напоминал наряд цыганки, хоть на голове у меня и красовалась маска лягушки в короне, а потому папа старался не попадаться мне на глаза, пока шел детский праздник — стеснялся, что в таком виде меня узреют его коллеги! Где ж мне было знать об этом? Я носилась по залу в поисках родителя, чтобы похвастаться несколькими выигранными призами от Деда Мороза за рассказанные мною стишки у елки, а папа тем временем внимательно отслеживал мои передвижения и прятался от «царевны-лягушки», как мог!

А еще я хорошо помню, как мы с ним вдвоем ходили за елками под Новый год, выстаивали очереди, потом выбирали самых рослых и пушистых красавиц — чтобы под самый наш четырехметровый потолок! Потом папа нес елку на плече, а я носилась вокруг и пыталась ему хоть чем-то помочь. А дома мы с ним вдвоем устанавливали елку (ну как вдвоем — папа устанавливал, а я волчком крутилась под ногами) и украшали ее сверкающими гирляндами, которые папа собирал сам, и множеством блестящих игрушек и дождиков со снежинками.

В то время папа увлекся сам фотографией и сумел увлечь и меня. Мы с ним вместе на построенном им же чердаке в кухне сидели под красной лампой и печатали фотки, окуная их последовательно в проявитель, закрепитель и в чистую воду, а потом высушивали на стекле или пристегивали прищепками к веревкам...

Вместе с папой мы стали по утрам бегать на зарядку в парк каждое утро в любую погоду, и этого заряда энергии мне хватало на целый день. А потом уже, в старших классах, я буквально «принудила» к здоровому образу жизни моих дворовых дружка-нов — и мы уже всей нашей гоп-компанией, прихватив бадминтонные и теннисные ракетки, неслись в парк на зарядку.

А как я любила папины приходы с работы! Распахнув руки для объятий, я неслась на его звонок в дверь и запрыгивала на руки. Так продолжалось довольно долго, пока баба Миля не сделала мне однажды суровое замечание: «Ты уже взрослая, Наташа, и так поступать стыдно. Большие девочки так себя не ведут».

Сколько мне было тогда, я уже не помню, но с тех пор я стала вести себя спокойнее — но как будто что-то важное ушло из моей жизни. И не было уже того единения с папой, как в детстве...

Вот перед глазами встает картина: ночь, темнота, освещен только угол комнаты, где папа корпит над чертежами, он студент-заочник, которому днем не до учебы, а потому работает ночами, постигает азы будущей профессии. Впоследствии он стал замечательным инженером-электриком, и эта профессия кормила его до самой старости. Уже будучи глубоким пенсионером, он продолжал работать: сначала чертил схемы разводок электрических сетей в частных домах или на частных предприятиях, а потом сам же и выполнял все работы.

Мама с папой расстались, когда мне было семнадцать... Так сложилось, вернее, не сложилось у них — по разным причинам. Впоследствии папа нашел свое счастье в другой семье, мама же так и не вышла больше замуж.

МЛАДШЕНЬКИЙ

В семь с половиной лет я впервые почувствовала себя взрослой — в нашей семье появился на свет мой младший брат. Папа хотел его назвать Валерой, маме нравилось имя Дмитрий, но тут встряла я и предложила свой вариант — Саша, Александр. На том и порешили. И с тех пор мы шли по жизни вместе: мама, папа, я и мой Санечка. Он был моим любимым «хвостиком», который всюду следовал за мной. Сначала в моих дворовых посиделках, потом уже в студенческом обществе моих девиц-подружек он был неотъемлемой частью нас, и никому и в голову не приходило прогнать мальчика.

Кстати, первые слова, четко произнесенные им, я помню, как сейчас: «Я сам!» Так и вырос самостоятельным, рукастым, головастым, за все берущимся и никакой работы не боящимся. Моя гордость — мой младший брат, вымахавший под два метра ростом!

А было время, я его не спускала с рук, всюду носила с собой этот драгоценный родной груз — своя ноша ведь не тянет! Именно с его рождением во мне как будто проснулся какой-то источник вдохновения — и впервые полились рифмованные строчки-посвящения ему. Младшенькому.

Он подрастал, мы вместе гуляли, ходили в парк, на каток, играли, я сочиняла на ходу какие-то сказки про Волшебника, живущего в одной из стен нашей квартиры, и про Волшебное зеркальце,

которое есть у меня и в котором отражается все, что делает мой братик. Родители подарили нам маленький домашний картонный театр со сказкой Пушкина о золотой рыбке. И мы часто устраивали представление, меняя декорации, вновь и вновь проговаривая вслух бессмертные строчки великого русского поэта...

Помню, как папа на ночь рассказывал Саше его любимую сказку про белого бычка, а потом, когда папа внезапно засыпал на полуслове, Саша подхватывал рассказ и сам себя вслух ублаживал концовкой...

Когда вырос, стал альпинистом-скалолазом, побывал на восхождении в Африке (Килиманджаро), в Новой Зеландии и Австралии, исходил вдоль и поперек наши Кавказские горы. А еще увлекся авторской песней и игрой на гитаре — исполнил мою заветную мечту! — и впоследствии не раз становился победителем в номинациях «Лучшее исполнение песен Ю. Визбора» и «Лучшее исполнение патриотических песен» на бард-фестивале «Цейский вальс». Он мог стать хорошим ювелиром, но предпочел литье из бронзы — его фигурки украшают столы в кабинетах и квартирах многих его друзей.

А перед моим мысленным взором все стоит маленький мальчик в теплой шубке, подпоясанный солдатским ремнем с пряжкой, и кирзовых сапожках — он мечтал стать офицером... А стал геологом, лавинщиком, потом была работа на таможне и в банке... Но сквозь все наслоения прошедших десятилетий все равно проглядывает тот самый пытливый и непоседливый мальчик с яркими голубыми глазами и задорным чубчиком — мой младший братик...

ДЕТСАД И ШКОЛА

Больше всего в детстве я не любила посещать детский сад. Я вообще не понимала, зачем мне туда ходить, если дома так хорошо, рядом — любимая бабушка Нюра, мои дворовые друзья-подружки, куча развлечений и прекрасных игр. И тут вдруг нате вам — вставай с утра пораньше в любую погоду и плетись вместе с мамой на трамвае под номером три в детсад, расположенный не так уж и близко — во дворе пятиэтажного дома по улице Джанаева/Маркова. Просто как раз напротив находилась в то время мамина работа — музыкально-педагогическое училище № 2, и, соответственно, маме было удобно «забрасывать» меня в садик, а потом забирать оттуда. Только зачем? Я так до сих пор и не пойму. Социализировать меня не надо было от слова «совсем» — я

вполне прекрасно ощущала себя в любом детском коллективе. Сон днем для меня был просто пыткой, которой нас, детсадовцев, подвергали ежедневно. Манная каша с комочками, молочный кисель и молоко с пенкой вызывали у меня неотвратимый рвотный рефлекс (и до сих пор вызывают!), а прогулки в ограниченном заборе закутке двора вызывали клаустрофобию — просто я не знала этого слова и понятия в то время, но все мое детское существо протестовало против посещений этого сосредоточения негатива! И я, естественно, как могла, саботировала походы в ненавистное место: в зависимости от настроения у меня то болел живот, то ныл зуб, то меня ни с того ни с сего начинало тошнить на ровном месте, а то вдруг прихватывало горло, и я начинала покашливать сначала осторожно, а потом все громче и настойчивей — до тех пор, пока меня не оставляли дома. И это был мой триумф!

А потом началась другая эпоха под названием «школа».

Знаменитая школа № 5 приняла меня в свои объятия, чтобы спустя 10 лет выпустить в большую жизнь. Я искренне благодарна многим моим учителям — за вложенные в мою голову знания и умения, за правильное воспитание, за раннюю прививку патриотизма. Меня родители определили в «В» класс к учителю-методисту, которую очень хвалили коллеги. Возможно, она и была хорошим педагогом, но учитель должен быть прежде всего человеком, любящим детей, чего явно не хватало нашему преподавателю. В классе царила строжайшая дисциплина, напоминавшая чем-то концлагерную. Нас часто не отпускали на перемены, а уроки математики растягивались на три-четыре часа. Голодные первоклашки честно выписывали в прописях палочки и крючки, исподтишка, глотая слюнки, поглядывая на свою учительницу, вальяжно развалившуюся в кресле с красным сочным яблоком в руках, которое она кусала с хрустом и видимым удовольствием... Если поступал приказ сидеть смирно, а ты в это время крутил в руках ручку или линейку, то тебя тут же настигало наказание: учительница выхватывала из детских рук вышеозначенные предметы, ломала их и просто выбрасывала в школьный двор через открытое окно. Причем у нее в отношении детей была четкая градация по положению в обществе их родителей: у нашей учительницы были явные любимчики и неприкасаемые, чьи папы и мамы занимали высокие должности в руководстве нашей республики, а были дети простых совслужащих и рабочих, с которыми можно было не церемониться. Я входила во вторую категорию. Так прошли первые три года в школе...

Кстати, спустя годы, уже на нашем выпускном вечере, к первой учительнице бумерангом вернулось ее отношение к нам: ни одного цветка не получила она от нашего класса, даже ее прежние любимчики не спешили одарить ее вниманием. И только благодаря заботе нашего завуча, которую мы буквально завалили цветами, несколько букетов досталось и первой учительнице. Но мне кажется, что в тот миг она многое поняла. Жаль, что это случилось так поздно.

А потом, уже в четвертом классе, видимо, небо сжалилось над нами, и нашим классным руководителем стала Нина Ивановна Кобаидзе, учитель математики, которая и вырастила нас, проводив во взрослую жизнь.

Да, она была строга — но справедлива, да, она требовала — но и всегда приходила на помощь. С нею было интересно! Какие замечательные классные часы у нас проходили в то время: с играми, сценками, проговариванием скороговорок, отгадыванием загадок. Диспуты на разные темы, обсуждения школьных и классных дел, регулярный выпуск своей стенгазеты, «разбор полетов» одноклассников, составление планов по внеклассной работе на ближайшую перспективу, участие в многочисленных форумах, слетах, соревнованиях, смотрах строя и песни. Мы вели переписку с мамой самого Юрия Алексеевича Гагарина, и наш класс с ее согласия стал носить имя этого легендарного космонавта! А еще были поездки по местам боевой славы нашей республики и на зимних каникулах — в Москву, Волгоград, Киев... Она была (добавлю — и осталась по сей день!) нашим другом. Мы неоднократно виделись с нею уже после выпуска, у нее дома собрались и отпраздновали 125-летие родной нашей 5-й школы (теперь — ордена «Знак Почета» гимназии № 5 им. А. В. Луначарского), все время находимся на телефонной связи. Я благодарна ей за постоянную заботу о нашем классе, за то, что она всегда защищала нас, отстаивала перед начальством, не давала в обиду.

Запомнился мне один из смотров строя и песни, который проходил в школе в тот момент, когда Нина Ивановна заболела и не могла проконтролировать нас и нашу готовность к данному мероприятию. Но мы не подвели своего классного руководителя: каждый день после уроков собирались всем классом и репети-

ровали в школьном коридоре исполнение под маршировку строевой песни «Как родная мать меня провожала...» на слова Д. Бедного — с художественными повистами, между прочим! И наш труд был оценен по достоинству — мы заняли 1-е место!

Нина Ивановна прекрасно знала все склонности и способности своих подопечных, а потому не требовала лишнего: я по складу характера, по своим наклонностям и знаниям была ярким гумани-тарием, и Нина Ивановна не мучила меня требованиями глубоко-го изучения своего предмета — просто понимала, что впослед-ствии ни алгебра, ни геометрия мне не пригодятся. Я ей благо-дарна за такое толерантное — как сказали бы теперь — отношение. А еще за то, что спустя годы она очень помогла уже моей дочери перед поступлением в университет: в течение нескольких дней с утра и до вечера они вдвоем одолели «мозговым штурмом» уско-ренный курс школьной программы по математике — и моя сере-бряная медалистка Оксанка блестяще прошла собеседование в СОГУ, а через 5 лет стала дипломированным специалистом в об-ласти прикладной математики.

Чудесными педагогами-профессионалами и людьми с большой буквы могу искренне назвать и директора школы, ветерана Вели-кой Отечественной войны Александра Михайловича Игонина, и завуча-словесника Тамару Сергеевну Потапову, и учителя англий-ского языка Эмму Борисовну Лазарову. Они делились с нами не только знаниями — они вкладывали в нас свои сердца и души.

Тамара Сергеевна... Именно она — звонкая, летящая, эмоцио-нальная — увлекала нас за собой в огромный, яркий мир Литера-туры, открывая новые имена писателей и поэтов, разбирая обра-зы героев классических произведений и мотивы их поступков. Она любила устраивать диспуты на уроках, где каждому из нас предоставлялась уникальная возможность аргументированно и грамотно, без перехода, что называется, на личности доказывать оппоненту свою точку зрения — с обязательными ссылками на тексты произведений. Она ввела такое понятие, как мини-сочине-ние — на самые разные жизненные темы, и мы могли самостоя-тельно рассуждать о том, что такое любовь и дружба, каков на-стоящий герой нашего времени, с чем надо бороться современ-ному обществу в первую очередь, что есть предательство, а что есть подвиг... Она нас приучала думать, размышлять, анализиро-вать прочитанное и услышанное-увиденное, отталкиваясь от классических произведений и критических статей о них, которые мы не просто проходили, а тщательно изучали. И никогда не «да-вила» своим учительским авторитетом — но незаметно направля-

ла в нужное русло наши рассуждения и споры. Помнится, из-за большой загруженности Тамары Сергеевны в 8-м классе ей пришлось уступить наш класс другому учителю-словеснику — и это был «провальный» год. Мы не воспринимали методы обучения нового преподавателя, они были нам глубоко неинтересны, пресны, серы — просто зубриловка, заучивание наизусть — и никакого полета мысли. В итоге наш класс взбунтовался: мы «настрополили» родителей, и те стали требовать от администрации школы вернуть нам нашу Тамару Сергеевну! И вот наступил новый учебный год. Мы, ученики 9 «В» класса, настороженно ждем начала урока по литературе, мы еще не знаем, кто его будет вести. И тут в опустевшем школьном коридоре вдруг раздается быстрый и звонкий стук каблучков, и мы все понимаем, что это спешит к нам на урок наша любимая учительница, наша Тамарушка! Вы бы слышали тот вопль восторга, то ликование, тот громогласный прием, который мы устроили ей! Это была победа! И это было счастье — снова быть с нею, окунаться в литературные миры, забыв напрочь о зубрежках и бескрылости. Мы опять могли летать — а это дорогого стоило! И на филологический факультет я поступила именно потому, что до глубины души полюбила те предметы, что преподавала нам Тамара Сергеевна, и ни разу не пожалела о выбранной раз и навсегда профессии.

Наш строгий директор Александр Михайлович Игонин. Вот он появляется в конце школьного коридора — и все учащиеся, даже неуправляемые драчуны, выстраиваются вдоль стенок. Не потому, что боятся — но потому, что очень уважают. Его авторитет непререкаем. Именно он, преподававший нам историю и обществознание в старших классах, первым (и единственным) стал обращаться к нам на «вы», и это удивляло, изумляло и подкупало: мы старались изо всех сил не подвести своим незнанием предмета ТАКОГО человека.

А Эмма Борисовна Лазарова, наш учитель по английскому языку, смогла дать нам необходимые знания по своему предмету, и они были настолько глубоки, что мне их хватает и до сих пор, хотя прошло уже несколько десятилетий с того дня, как я попрощалась с родной школой...

Кстати, о самой школе можно рассказывать бесконечно долго — ее история пишется учителями и учениками уже более 143 лет. Старинное кирпичное здание в самом сердце старого Владикавказа было построено в 1890 году, а пять лет спустя к нему были пристроены еще четыре класса и гимнастический зал для занятий физкультурой. Первый выпуск гимназии состоялся в 1889 году:

из 22 выпускников 12 поступили в МГУ (в основном на юридический и медицинский факультеты), 3 — в Санкт-Петербургский университет, 3 — в Харьковский университет и 4 — в военные училища.

К числу наиболее достойных воспитанников школы относятся: всемирно известный режиссер-новатор Е. Б. Вахтангов, известные революционеры Г. Цаголов, Ч. Баев, Н. Кесаев, полковник П. О. Билаонов, профессора А. М. Евлахов, Р. Б. Габирян, А. П. Жуков, И. М. Иосифов, Н. А. Цаголов, В. М. Гарданов, писатель Н. Атаров, врачи Т. Ф. Дауров и А. Б. Дзантиев, народный артист РСФСР Павел Лисициан, маэстро Валерий Гергиев. В годы ВОВ уходят на фронт учителя и выпускники средней школы № 5. Многие из них не вернулись, сложили свои головы в боях за Родину. Тридцать девять имен погибших занесены на мемориальную доску. В 1977 году в школе был открыт музей народного образования, в котором представлено более 900 различных документов, личных вещей, фотографии по истории просвещения Северной Осетии, начиная с дореволюционного периода и до наших дней. В 1980 году была завершена работа по оформлению Музея боевого пути артиллерийского полка, участника боев на полях Северной Осетии. Музей был открыт в дни 35-й годовщины Победы и по сей день является центром военно-патриотического, гражданского и этнокультурного воспитания подрастающего поколения. И замирают здесь в почетном карауле девочки и мальчишки, которые не знают ужасов войны, но уже сегодня учатся у далеких предков стойкости и мужеству.

Ныне гимназия № 5 им. А. В. Луначарского продолжает славные традиции дореволюционной гимназии, как и прежде являясь флагманом средних учебных заведений Владикавказа. По словам теперешнего директора гимназии Марины Геннадьевны Кулишкиной, более двух тысяч учеников, «обучающихся здесь, с гордостью носят звание гимназистов, оправдывая его блестящими победами на олимпиадах, конкурсах, успешной сдачей ОГЭ и ЕГЭ. Здесь принято хорошо учиться, стараться держать высокую планку. И это возможно, конечно, благодаря нашему коллективу преподавателей, многие из которых — победители конкурсов профессионального мастерства. Главное же, что их объединяет, — это любовь к детям, самоотдача и трепетное отношение к нашей гимназии, месту духовного притяжения. Такой была гимназия № 5 в течение своей вековой истории. Хочется пожелать, чтобы такой она оставалась всегда...».

В моей памяти оживают картины школьной поры: длинные ко-

ридоры с паркетными полами, пахнущими мастикой (мы с удовольствием мотались на тряпках, растирая эту самую мастику по паркету — нам все было в удовольствие, в том числе и уборка помещений, и помывка окон!); старинная каменная лестница, ведущая на второй этаж; актовый зал с подпотолочной лепниной; скелет, одиноко стоящий в застекленном шкафу в кабинете биологии (ох, как же я его боялась в начальной школе, но специально приходила посмотреть на него еще и еще раз, чтобы снова «побояться»!); узкая лесенка, ведущая куда-то в чердачное помещение, где располагался медицинский кабинет (нам там делали пирке и прививки); лингафонные кабинеты с кабинками для занятий английским языком; кабинет музыки со старинными высокими шкафами, битком набитыми самыми разными пластинками; большой и просторный спортивный зал; пионерская комната с горнами, барабанами, знаменами и флагами, в которой прошло мое пионерско-комсомольское детство (я была «флажконожкой», а наш класс — дважды правофланговым!); столовая, откуда доносились вкусные запахи, и буфет с дородной продавщицей тетей Наташей, коржиками по 6 копеек и булочками с кабачковой икрой по 3 копейки за штуку... А еще были любимые кабинеты — наш математический 69-й на третьем этаже и кабинеты русского языка и литературы на втором этаже нового здания.

В 10-м классе было решено самим заработать на наш выпускной вечер, и в течение всего учебного года мы, три выпускных класса, ежедневно после занятий драили весь третий этаж школы на совесть. В итоге обошлись без родительских денежных вливаний — сами заработали себе на праздник! А сам выпускной вечер прошел не стандартно, как проходят сейчас такие мероприятия — в ресторанах или кафе, а в старинном нашем актовом зале, который мы сами и украсили к празднеству.

Вспомнилось, как меня всем двором собирали на выпускной вечер: мои подружки из волос (а у меня были косы ниже пояса) соорудили на голове шикарную прическу-раковину, я облачилась в специально сшитое по такому случаю нежно-голубое бальное платье с рюшами

и бантиками и впервые надела белые туфельки на каблук. И весь вечер от меня не отходил только вернувшийся со срочной службы десантник — старший брат моей одноклассницы: он все время приглашал меня на медленные танцы, а мне хотелось, чтобы рядом был тот мальчик, который мне тогда очень нравился. Но — увы...

А когда наступил рассвет, выпускники дружно повалили со школьного крыльца на улицу и отправились в парк. А школа светила нам вслед всеми распахнутыми настежь в июнь окнами, и песня «Когда уйдем со школьного двора...» сопровождала нас до самого парка, заставляя светло грустить об этой уходящей в небытие эпохе...

Позже мы несколько раз «усеченным» составом собирались в школе на вечера встречи поколений в начале февраля — традиция у нас такая. Делились новостями, вспоминали это чудное школьное время и наших замечательных учителей: Авдея Уматиевича Бетанова (физика), Светлану Сергеевну Мадзаеву (биология), Альберта Васильевича Катунина (физкультура), Бориса Александровича Цаликова (военное дело), Валерия Павловича Коржова (география), Нину Александровну Азикову (пение), Казгери Федоровича Кесаева (черчение), Светлану Николаевну Круглову (английский язык), Жанну Руслановну Каргинову (технический перевод), Валентину Дмитриевну Кулешову (химия), Антонину Акимовну Джигоеву (математика), Анну Заурбековну Ардасенову (история), Зою Николаевну Тотиеву (английский язык), Дмитрия Константиновича Еналдиева (астрономия) и многих других.

А мои одноклассники всегда со мной — они живут в моей памяти еще теми детьми, которых я знала на протяжении всех 10 лет учебы в школе: наши золотые медалистки — серьезные, вдумчивые, умные девочки Лена Маняхина, Ася Тайсаева, Залина Ходова, Анжела Дидарова; наши мальчишки — Гоша Джигоев, Саша Растороцкий, двоюродные братья Алан и Артур Касаевы, Саша Онопченко, Гена Кадиев, Тимур Мзоков, Иран Плиев, Юрка Сикоев, Гуля Бадинцян; такие родные и по сей день лица Фатимы Бутаевой, Нины Гостиевой, Фатимы Гуриевой, Зарины Бесаевой, Мзии Гаспарян, Виолы Борзученко, Лены Петровой, Ларисы Еналдиевой, Изы Кантемировой... Простите, если кого-то забыла упомянуть, все-таки столько лет миновало с той светлой школьной поры... Да, были, конечно, и слезы, и двойки с тройками случались в моем дневнике, и недоразумения с учителями и одноклассниками, но все это как-то быстро забылось, а остались в памяти одухотворенные лица, добрые улыбки, совместные вечера и

праздники — все то, что стало впоследствии нашей «охранной грамотой» на всю последующую долгую и трудную взрослую жизнь.

Но об этом я напишу когда-нибудь потом.

P. S. Та самая песня, послужившая толчком, катализатором к написанию этих заметок.

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь,
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Он зовет меня в чудесные края,
Слышу голос — голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь,
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

*Я клянусь, что стану чище и добрее,
И в беде не брошу друга никогда.
Слышу голос и спешу на зов скорее
По дороге, на которой нет следа.*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь,
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

Фатима БУТАЕВА

**Зоя МИРОНОВНА САЛАГАЕВА —
ЭПОХА В КУЛЬТУРЕ ОСЕТИИ**

З. М. Салагаева

К 100-летию со дня рождения известного
ученого-филолога, заслуженного деятеля
науки и техники Российской Федерации
и РСО-Алания

«Шестьдесят один год проработала Зоя Мионовна преподавателем филологического факультета СОГУ, пройдя путь от аспиранта до профессора. Ее трудовая биография длиной в целую человеческую жизнь — отрезок эпохи, истории нашей страны, летопись полувековой научной и культурной жизни Осетии. С 1946 года, когда Зоя Мионовна впервые вошла на университетскую кафедру, до 2007-го, когда в возрасте 83 лет оставила чтение лекций, каждый филолог нашей республики был ее студентом. Это, по самым скромным подсчетам, не менее 5000 человек» — эти слова кандидата филологических наук З. К. Кусаевой, ученицы и продолжательницы научной традиции З. М. Салагаевой, емко характеризуют роль личности и трудов Зои Мионовны для Осетии.

Сто лет исполнилось бы в этом году моей маме, Зое Мионовне Салагаевой. И будь она жива, не позволила бы, конечно, уделить ей столько внимания, она была настолько скромна, что я, только разбирая к юбилею ее архивы, впервые осознала, с какого масштаба ученым и личностью мне посчастливилось встретиться на этой Земле. *«Столетний юбилей особенно зримо высвечивает творческий подвиг и красоту его души» — такую запись я нашла в ее заметках о научном руководителе, профессоре Леониде Петровиче Семенове, и эти слова теперь могут быть отнесены и к ней самой.*

Она обладала широким научным диапазоном: прекрасно зная русскую и мировую литературу, занималась русско-кавказскими и русско-осетинскими литературными связями, всегда рассматривая осетинскую литературу и фольклор в мировом контексте. Любое из ее исследований включает широкий спектр сопоставлений. Упомяну для примера лишь три очень глубоких, но, возможно, подзабытых ныне сравнительных исследования:

«Осетинский философ и критик Афанасий Гассиев о Льве Толстом», «"Амран" Елбыздыко Бритаева и мировая литература» и «Обряд посвящения коня у осетин». Первое раскрывает систему взглядов осетинского философа конца XIX — начала XX века в контексте идей Л. Н. Толстого и в целом русской философско-религиозной мысли. Второе представляет всемирную историю идеи о кавказском Прометее Амране. Третье повествует о древних корнях удивительного осетинского обычая. *Во времена отсутствия интернета и цифровой фототехники для написания подобных сравнительных работ приходилось просматривать и практически переписывать сотни книг, добывая драгоценную информацию из первоисточников.*

«З. М. Салагаева была серьезным текстологом, при участии которой выходили издания классиков осетинской литературы К. Хетагурова, А. Коцоева и осетинского фольклора» — это слова из приветственного адреса коллег. Действительно, помимо широко известного двухтомника «Ирон адæмон сфæлдыстад» («Осетинское народное творчество»), хочется напомнить и о фольклорном сборнике «Песни далеких лет» 1960 года издания, и о двухтомном собрании сочинений писателя и драматурга Давида Туаева 1970 года, и о трех изданиях сочинений Коста Хетагурова 1960, 1985 и 1999 годов, и о сборнике произведений видного писателя и публициста осетинского зарубежья Ахмеда Цаликова 2002 года. Во всех этих случаях она готовила к печати текст и составляла комментарии. Подготовить текст к печати — это значит проследить историю публикации вплоть до первоисточников, расшифровать из автографов, т. е. оригинальных рукописей, все сокращения, неразборчивые записи, найти в архиве варианты. Например, на приведенном рисунке — страница автографа Коста Хетагурова, с которой Салагаевой приходилось работать, с помощью ручной лупы разбирая в архиве строки Коста, резко перечеркнутые его решительной рукой, а поверх них — другие, снова зачеркнутые, и так до полной ясности путей его творческого процесса.

«Комментировать» означает не только дать историю написания, установить прототипы персонажей и прочее. Это еще и написать объяснение для каждого упомянутого в тексте имени или названия. Например, у Коста встречается упоминание «Нобели». В комментарии Салагаева дает полную справку о них: «Братья Нобель — шведские изобретатели и промышленники... отец, сыновья и внуки...», далее подробно о каждом. Читать ее живые комментарии интересно и познавательно. Редактируя третий том

полного собрания сочинений Коста Хетагурова, содержащий поэмы, пьесы и прозу, она восстановила из оригинальных рукописей, автографов Коста неопубликованные ранее фрагменты пьесы «Курсистка» (так в первой редакции называлась известная пьеса «Дуня»). В издании сочинений Коста 1951 года Л. П. Семенов в комментариях пишет: «...пробелы (в текстах Коста. — Ф. Б.) восполняются по другим авторитетным редакциям». Зоя Мионовна же обращалась напрямую к автографам Коста. В результате полная версия «Курсистки» впервые была опубликована ее трудами в академическом издании собрания сочинений Коста 1960 года. Текст пьесы «Фатима» также был выверен ею по экземпляру сборника из архива СОИГСИ, собственноручно исправленного Коста. Ею были там восстановлены стихи, изъятые цензурой.

Также Зоя Мионовна впервые приводит вариант поэмы «Чердак», восстановленный ею из черновика Коста, так называемой тетради Р10, тоже хранящейся в архиве СОИГСИ. Этот вариант коренным образом отличается по ряду строф, сюжету и особенно развязке от основной версии поэмы, которая представлена в беловом автографе Коста. Этот беловой автограф, источник основного текста, был переработан самим Коста так, что на полях рукописи появилось множество новых стихов. Неопубликованный Коста! Естественно, Зоя Мионовна приложила все усилия, чтобы разобрать и новые, и зачеркнутые стихи в рукописях поэта. Теперь, благодаря ей, эти стихи стали доступны для читателей, они опубликованы в разделе «Другие редакции» третьего тома. Например, в основном тексте поэмы «Чердак» отсутствовали прекрасные строфы, сближающие ее с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник»:

*...Но он над мощною Невую
Сел на гранитную скамью...
И кинул недовольный взгляд
На дивный, дорогой наряд
Столицы спящей... «Боже мой! —
Сказал он, покачав головой. —
Люблю тебя, Петра творенье!» —
Пел сладкозвучный твой певец...
О, ты восторг, ты восхищенье
И для меня... Но... я — не льстец.*

И далее о Петербурге:

*«Ты — людоед... да... Ты всегда
Горячей кровию питался».*

И наконец:

*Россия может спать спокойно.
Любовь и преданность детей
Ее хранят всегда достойно
От вражьих козней и затей.*

Насколько все это важно? Академией наук СССР в 1935 году были изданы неопубликованные строфы Пушкина «Рукою Пушкина». Автографом к изданию служат слова Пушкина о Вольтере: «Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради... Нас... поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры... тем же самым пером написала и великие творения... предмет наших... восторгов». Естественно, это в полной мере относится и к неопубликованным строкам осетинского гения.

Зоя Салагаева была и видным фольклористом. Ее раннее детство, наиболее чувствительный для формирования языковых навыков период, прошло в селе Христиановском (ныне город Дигора). Заботилась о ней бабушка Нана (Елизавета Гагосова), по происхождению моздокчанка, знавшая много необычных для Христиановского сказок, обычаев, рецептов кушаний. Именно в раннем детстве от бабушки она усвоила меткую и образную народную речь. И потом всю жизнь записывала фольклор. Всегда любила говорить с сельчанами и горцами о старых временах, записывая все интересное. Дома, в ее архиве, и сейчас много этих записей. В ход шли любые клочки бумаги, если надо было быстро зафиксировать услышанное. Например, на одном из таких измятых надорванных листков — бесценная запись дигорских поговорок от Салафира Салагаева, учителя из села Мацута: «Дæ фиу дæр хуард, дæ тикис дæр мард // И сало съедено, и кошка сдохла», т. е. потеряно и то и другое; «Дæ зæрди зол — цæсти зол // Кривая душа — кривой взгляд». Недаром на заре Зоиной научной карьеры известный ученый-осетиновед, собиратель и исследователь осетинского фольклора профессор Борис Андреевич Алборов в дарственной надписи на оттиске своей статьи «"Цирыхъ" осетинских нартских сказаний» начертал: «Ирон фольклорыл зæрдиагæй кусæг Салæгаты Зоййæн. Автор, 04.04.1960».

В 1961 году, в 37 лет, Зоя, будучи доцентом СОГПИ, переживает большой научный успех. Вышло из печати первое полное собрание осетинского фольклора «Ирон адæмон сфæлдыстад»

(«Осетинское народное творчество»). Двухтомник в 80 печатных листов был итогом 10 лет титанической работы по сбору, классификации по жанрам, редактированию, комментированию записей фольклорных произведений, проведенной одним человеком. Редактировал это сразу ставшее классикой из-за своего высокого качества издание Василий Иванович Абаев. Ранее полного собрания осетинских фольклорных произведений не существовало. Зое пришлось поднимать архивные материалы, немногочисленные опубликованные, использовать собственные записи и записи студентов, сделанные в ходе фольклорных практик. Издание было академическим. Она всегда особенно подчеркивала это определение. Позволю себе напомнить, что, согласно стандарту в области книжного дела, академическое издание определяется как «издание, содержащее научно выверенный текст произведений и его различные варианты... снабженное большим научно-справочным аппаратом и обширными комментариями».

В те советские времена нивелирования межэтнических различий издать фольклор вообще, а тем более так, как того требуют каноны науки, без изменения текста, без правок, было очень трудно. Приходилось отстаивать свои научные и эстетические взгляды перед партийными боссами. Те то вопрошали: «А будет ли это понятно народу?» «Как будто не сам народ создавал это», — отвечала им тогда Зоя. То хотели перевести все дигорские и кударские тексты на официальный иронский. «А я все же отстояла дигорские и кударские тексты!» — радостно вспоминала она всю жизнь. А это и правда достижение! В результате получилась книга, родная для каждого осетина и, без преувеличения, важнейшая, наряду с этимологическим словарем осетинского языка Васо Абаева.

А ведь кропотливый труд и над фольклором, и позже над монографиями и докторской диссертацией, вся многообразная и огромная научная работа велась в свободное время, после проведения занятий в университете, во время летнего отпуска, которого она всегда с нетерпением ждала по той причине, что можно было наконец любимой наукой заняться. Никогда она не отдыхала в привычном обывательском понимании этого слова. А ведь нагрузки в СОГУ тех лет были колоссальными.

В 90-х годах З. М. Салагаева подготовила второе, значительно дополненное издание своего фундаментального труда «Ирон адæмон сфæлдыстад». В него были включены новые тексты почти всех фольклорных жанров, записанные в ходе

фольклорных экспедиций за прошедшие с 1960 года 35 лет. По совету В. И. Абаева там впервые появляется не выделявшийся ранее как отдельный для осетинского фольклора жанр — баллада. Рукопись сдали в издательство «Ир» в 1994 году, где та пролежала долгих 13 лет. Мама провела уже две корректуры, но книга все не выходила, издание откладывалось из года в год из-за недостатка бюджетного финансирования.

Я хотела, чтобы мама увидела результаты своего труда, потому что была свидетелем того, как буквально несколько лет она, не разгибаясь, просидела за письменным столом. Сотни библиографических карточек, тетрадок с записями фольклора, словарей, энциклопедий, микрофильмов окружали ее. В 1994-м, когда мы вместе отнесли увесистые тома рукописей в издательство «Ир», маме было 70 лет. В ожидании прошло 10 лет. В 2004-м, когда ей исполнилось 80, издательство «Ир» по моей просьбе предоставило нам счет за издание — что-то около миллиона рублей, мелочь, но и их из бюджета не давали. Я писала письма президентам республики, которых за 13 лет сменилось три, многочисленным последовательно сменявшимся в этот период мэрам города... Ответа не последовало. Тогда я решила поискать спонсорскую помощь. В Петербурге я обратилась к нашим известным землякам-бизнесменам и деятелям культуры, но либо мне отказывали, либо меня вовсе не принимали. Мама на мое фиаско с поисками спонсоров сказала с мягкой грустью, свойственной мудрым: «Ничего, не огорчайся, книга нужная, издадут когда-нибудь».

Издали ее в 2007 году, когда мама находилась в больнице. Тогда ее увезли на скорой, оставили в коридоре и не лечили, объявив бесперспективной. Просто ждали конца, несмотря на мои мольбы о помощи. Сейчас это звучит невероятно, но в те годы такое бывало. Я принесла из издательства «Ир» новенькие тома и показала докторам. Испугавшись, видимо, что за такую знаменитость может и нагореть, поставили наконец больной капельницу. После этого она прожила еще четыре года. Так что, можно сказать, помогло.

На форзаце нового издания — изумительно талантливый рисунок художника Мурата Джикаева. Но ни другие рисунки, ни предисловие на русском и английском, ни комментарии, ни библиография не вошли в сборник. Его издали экономично — только тексты с вариантами. Ну и, конечно, сохранены источники записей, так что те сотрудники СОИГСИ, СОГУ и студенты, которые после 1960-х записывали фольклор, найдут там свои имена. Хоч

обратить внимание на то, что в фольклорных произведениях, особенно героических, исторических, приводится точное указание фамилий и имен реальных людей, о которых они сложены. Например, в 1898 году в Стур-Дигоре записана «Азнаури кадæнгæ». Вот короткий отрывок из нее:

*Таухъани фурт Ибахъ ку адтæй,
Азнаури мæггур еунæг уод
Ка бахуардта, йе ба Сау-Ногъай
И бæрзæйгин Сидахъ-æлдар ку адтæй.*

*Азнаурæн æ уосæ ба Абайти кизгæ
И рæсугъд Кумусхан уæд ку адтæй,
Æ йенцег æрвадæ ба Хъайтухъи-фурт
Хамурз-æлдар уæд ку адтæй.*

В середине XIX века в Стур-Дигоре был ненавистный сказителю «бæрзæйгин», то есть имеющий жирный загривок, алдар Сидак Ногаев (по прозвищу Черный Ногай), он и сгубил Азнаура, про которого это произведение. У Азнаура была жена-красавица Кумусхан Абаева, и был енчег — воспитанник из знатной семьи, из чего следует, что Азнаур и сам был знатный, ибо воспитанников принимали для укрепления связей между семьями. И был этот енчег тоже алдар Хамурз Кайтуков. А еще в самом начале упоминается Ибахъ Тауканов. Таким образом, в двух строфах произведения фигурируют целых пять исторических лиц. А произведений в собрании около 1000. Так что каждая осетинская фамилия обязательно найдет там упоминание о себе, своем селе, ущелье.

Мама была потомком двух крупных осетинских поэтов — Георгия Малиева и Созура Баграева. Ее дедушка Мали Салагаев происходил из высокогорного села Куссу в Дигорском ущелье. Он был двоюродным братом Георгия Малиева. Младший сын Мали Майрон, мамин отец, был почти ровесником Георгия, и они всю жизнь очень дружили. Георгий Малиев часто приезжал к маминому отцу, и они, по семейным воспоминаниям, подолгу беседовали. Мамина мама Вера даже была посаженной матерью на свадьбе Георгия Малиева. Бабушка мамы была из фамилии Баграевых, Созуру Баграеву она приходилась двоюродной сестрой. Мамин отец умер в 28 лет, когда Зое было всего три года. «Помню только, что он был очень добрым, как все Салагаевы», — говорила мама. Жили они в казачьей станице Николаевской. Майрон любил петь с казаками песни, танцевал их танцы. От этих воспоминаний — любовь мамы к казачьему фольклору на всю жизнь.

Из-за этого-то десятилетиями позже она получила приглашение в казаки от настоящего казачьего атамана Юрия Кирилловича Запоева, отца известного современного поэта Тимура Кибирова.

В 1928-м после смерти главы семья переехала из Николаевской в село Христиановское. Пять лет, проведенные там, запомнились маме как самые счастливые, потому что соседки собирались на крыльчке и рассказывали (по-дигорски, конечно) сказки, прибаутки, страшилки. В Дигоре Зоя и пошла в первый класс, обучалась на осетинском языке. Когда переехали во Владикавказ, где занятия велись на русском, сначала русский письменный давался ей с трудом. Особенно ужасали диктанты — десятки ошибок. Но девятилетняя девочка сама, без всякого принуждения переписывала большие и сложные русские тексты, обращая пристальное внимание на написание слов, знаки препинания, пока не добилась абсолютной грамотности, и это всего-то за два года. В русскую школу она пошла во второй класс, а в табеле за четвертый уже все оценки, включая русский язык, отличные. Этот табель она хранила всю жизнь, так как в нем была пометка «Проявляет склонность к литературе» — первое профессиональное признание!

Всю жизнь она хранила и записную книжку, заполненную переписанными текстами. Причем текстами классическими, красивыми, героическими. Вот, например, цитата из «Эдды»: «Вечный страх отравляет все радости труса». «Эдда» — напомним, мифологическое произведение, в оригинале на исландском языке. В этих записях даются еще и краткий анализ прочитанных произведений, их основная мысль и ее личные впечатления. Литература же всегда влекла ее. Еще в Дигоре она целыми днями увлеченно читала — у ее дяди-журналиста была библиотека. «Когда я попала в эту комнату, полную книг, я испытала такое счастье, как будто мир вокруг меня вдруг беспредельно расширился, десятки людей в тишине говорили со мной о волнующих и удивительных вещах, — вспоминала она. — Мæнæ дессаг! Цума кадæр дин чидæр дессæгтæ дзоруй!»¹ И потом с восхищением пересказывала по-дигорски другим детям и родне сюжеты прочитанных русских книг. Это был первый восторг ребенка, узревшего величие мира и понявшего, что это случилось благодаря книге!

И всю свою жизнь она учила этой простой, но самой главной вещи всех своих учеников, родственников, дочь и внука: «Читай, читай как можно больше, все идет от чтения». Она сама читала

¹ Невероятно! Как будто кто-то рассказывает тебе какие-то удивительные вещи! (диг.)

каждую свободную минуту, а также часами читала вслух маленькому внуку Георгию классические произведения, чтобы привить ему литературный вкус. Ребенок, надо сказать, честно пытался совместить в своих представлениях русскую классику и жестокие 90-е, в которые ему довелось расти. Как-то, пересказывая содержание «Песни про купца Калашникова», прочитанной бабушкой, он внес в повествование свою творческую струю: «А тогда Калашников быстренько изобрел автомат Калашникова и убил Кирибевича!» Детское сердце благодарно... И вот какие трогательные воспоминания остались у мальчика, единственного ее внука, теперь уже взрослого состоявшегося человека:

«Я знал Зою Мироновну не как ученого, а как мою любимую бабушку. С ней были связаны самые теплые и приятные воспоминания моего детства, ее рассказы всегда были полны мудрости и доброты. Когда она приходила с работы домой, что-то в доме менялось. Он как будто становился теплее и светлее. Помню, как я с нетерпением ждал вечера, потому что она всегда читала мне. Я и сам умел читать, но мне особенно нравилось, когда читала она. Такой незабываемой для меня и для всех, кто ее знал, делала ее несравненная доброта, способность радоваться каждому дню и находить хорошее в людях и ситуациях. Она для меня стала примером настоящего гуманиста. Зоя была не просто выдающимся ученым, она была человеком с большим сердцем, всегда готовым поделиться своим теплом, любовью и заботой. Жизнь Зои была наполнена стремлением делиться знаниями и помогать другим, иногда даже едва знакомым людям, и это превращало ее в настоящий огонек, притягивающий к себе самых разных людей. Ее вера в добро, щедрость ее души оставили глубокий след и в моем сердце, научив меня ценить эти качества в других и стремиться к ним самому».

Книги спасали ее всегда. В минуты тягот она брала том Пушкина и уносила в доступный лишь ей одной прекрасный поэтический мир, где не было тяжелых людей, нужды, болезней, где царили легкость и блестящее великолепие пушкинского стиха. Образование считала самой главной ценностью и счастьем. О людях бескультурных обычно говорила: «Бедный, образования не получил». Охотно делилась даже с незнакомыми людьми советами, как поступить в институт, как поступить на подготовительное отделение, к кому обратиться в университете за помощью. Старалась, чтобы образование получило как можно больше людей, потому что знала, что качество жизни и общества в целом зависит

от образования. Считала Пушкина непревзойденным и каждому курсу предлагала написать эссе на тему «Мой Пушкин» по примеру произведения Марины Цветаевой. Всегда потом тщательно прочитывала эти студенческие сочинения. И еще заставляла студентов учить наизусть десятки стихов, в записной книжечке подробно помечала выполненное, слушала эти стихи часами, так как считала, что знания текстов ничто не заменит, а стихи в молодой памяти ребят сохраняются навсегда и во все времена будут им утешением. Считала тех, кто пишет стихи, особыми людьми, одаренными, к которым нельзя подходить с обычной меркой. «Это же поэт, он не такой, как другие» — это говорилось не только о больших поэтах, но и о студентах, знакомых, родственников, пишущих стихи. Во всем поддерживала поэтов, как могла. Гордилась всеми своими пишущими студентами: Ахурбеком Магометовым, Ахсаром Кодзати, Музафером Дзасоховым, Шамилем Джикаевым, Васо Малиевым, Борисом Хозиевым...

В юности литература казалась ей слишком легкой и приятной, чтобы стать специальностью, и она всем заявляла, что поступает на исторический. А окончив школу в 1942-м, в дни войны, вообще собралась в медицинский из чувства гражданского долга, но оказалось, что срок подачи документов там уже вышел, так и поступила в пединститут на факультет русского языка и литературы. Сохранилась зачетка, в которой все оценки за пять лет обучения отличные. В первый же семестр первого курса девушка испытала настоящее счастье. «Введение в литературоведение» вел сам Иван Джанаев, он же поэт Нигер. В те времена, в 40-е годы, осетины по причине пробелов в школьных знаниях русского языка и подчас трудных бытовых условий не блистали на русском отделении, их там вообще почти не было. Поэтому Нигер, боясь, видимо, скомпрометировать себя и свой народ, ее, единственную осетинку в группе, намеренно избегал спрашивать, хоть она и тянула руку. Но на экзамене, ни разу не взглянув ей в глаза, стеснясь, вероятно, устроенной им дискриминации, вынужден был поставить «отлично», так как ответ был великолепным. В 1946-м Зоя получила диплом с отличием и была оставлена при институте. Потом была аспирантура по филологии и первые публикации в журнале «Мах дуг»: «Образ горянки у Коста Хетагурова» и «Коста Хетагуров и Нартский эпос». Это серьезные, скрупулезные исследования, части кандидатской диссертации.

Защита кандидатской диссертации проходила в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде, он же прославленный Пушкинский дом. Декабрь в Ленинграде... Кто бывал — поймет!

Холод, метель, пронизывающий ветер такой, что, кажется, дует одновременно со всех сторон и двинуться нет сил ни в какую сторону. 1951 год, всего восемь лет прошло после снятия блокады. Нет одежды. Нет денег. Пустила Зою на квартиру уборщица Пушкинского дома, сдала угол — кровать в той же комнате, где жила сама с дочкой. К сожалению, я не запомнила ее имени, а надо было. Молодая женщина, с сожалением глядя на Зою, сказала: «Да у тебя пальто на рыбьем меху». Я больше такого выражения ни от кого не слышала. И отдала ей сравнительно новое теплое пальто, которое берегла для дочери. И дала в долг денег из с трудом скопленного ею на крайнюю нужду. Деньги мама, естественно, сразу же по возвращении домой ей вернула почтовым переводом. Но это было такое большое доверие...

Защита прошла прекрасно. Сохранилось постановление учебного совета с результатами голосования: 15 человек, единогласно. В списке проголосовавших классики филологии, авторы учебников Б. Мейлах, В. Адрианова-Переца, А. Бушмин, Н. Пиксанов, В. Евгеньев-Максимов, Д. Лихачев, Б. Томашевский, Б. Бурсов. Оппонировали двое: первый — В. А. Десницкий, революционер, участвовавший в обеих революциях, в 1905 и 1917 годах, крупный литературовед, друг и биограф Горького, очень строгий и дотошный рецензент; второй — Василий Иванович Абаев. У меня много воспоминаний о нем. Абаевы, Васо и Ксения Цхурбаева, его супруга, музыковед, историк музыки, навещали нас в каждый свой приезд из Москвы, помню их с самого детства. И мы ежегодно бывали в их владикавказской квартире на Коцоева, 79. Мне запомнились слова мамы, она цитировала Абаева, но точно не помню, чьи именно это слова: «Если бы знания языка было достаточно для успехов в языкознании, то, следуя этой логике, лучшим ихтиологом была бы рыба».

Васо Абаев на всю жизнь остался верным другом и научным наставником мамы, высочайшим для нее авторитетом. В домашнем архиве много его автографов, дарственных надписей маме и отцу его таким характерным неровным почерком. Одно из них — «Zojæjæn styr buznygæj ætmæ zærdæxælægæj. — A. V.» («Зое с большой благодарностью от всей души») — написано латиницей, хотя датируется началом 60-х, когда в осетинском языке уже использовали кириллицу. Вероятно, это стилистическая особенность автора. Второе посвящение — «Дорогим Георгию и Зое от автора» — датировано 16 июля 1965 года, оно начертано на оттиске знаменитой статьи «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке». Вероятно, оттиск был подарен моим

родителям во Владикавказе при посещении В. И. Абаевым нашего дома.

Запомнился и рассказ мамы о Д. С. Лихачеве, поведенный ей Василием Ивановичем. Дмитрий Сергеевич Лихачев — это широко известная личность, академик. Менее известно, что, находясь в сталинских застенках, он изучал истоки тюремного жаргона с позиций языковеда. А освободившись, простодушно принес в научный журнал, в редколлегии которого был В. И. Абаев, рукопись статьи про тюремный жаргон. Васо был поставлен в тупик этой ситуацией — работа была блестящей, но тема неугодной властям, запретной.

После защиты кандидатской диссертации мама вернулась на родную кафедру русского языка и литературы, и уже в этот период, будучи ассистентом, стала читать все основные кафедральные курсы. Из характеристики З. М. Салагаевой, старшего преподавателя, осетинки, беспартийной, подписанной Б. И. Кандиевым, заведующим кафедрой русского языка и литературы в 1956 году: «Товарищ Салагаева вела следующие курсы: на отделении русского языка и литературы — “Русское народное творчество”, “Русская литература XIX века”, “Литература народов СССР”; на отделении осетинского языка и литературы — спецкурс по творчеству К. Л. Хетагурова». Нагрузка была такой колоссальной, что даже комиссия, приехавшая с проверкой, возмутилась тем, что один человек ведет столько трудных курсов. На что Б. И. Кандиев ответил: «Она не отказывается, вот я и нагружаю». Его принципом было кинуть молодого преподавателя в самую гущу работы. Выплывет — хорошо, нет — туда ему и дорога. «Товарищ Салагаева», похоже, выплывала...

Окончание следует.

Маргарита ПЛИЕВА

**Взгляд на историю Южной Осетии
через призму творчества
ГРИГОРИЯ КОТАЕВА**

Печатается по изданию: Архитектура, Строительство,
Дизайн. 2021. № 01/02 (102/103). С. 94–100.

*Ведь что такое, если вдуматься, аристократизм?
Это есть чувство рода, корня, древа, своей вертикали,
сращенности именно с этой землей... где род и имя,
и память о нем в истории сохраняются.*

Г. Д. Гачев

*Национальную культуру надо рассматривать с больших
позиций, во взаимосвязи с культурой других народов.*

Г. С. Котаев

Самоидентификация народа определяется тем, насколько далеко в глубь веков уходят его корни. Первые упоминания о предках осетин восходят к III тыс. до н. э. Нами предпринята попытка на примере портретов выдающихся деятелей, ученых, врачей, писателей, поэтов и исторических полотен художника Григория Котаева охарактеризовать пройденный Южной Осетией исторический путь.

Григорий Сесеевич Котаев (1926–1992) — заслуженный художник ГССР, народный художник РЮО, лауреат Государственной премии имени К. Л. Хетагурова, скульптор, живописец, график, мастер декоративно-прикладного искусства, публицист, сатирик, писавший на русском и осетинском языках, педагог, крупный общественный деятель. Его творчество сыграло ведущую роль в становлении югоосетинской школы живописи.

Г. Котаев родился 25 апреля 1926 года в селении Ногир Орджоникидзевого района СОАССР в семье служащего. В 1945 году окончил живописно-педагогическое отделение Сталинского художественного училища. В семейном архиве хранится черно-белый снимок его дипломной работы: в сельский дом, занятый гитлеровцами, врываются партизаны. Сюжет, композиция, ритм, пластика передают торжество победы над врагом.

В 1946 году Котаев поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства (МИПИДИ), но по семейным обстоятельствам вынужден был перебраться поближе к дому, в Тбилисскую академию художеств. Окончив второй курс живописного факультета, будучи «притеснен нуждой» [1, л. 23], вернулся в Осетию. В 1952 году Котаев вновь едет в Москву, в МИПИДИ; вскоре институт был переведен в Ленинград — объединен с Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухомовой. «Тов. Котаев дисциплинированный, энергичный, хорошо успевающий студент. В течение трех лет активно работал председателем Студенческого Совета общежития училища. В области изобразительного искусства отличался серьезным

Г. Котаев с матерью. Цхинвал, 1960 г.

отношением к делу и показал хорошие результаты в живописи и рисунке» [1, л. 18].

Котаев окунается в гущу художественной жизни Северной столицы, знакомится с творчеством выдающихся живописцев, в Библиотеке им. А. С. Грибоедова слушает цикл лекций «Русская классическая и зарубежная музыка». Все свое время он посвящает совершенствованию мастерства — не только в классах, но и в Русском музее, и в Цхинвале во время каникул...

В 1956 году Григорий Котаев с оценкой «отлично» защитил дипломную работу «Проект росписи кассового вестибюля Ленинградского метро “Технологическая” на тему “Наука и техника”» под руководством Г. И. Рублева и М. А. Шепиловского [1, л. 25–26].

Становление Котаева-художника связано с такими известными именами, как М. С. Туганов, М. И. Тоидзе, Ю. А. Дзантиев, Р. Р. Френц, И. П. Веселкин, Г. А. Савинов, К. Л. Иогансен, Г. И. Рублев. Их опыт оказал большое влияние на формирование изобразительного языка и творческого метода молодого художника. Теплое отношение к наставникам Котаев пронес через всю жизнь. Спустя два десятилетия Г. И. Рублев так

Г. Котаев, защита дипломного проекта. 1956 г.

обращается к нему: «Дорогой Гриша! Большое спасибо за память. Я тоже с большой теплотой отношусь к моим «сыновьям», моим воспитанникам, которых теперь у меня много за сотню и живут они и творят по всему Советскому Союзу...» Г. А. Савинов замечает: «Я очень хорошо помню всю вашу группу, 56-й год, ваши дипломы и всегда вспоминаю это время с чувством большой радости», а И. П. Веселкин пишет: «Дорогой Гриша! У меня о Вас самые светлые воспоминания. Очень хотелось бы с Вами увидеться» [2].

После окончания учебы Сталинир-Цхинвал становится постоянным местом жительства Котаева, он преподает в Художественном училище им. М. С. Туганова, а с 1962 по 1971 год — в период наивысших достижений училища — занимает должность его директора. Котаев с интересом изучает легендарную историю предков, «будит душу от мелочей будничного величавыми образами», исследует Нартовский эпос, который «поражает богатством и разнообразием сюжетного материала» [3]. Результатом изучения эпоса стала роспись, совместно с однокурсником по МИПИДИ У. Гассиевым, интерьеров Юго-Осетинского драматического театра им. К. Л. Хетагурова

(1957–1958). Бело-красно-желтый колорит росписи повторяет триколор аланского флага, олицетворяющего чистоту, мужество, процветание. В 2004 году при попадании снаряда в здание театра роспись погибла. Чудом сохранилась цветная фотография многофигурного фрагмента «Рождение фандыра».

«Царство скифов просуществовало до III века н. э. Однако «скифский след» не исчез с лица земли. Эстафета великого скифо-сарматского мира была подхвачена аланами — одним из выживших скифо-сарматских племен» [4]. Котаев создал галерею портретов аланских царей XI–XII веков — Урдур, его сына Дургулеля Великого, Худдана, Ос-Багатара, Давида-Сослана и грузинских цариц аланского происхождения — Бурдухан и Тамары¹.

Седобородый старец Урдур стоит, опираясь на посох, на его могучие плечи накинут изумрудный плащ. Бордовый плащ Дургулеля Великого подчеркивает смуглость того, чьи «дипломатические и военные шаги нередко оказывались решающими для судеб многих народов» [5]. Золотой блеск короны Худдана, в образе которого художник изобразил своего отца, перекликается с золотом щита и рукоятки меча. Дочь Худдана и жена грузинского царя Георгия III Бурдухан была «столь просвещенной и общеизвестной, что... о ней знала вся Грузия: умение читать и писать по-грузински, по-арабски, по-гречески принесла Бурдухан из своей страны. Такого совершенства, как Бурдухан, не видывала еще Картли» [6]. На портрете работы Котаева Бурдухан предстает в бархатном кафтане с двойной золотой окантовкой, нагруднике с золотыми застежками, в золотой короне, переливающейся драгоценными камнями.

«После царя Георгия царствовала Тамара. Она с детства любила Осетию и большую часть своей жизни проводила в Осетии, хорошо знала осетин и их страну, так как в это время осетины были общеизвестны во многих делах. Давид-Сослан, аланский царевич из рода Царазонта, муж и соправитель царицы Тамары, воспитывался в Осетии и там же получил образование; был автором ряда рукописных книг» [6]. Поэты золотого века Грузии с гордостью называют его «великий осетин Давид (Чахруха)» [7]. На картине «Тамара и Давид» (создана в соавторстве с Б. Санакоевым и У. Гассиевым) запечатлен выход

¹ Царица Тамара — дочь грузинского царя Георгия III из династии Багратионов и царицы Бурдухан, дочери аланского царя Худдана. (Примеч. ред.)

царицы, которую с почтением встречает Давид-Сослан. Картина была написана к 1500-летию Тбилиси.

На период монгольского завоевания пришлось царствование Ос-Багатара, самого известного из фольклора, но недостаточно изученного историками царя средневековой Алании: «В Осетии был царь сильный, (о том) говорили пранги (европейцы), // Хазары и валахи; // Его звали Багатаром, мы не могли найти равного ему: // Красотою, силою, доблестью он удивлял всех видевших его» [8]. На полотне Котаева Ос-Багатар, осадивший вздыбившегося коня, олицетворяет волю, уверенность и спокойствие.

Не одно десятилетие шли переговоры между представителями знатных осетинских родов и российскими послами, и в 1774 году Осетия (в ее средневековых границах) добровольно вошла в состав Российской империи.

Период с 1816 по 1827 год известен в истории Кавказа как «ермоловская эпоха». Портрет долгожителя Ягора Короева — одна из ранних работ Г. Котаева. 157-летний житель Юго-Осетинской автономной области Ягор Короев в молодости «находился при особе наместника его Императорского величества в Закавказье А. П. Ермолове и, служа на княжеской кухне с 1816 по 1827 г., стал отменным поваром» [9]. Загорелое морщинистое лицо Короева написано с большой теплотой. Старик мягко и лукаво улыбается, его взгляд обращен не на зрителя, а в «уединенье души».

О Кавказской войне на территории Южной Осетии Котаев рассказал в портретах народных героев. В 1830 году жители Чесельтского ущелья покорились русским войскам, но Бега Кочиев с тридцатью представителями рода, укрывшись в башне в селении Кола, продолжили сопротивление и погибли. Котаев изобразил Бега Кочиева на фоне башни, «где тридцать человек со спартанской твердостью защищались около суток против полторатысячного русского отряда» [10].

Он сидит, откинувшись назад, белый башлык закинут за плечи, поблескивает рукоятка кинжала. Пробивающиеся сквозь плотные облака солнечные лучи образуют над его головой своеобразный нимб.

В 1850 году комиссия военного суда постановила: «...прапорщика Махамата Томаева... лишить всех прав состояния, чина прапорщика и медали, сослать на каторжную работу».

«Причину же, побудившую его, Томаева... быть зачинщиком бунта и беспорядков, он пояснил только ту: что хотя князья Мачабеловы и не требовали от него никаких повинностей, но все осетины обратились к нему с просьбою... защитит их, почему он и вступился в их дело» [11]. В истории Южной Осетии фигура Махамата Томаева оценивается неоднозначно. Однако на поясном портрете Котаева это храбрый воин, человек долга, народный герой. Построенная по диагонали композиция динамична и воспринимается как кадр мгновенной фотографии.

Вторая половина XIX в. — период творческой и общественной деятельности К. Л. Хетагурова. «Элегия» Котаева, полная задумчивой грусти, очевидно, навеяна поэмой «Фатима». В изображении ночного неба и пещеры в горах Котаев использует метод кристаллизации форм. Цветовой строй работы основан на противопоставлении тьмы и тончайшей, похожей на амальгаму световой поверхности, сквозь которую проступает женский силуэт. «Прохладой веет с синих гор... // Меж тем Фатима до сих пор // Сидит, считает будто волны».

XX век ворвался в жизнь людей революциями и войнами...

Гражданской войне посвящено полотно «Переход партизан через Мамисонский перевал». В феврале 1921 года восставшие рабочие и крестьяне Грузии обратились за помощью к Советской России. На картине Котаева революционный отряд, огибая заснеженную горную грядку, преодолевая холод, голод и опасности, идет из Владикавказа на помощь восставшим.

В июле 1940 года, когда в Европе уже бушевала Вторая мировая война, жители Сталинира ждали прибытия в столицу ЮОАО первого поезда со станции Гори. Строителей железной дороги, проложенной на год раньше запланированного срока, Котаев запечатлел на листе «Бегара». Плотными, тесными рядами подходят дорожники к краю холста. Художник использовал четкую линейную замкнутость и вместе с тем сохранил «читаемость» персонажей. Вертикальному ритму фигур дорожников с кирками и лопатами в руках противопоставит мягкая, волнистая линия горной гряды на горизонте. В годы войны железная дорога Сталинир — Гори стала важнейшей артерией снабжения советских войск на Северном Кавказе, в том числе грузами, поступавшими от западных союзников по коридору Иран — Закавказье.

Тяжелейший путь пришлось пройти героям Великой Отечественной, велика цена победы...

В июле 1969 года художники Б. И. Санакоев, Г. С. Котаев, В. Н. Кокоев и историк И. Н. Цховребов выехали в Ростов. Через год на суд зрителей был представлен знаменитый «Парадный портрет генерала армии И. А. Плиева» — дважды Героя Советского Союза.

Светлый фон и белая рубашка оттеняют загорелое, с глубокими морщинами лицо Георгия Дзугаева — поэта, переводчика, автора более 40 книг, изданных на многих языках. Он весь естественность, спокойствие и... усталость. Раннее детство Г. Дзугаева прошло под страхом уничтожения по национальному признаку; с первых дней Великой Отечественной войны он участвовал в боях, попал в концлагерь, бежал. В 1946 году Дзугаев был назначен главным редактором югоосетинского художественно-литературного альманаха «Фидиуæг» («Глашатай»). В стихотворениях «Я люблю жизнь», «Мой язык», «Весна» и других он поет гимн жизни, пробуждающейся природе. По воспоминаниям сына, К. Дзугаева, он был «суров, неразговорчив, пронизателен, дальновиден. Осетинским языком владел, если можно так сказать, природно-естественным, искренним, чистым и сильным». В поэзии видна другая грань его личности — лиризм и трепетная любовь к родной земле, к своему «маленькому народу», который взрастил его и наполнил сердце всепобеждающим чувством любви («Жар души несет во все края, // Шар земной кружит любовь моя») и ответственности («Он весь мир принес на мой порог — // Для того, чтоб я его сберег»). Поэт обращается к своему маленькому Иру — Иристону — Осетии: «Сквозь дымку веков его вижу, // Мой маленький Ир, то не ты ли // Из войн весь израненный вышел // И новой наполнился силой?»².

На портрете «Ю. С. Кучиев. Покоритель полюса» Котаев запечатлел героическую страницу в истории человечества, главным героем которой стал его земляк и большой друг Юрий Кучиев — Герой Социалистического Труда, капитан первого в истории судна, достигшего Северного полюса в надводном плавании. Художник изобразил его на фоне зажатого льдами атомного ледокола «Арктика» и салютующего экипажа,

² Стихотворения любезно предоставлены сыном поэта К. Дзугаевым. (Примеч. автора.)

высадившегося на льдину. (Местонахождение портрета неизвестно.) В одном из писем художнику Кучиев писал: «Дорогой Григорий Сесеевич! <...> Глубоко убежден, что именно пребывание в тесной среде соплеменников дало мне тот самый душевный настрой, без которого нельзя было браться за штурм Северного полюса. Спасибо вам, родные, за то, что вы есть, за постоянное тепло ваших сердец» [2].

К образу В. И. Абаева — ираниста-осетиноведа, доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР, действительного члена Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, члена-корреспондента Финно-угорского общества (Хельсинки), лауреата Государственной премии СССР — художник обращался дважды. Василий Иванович подчеркивал, что «гордится дружбой» и высоко ценит Котаева «как художника и человека»: «Нам тоже очень недостает общения с Вами» [2]. Портрет В. И. Абаева со скрещенными на груди руками, «озаряющего» все вокруг «горением творческого духа», был преподнесен ученому к 95-летию.

Спокойное достоинство передал художник в портрете Ксении Цхурбаевой — музыковеда, фольклориста, критика, публициста, жены и друга В. И. Абаева.

Нафи Джусойты — драматург, публицист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН ГССР, автор более 400 научных работ, переводчик на осетинский язык русских, украинских, грузинских классиков, ветеран Великой Отечественной войны. Произведения самого Джусойты переведены на русский, грузинский, украинский, польский и казахский языки. На портрете работы Котаева Нафи Григорьевич — близкий, душевно родственный человек, ценящий, как и художник, «свет небесный Солнца»: «Пусть будущего нет у старика, — // Есть — упование: Солнце, свет небесный!.. // Чем я воздам, живи я хоть века, // Твоим щедротам? Ни — вином, ни — песней. // И все же, Солнце, благоволь, свети... // Чтоб Землю мрак не совратил с пути, — // И не жалей, молю, тепла для Ира!» [12].

На фоне здания больницы изобразил художник хирурга Падо Кабисова. Выпускник сталинградского медтехникума, в годы войны работающий в эвакогоспиталях, Кабисов стал основоположником югоосетинской школы хирургии. О его высоком

В. Абаев и Г. Котаев. Дом-музей В. И. Абаева, г. Цхинвал

профессионализме и большом личном авторитете слагали легенды.

Котаев часто обращается к профильному портрету: именно так он передает гордую красоту и благородство хирурга И. С. Пухаева — заслуженного врача ГССР, изображает участников Великой Отечественной войны, и в их числе радиста штурмового полка М. Тибилова, друга детства...

Работа «Эхо войн прошедших» — свидетельство горького опыта войн XX века, их зримых следов в судьбах людей. Простота окружающего быта усугубляет ощущение безрадостности и глубины молчания лет, прожитых без отцов и сыновей. Где-то далеко в конце ущелья тучи расступаются, и солнечные лучи ложатся на горные склоны, даря надежду на жизнь без войны. «Память гор» — философско-художественное размышление о горькой и героической судьбе нескольких поколений народа Южной Осетии.

Григорий Котаев и Людвиг Чибиров, выходцы из соседних селений, впервые встретились в конце 1950-х в сталинском художественном училище, где оба преподавали. Тогда же началась их дружба, продолжавшаяся до последних дней жизни художника. Л. А. Чибиров — доктор исторических наук, политический деятель, публицист, ректор Юго-Осетинского государственного педагогического института (1988–1992), по его инициативе преобразованного в университет (1993), автор 160 научных трудов на осетинском и русском языках. Художник смог передать одновременно собранность и динамику образа, сосредоточенные в крепко сомкнутых губах, в озабоченно нахмуренных бровях, в твердости взгляда будущего первого Президента Южной Осетии (1996–2001). При Л. А. Чибирове была принята первая Конституция РЮО, подписаны Меморандум о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта, другие важнейшие документы. Л. А. Чибиров стал и первым исследователем жизни и творчества Котаева, который для него всегда был «личностью с большой буквы, обладающей завидным даром объединять и сплачивать людей» и «одним из самых эрудированных представителей нашей интеллигенции» [13].

Портрет Баграта Техова — волевое лицо с решительной формой бровей и пронзительным взглядом — художник пишет на фоне артефактов открытого ученым Тлийского могильни-

ка. Археолог-кавказовед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РЮО, автор 15 монографий, главный редактор журнала «Nartamongæ» (1992–2015, совместно с Франсуа Карнийо), Б. В. Техов открыл «более 500 (!) древних захоронений, с хронологическим охватом от эпохи средней бронзы до раннего средневековья» [14].

Котаев создает портреты женщин, обаяние которых — в душевном изяществе, в тонких движениях умудренного жизнью сердца. «Портрет матери», немолодой женщины с большими выразительными глазами, — одна из самых трогательных работ художника. В портрете же супруги соединяются душа и сердце — это звучащее, солнечное тепло.

При создании портрета Азы Алмазовой, переводчицы исследования Ж. Дюмезиля «Осетинский эпос и мифология», художник использует орнаментальный принцип стилизации. Мазки-границы находятся в непрестанном движении, обладают музыкальностью и тяготеющей к синим тонам колористической интонацией. Их динамичность органично сочетается с восточной красотой и достоинством А. Алмазовой.

Складки платка создают объем и подчеркивают благородную бледность «Осетинки-горянки», тонкую линию черных бровей, выразительность глаз, едва сдерживаемый каскад чувств. Живопись складывается из энергичных широких кристаллообразных мазков. Здесь, как и в работе «Аза», художник отдает дань «врубелевской гранености» формы.

Котаев был не только замечательным живописцем, но и прекрасным рисовальщиком. Линия Котаева — богатая, сложная ткань, то прозрачная, как паутина, то густая и заплетенная, как кружево («Старый Цхинвал», «Гитарист»).

С конца 1980-х годов в России начался процесс переосмысления многих фактов современной истории. Годы перестройки отчетливо показали, что национальные отношения небесплоблемны, более того, они подчас могут становиться конфликтными, что во всем трагизме пережили жители ЮОАО ГССР, которая из автономной области была преобразована в Республику Южная Осетия, а в 1991 году провозгласила независимость.

«В разгромленном блокадном городе с трудом восстанавливались структуры власти, крайне медленно предпринимались меры по оказанию помощи попавшим в беду людям, за

пределы Юго-Осетии почти не поступала объективная информация о положении дел. В этой ситуации начал работать Фонд «Возрождение Юго-Осетии». В первые недели работы фонда — самые трудные недели — огромную работу провел председатель Совета фонда Г. С. Котаев... По общему нашему мнению, вряд ли кто-либо мог это сделать лучше него» [15]. При непосредственном участии Г. С. Котаева начала выходить учрежденная фондом газета «Вестник Южной Осетии».

Котаев руководил Юго-Осетинским отделением Фонда культуры ГССР. «Я рад, что именно Вы возглавляете Фонд культуры: нужный человек на нужном месте, — писал ему В. И. Абаев [2]. А после упразднения Фонда именно Котаев обратился к Д. С. Лихачеву с просьбой о переподчинении союзному Фонду культуры. Котаев был бессменным депутатом Цхинвальского горсовета, членом областного архитектурного совета и комиссии по присуждению Госпремии им. К. Л. Хетагурова, ректором городско-го Народного университета.

В начале 1990-х годов художнику чуть больше шестидесяти лет. Вместе с семьей он скрывается в подвале своего дома от шквального огня, прикрывая собой внука. Все чаще и сильнее боль в груди. Именно тогда, отложив кисть, Г. С. Котаев берется за перо. Под псевдонимом Адам Безродный с негодованием, горечью, иронией, юмором пишет он о «результатах» перестройки: «Не слишком ли много жертв? Да и перестройка штурмом в такой огромной стране? А то вот в наших экспериментах мы все еще продолжаем жить для грядущих поколений, тогда как цивилизованный мир давно нашел принцип разумной гармонии жизни для людей всех поколений» («Урок демократии»). Делится мыслями о гласности, демократизации, плюрализме, о том, что «при достаточно развитом самосознании недостаточно иметь равные права, надо систематически подкреплять их и равными возможностями» («Мысли вслух»). Как очевидец пишет о войне: «Блокада, холод, голод, в том числе информационный. Люди подвергаются пыткам, потрясающим воображение. Страх за безопасность детей, близких, и не только» («Открытое письмо из осажденного города»). Пишет о культуре как понятии «всеобъемлющем», о том, что непонимание этого ведет к катастрофе («Дефицит культуроемкости»). В юмористической зарисовке «В рай — транзитом»

констатирует потерю нравственных ориентиров в современном мире. Герою рассказа приснилось, что он в «царстве Барастыра» — владыки загробного мира — стоял в огромной, томящейся очереди. Проходили недели, месяцы, но его никак не могли определить ни в ад, ни в рай. То «пятна на его совести без четких контуров, но размеры их вызывают озабоченность», то «видите ли, грех его не так велик, чтобы укатить прямо в ад, но вполне достаточен, чтобы не допустили в рай». А в ответ на свое робкое возражение: «Но у меня есть свежая справка, подлинная, о наличии совести», — услышал гомерический хохот:

— Какая совесть! Кому нужна еще совесть? Впрочем, попробуйте сдать ее в магазин уцененных товаров, авось примут! Ха-ха-ха-ха-ха!

Рассказ заканчивается возвращением героя на землю, но картина мира, где упоминание о совести вызывает хохот, удручает. Да, Адам Безродный писал о наболевшем с юмором, смеясь сквозь слезы. Но сердце художника не выдержало...

Закончить рассказ о взгляде Григория Котаева на историю Южной Осетии хотелось бы выдержками из воспоминаний его друзей и коллег. «Ваша гражданская и творческая позиция достойна глубокого внимания и искреннего уважения» (Ю. Кучиев). «От души радует меня заслуженная Вами искренняя любовь и признание народа» (А. Касрадзе). «Высокие человеческие качества в сочетании с блестящими способностями... снискали любовь и уважение нашего народа к Вам, пламенному патриоту» (И. Котолов). «Не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение тем, что Вы делаете для нашего народа. Вы — мой идеал как Человек и Гражданин» (В. Валишвили) [2].

«Григорий Сесеевич был человеком высочайшей человечности, неброской, истинной, жизнеутверждающей... эталоном чистой нравственности. Горжусь, что могу назвать его своим Учителем — Учителем жизни. Как атлант, он держал на своих плечах свод нашей духовности. Остались его картины, отмеченные печатью яркого таланта. Остались литературные произведения, блестящие новизной и острым смыслом. Осталась — и это главное — благодарная память в сердцах людей» [15].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. НА СПГХА. Оп. 5. Д. 257.
2. Письма и поздравительные телеграммы из архива семьи Котаевых.
3. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избр. тр. Владикавказ: Ир, 1990.
4. Исаев М. И. Страна гор — гора народов, языков и проблем. Предисловие к «Поэме об Алгузе» / сост. Е. Е. Хадонов и др. М.: Мысль, 1993.
5. Гутнов Ф. Х. Аристократия алан. Владикавказ: Ир, 1995.
6. Историк З. Чичинадзе об осетинах // iristoninfo.livejournal.com [электр. ресурс] (дата обращения: 24.07.2020).
7. Баев Г. В. Предисловие к берлинскому изданию «Поэмы об Алгузе». М.: Мысль, 1993.
8. Поэма об Алгузе / сост. Е. Е. Хадонов и др. М.: Мысль, 1993.
9. Шафиро И. Раньше Осетия славилась долгожителями // osetia.kvaisa.ru [электр. ресурс] (дата обращения: 06.07. 2017).
10. Потто В. А. Кавказская война. Т. 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. IX. Покорение южных осетин. Воспоминания участника событий В. Чудинова. М., 1899.
11. 1851 г. июля 30 — Сентенция комиссии военного суда при Тифлисском ордонанс-гаузе по делу Томаева Махамата // vostlit.info [электр. ресурс] (дата обращения: 19.07.2020).
12. Джусойты Н. Г. Старик благословляет Солнце / пер. И Хугаева // Литературная Россия. 2017. № 39.
13. Чибиров Л. А. Григорий Котаев. Жизнь во благо народа. Цхинвал, 2017.
14. Чибиров Л. А. Слово о профессоре Б. В. Техове // Вестник ВНЦ. 2010. Т. 10. № 4.
15. Дзугаев К. Г. На пути к воссоединению Осетии. Цхинвал–Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2016.

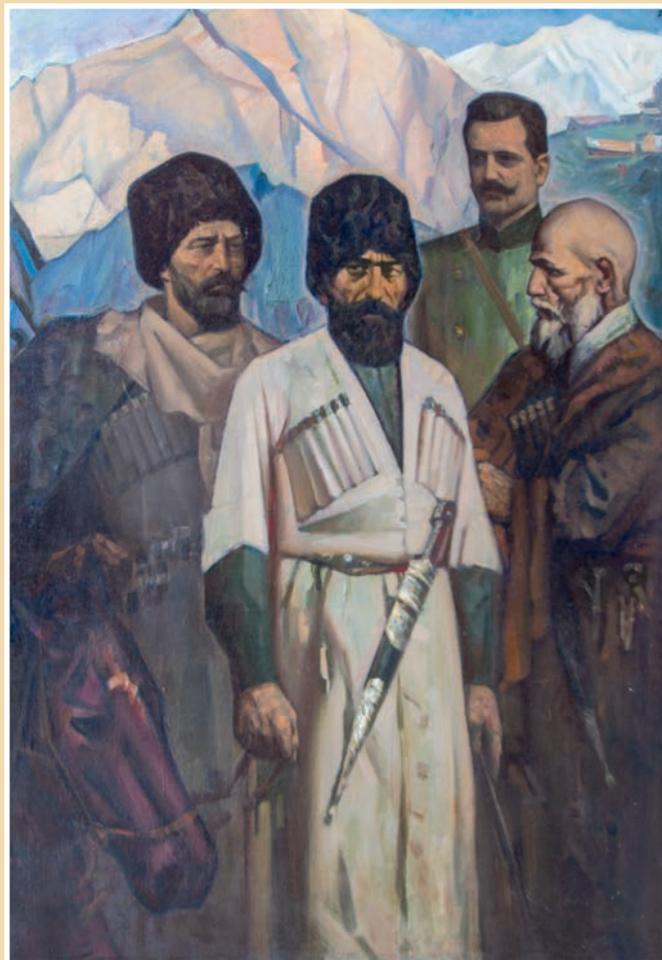

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

«ДАРЬЯЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ГРИГОРИЙ
КОТАЕВ
ЖИВОПИСЬ
С. 114-128

Память гор

ГРИГОРИЙ КОТАЕВ

ЖИВОПИСЬ

Ос-Багатар

Тамара и Давид

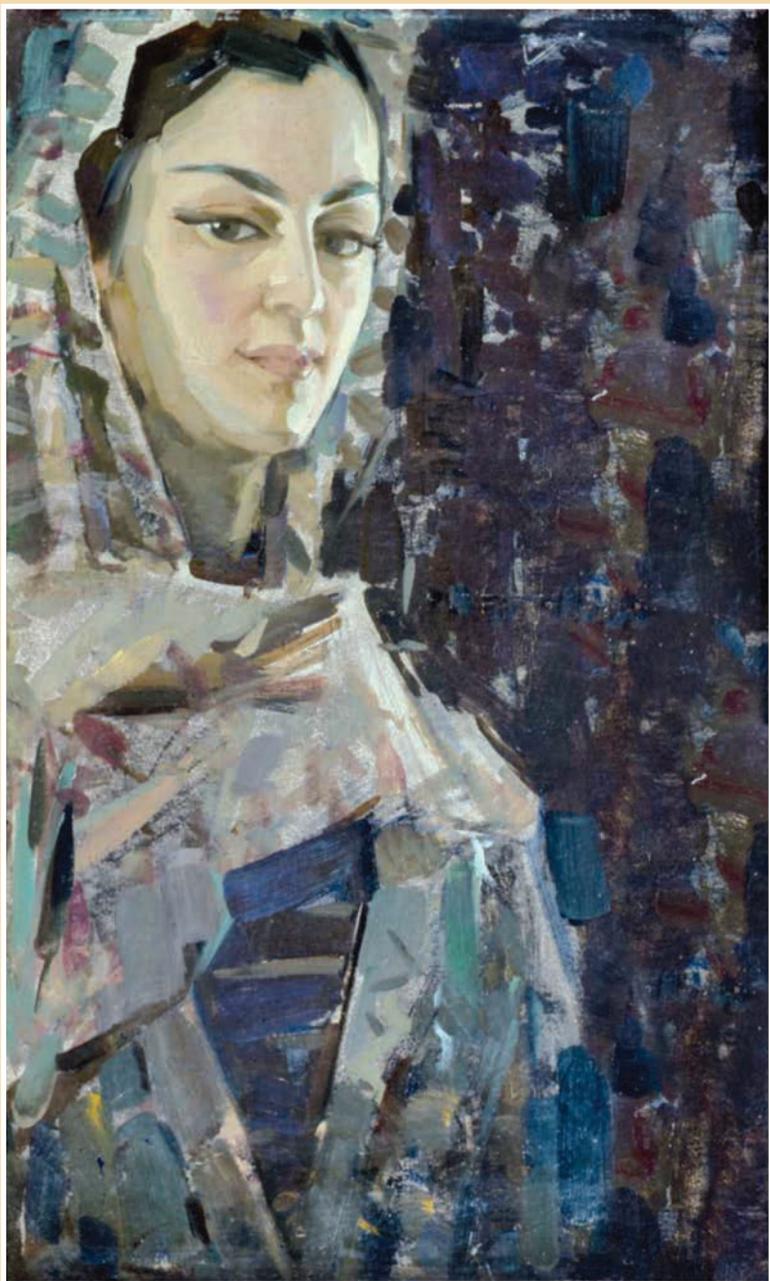
Томайты Махамат

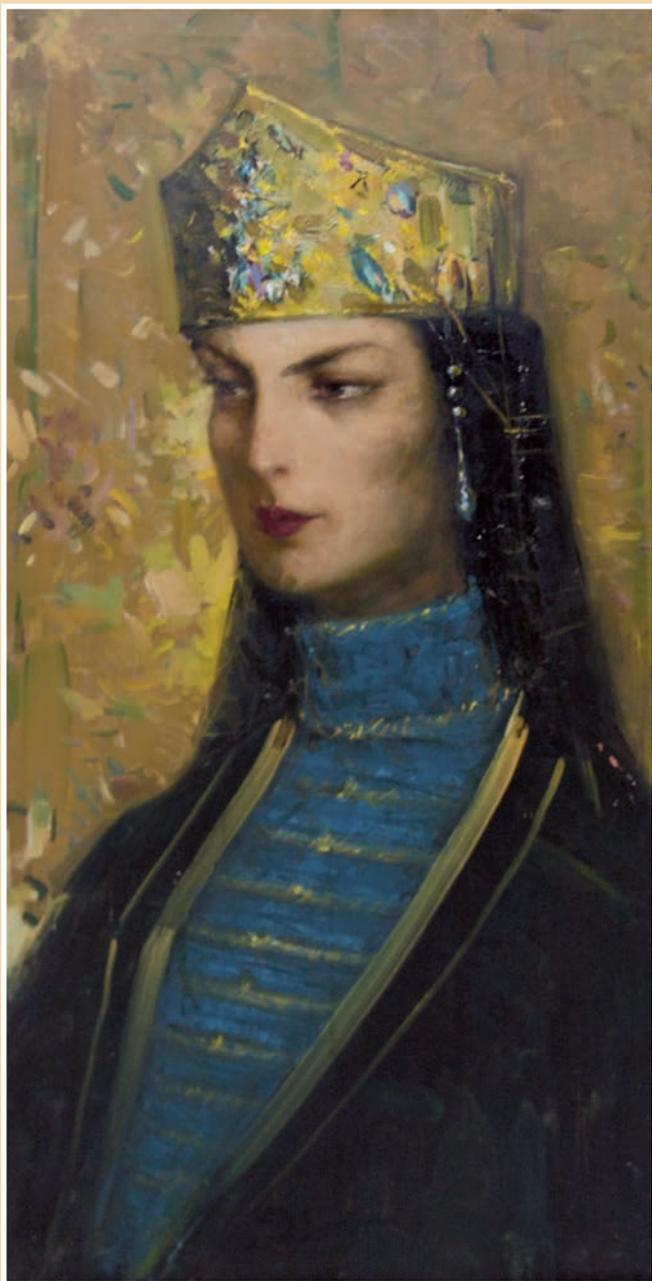
Нарты (фрагмент росписи)

Утро в горах

Горянка

Бурдухан

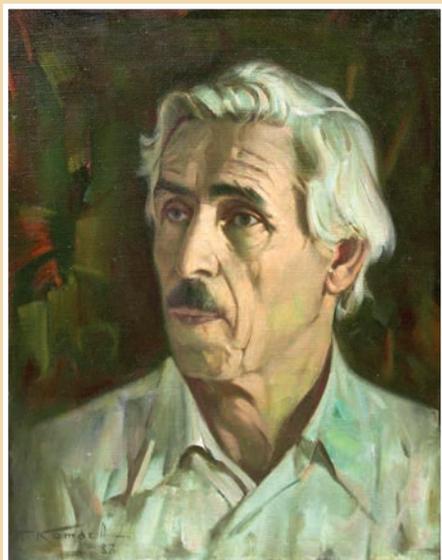
Ягор Коровев

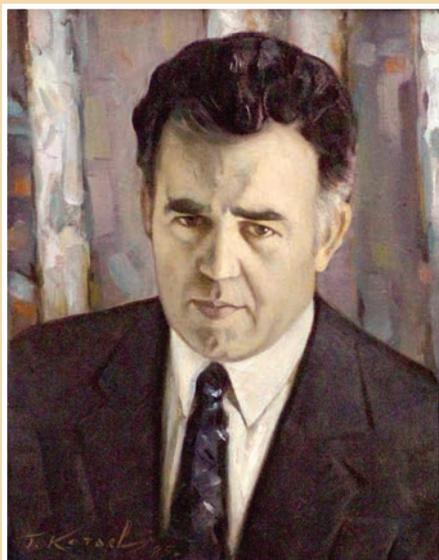
Васо Абаев

Гитарист

Нафи

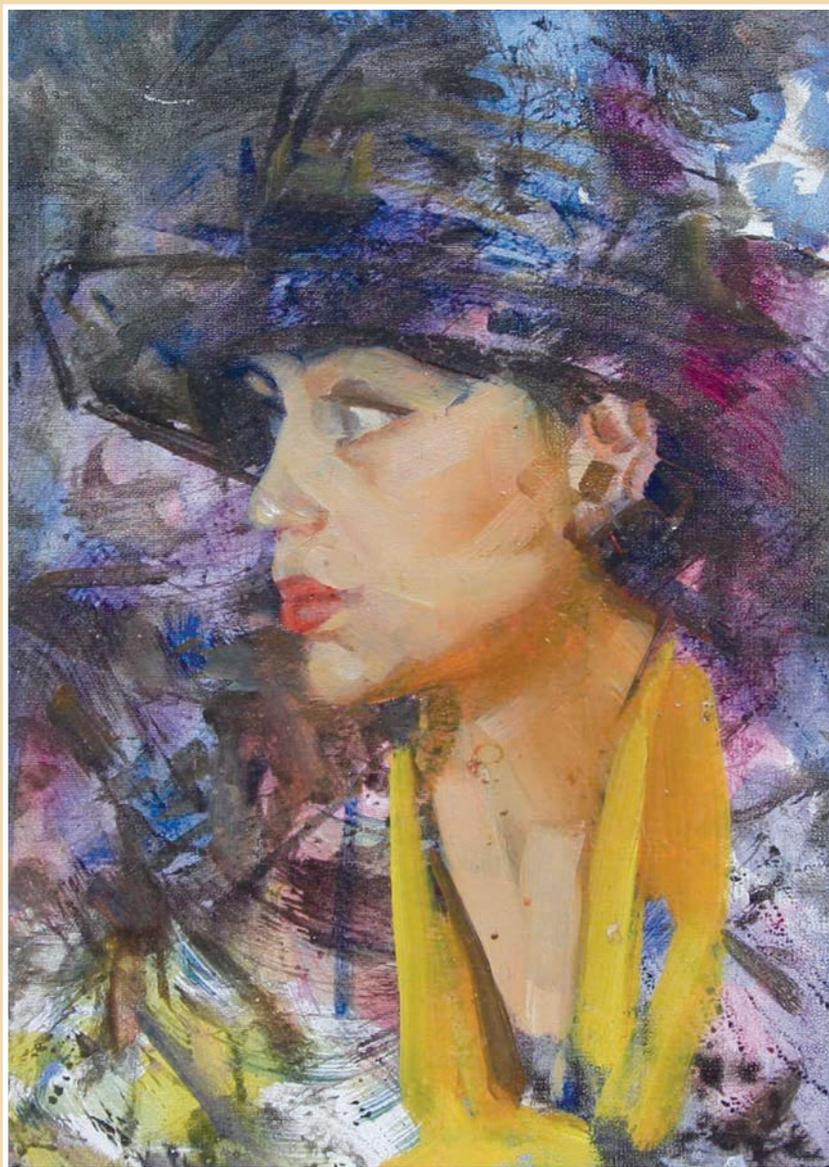
Людвиг Чибиров

Старый Цхинвал

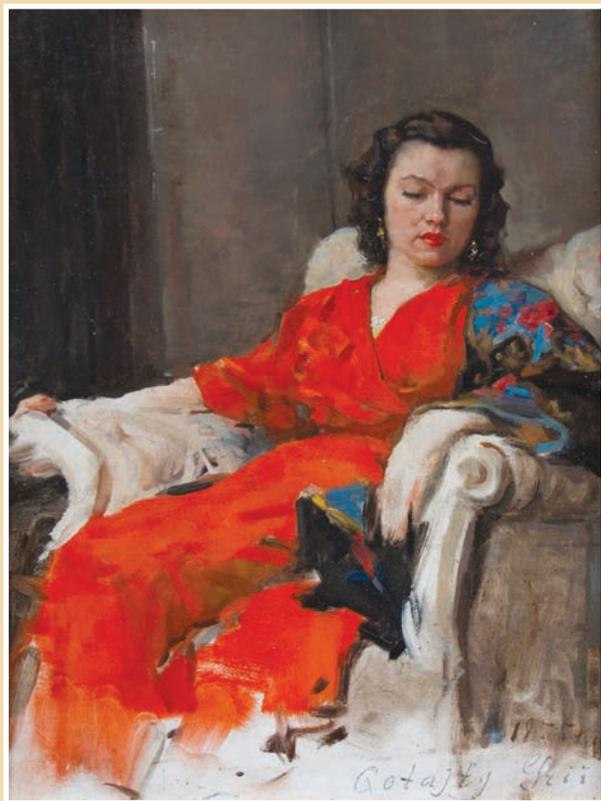

Катерина

Дама в шляпе

Женщина в красном

Элегия

Альда. Портрет дочери

Портрет матери

ЗИНАИДА БИТАРОВА

ИСТОРИЯ ДЛИТСЯ

Вы — дерзкие, резкие, древние лица,
вы жгли мне глаза — все равно было мало!
Но здесь, в Петербурге, вы стали мне сниться,
в судьбу проникая ударом кинжала.

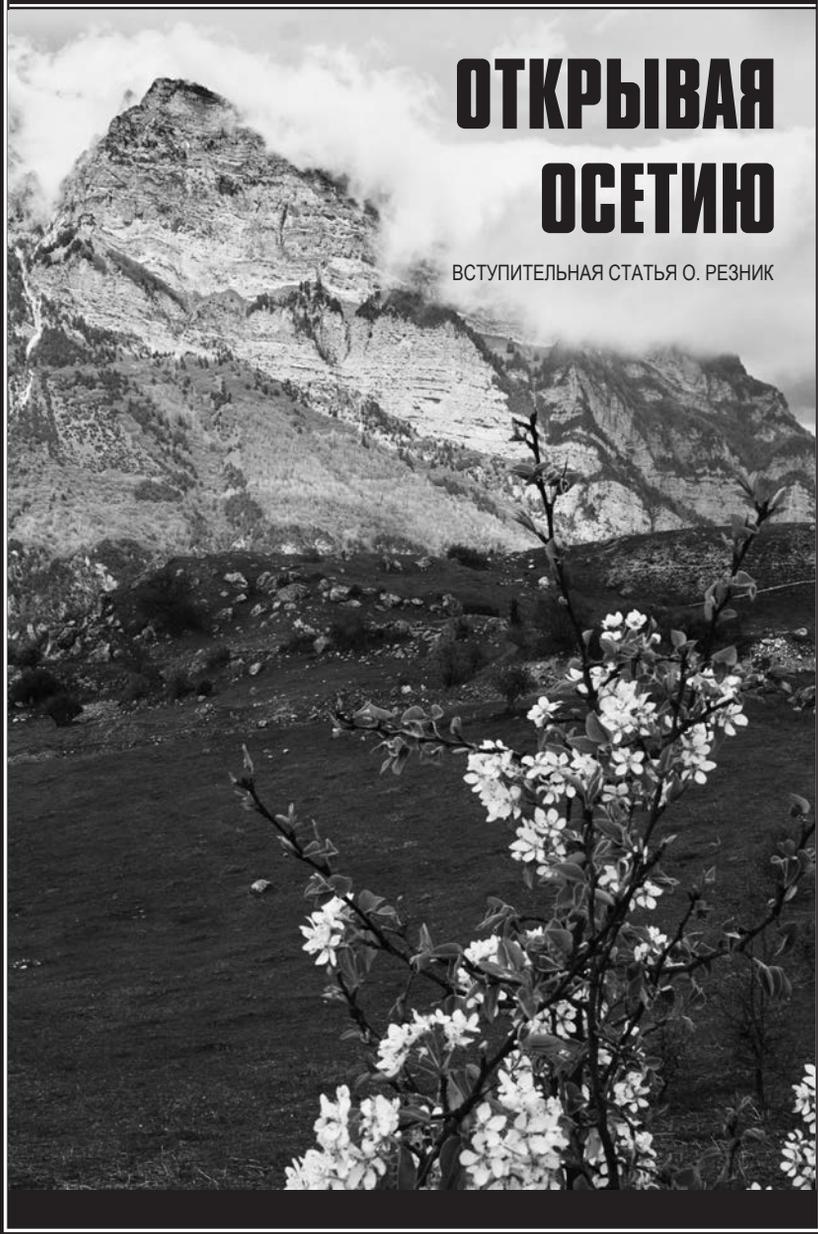
Усердствует время, мистический зодчий,
в груди оживают легенды и мифы —
теснятся фигуры, роднее всех прочих
аланы, сарматы и царские скифы.

Мелькнут амазонки — вот абрис их броский,
вот пыль от копыт по столетьям клубится...
А двое стоят, говорят по-иронски...
История длится, история длится.

Елена ХОДОРОВА

ОТКРЫВАЯ ОСЕТИЮ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ О. РЕЗНИК

Есть такое расхожее выражение — «глаз замылился». Оно употребляется обычно, когда нужно обозначить, скажем, полную адаптацию человека к красоте природы. Попросту говоря, порой индивидуум настолько привыкает к окружающему его благолепию, что просто-напросто перестает замечать прекрасное, хотя где-то в глубине души и осознает, что, да, это все невероятно колоритно. И вдруг в его окружении появляется сторонний человек, который не просто на словах восхищается местными, к примеру, горными пейзажами, но и снимает их на фотокамеру, да так, что просто диву даешься, восклицая «А где это, где?», поражаясь и его видению, и умению разглядеть эту нерукотворную красоту и найти нужный ракурс, дабы эта красота заиграла дивными красками. И вот тогда случается то, что произошло на вернисаже фотохудожника из Санкт-Петербурга Елены Ходоровой в выставочном зале Национальной научной библиотеки РСО-Алания, где на суд зрителей была представлена ее фотовыставка «Цвети, моя Осетия». Получилось так, что, познакомившись с ней, заслуженный художник РФ и РСО-Алания Виктор Цаллагов поблагодарил коллегу по творческому цеху за (не удивляйтесь) открытие нам Осетии. Да, да, именно так. А все потому, что Елене удалось заново познакомить нас с нашими же горами, которые, складывалось впечатление, давным-давно исхожены и вряд ли еще могут чем-то удивить. И вдруг...

В самом деле, казалось бы, все до боли знакомо. И Верхний Згид с оранжевыми крышами крохотных домиков на фоне величественных, подпирающих небо горных массивов. И Даргавс — город мертвых, овеянный тайной. И Куртатинское ущелье с его стражами-башнями, и отливающая серебром Мидаграбинская долина, и Архонский перевал, и Верхний Фиагдон, и Цейский заказник, и Дигорское ущелье. Вроде привычные, с детства знакомые картины, где скалы учат мужеству, а цветы учат нежности. И это все свое, родное, но... увиденное глазами человека, открывающего для себя Осетию и заставляющего нас взглянуть в нее пристальнее.

В представленных на выставке работах фотохудожника Елены Ходоровой чувствуются рука мастера, умение находить те точки, откуда просматриваются эти поражающие воображение выпуклость и грандиозность горных пейзажей, а также душа человека неравнодушного, тяготеющего к прекрасному.

И неважно, что по профессии Елена — врач (причем врач потомственный) и медицинский педагог (преподает в Санкт-Петербургском центре последипломного образования работников здравоохранения ФМБА России), специалист высшей категории, отмеченный наградами Комитета по образованию Санкт-Петербурга. В свое время, дабы продолжить семейную династию, она окончила медицинский институт. Правда, в вопросе выбора профессии все было не так однозначно, как может показаться. Потому что это родители Елены хотели, чтобы их дочь стала врачом. А чего желала она сама? «Я с самого раннего детства осознавала себя художником, — признается Елена. — Но в моей семье говорили, что художник — это не профессия. Когда я стала проситься в художественную школу, меня отдали в музыкальную и на балльные танцы, чтобы было не до глупостей».

И все-таки Елена не оставляла попыток перехитрить судьбу. Обучаясь уже в ординатуре Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования на кафедре общей хирургии, она параллельно начала работать лаборантом на кафедре рисунка в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена и по окончании ординатуры, скрыв свое высшее медицинское образование, поступила туда же на бюджет. Но злой рок продолжал расставлять свои коварные сети. Едва закончился первый семестр, как помещение факультета живописи сгорело дотла. Учебный процесс был парализован. А потом тяжело заболела мама (отца не стало раньше). Нужно было

ухаживать за ней и зарабатывать на жизнь. В общем, учебу в университете пришлось оставить.

После смерти матери Елена долго не могла прийти в себя. В поисках ответов на извечные вопросы она отправилась на Тибет, прихватив с собой камеру, купленную ранее. Так что первые снимки фотохудожника Елены Ходоровой были сделаны там, в «стране снегов», которую справедливо называют еще крышей мира. Потом были Япония, Исландия и почти все европейские страны, где Елена не расставалась с камерой, запечатлевая все местные красоты и неповторимые мгновения и одновременно заглушая тем самым свою душевную боль.

Вернувшись из-за пандемии в Санкт-Петербург, она не оставила свое новое увлечение — поступила в фотошколу и стала заниматься фэшн-съемками, коммерческими проектами, рекламой, приняла участие в ряде питерских фотовыставок. Работы Елены Ходоровой стали появляться в зарубежных журналах. Но это было не совсем то, к чему устремлялась ее душа. И Елена вновь срывается с места, прихватив с собой фотокамеру. За рулем автомобиля, с любимой собакой Евой на пассажирском сидении на этот раз она отправляется в путешествие по России, добирается аж до Баренцева и Белого морей. Елене довелось побывать и в глухих деревушках средней полосы, и в Карелии, и в Бурятии, и на Алтае, и в Калмыкии, и в Дагестане, и в Кабарде, и в Крыму. Она встречала рассветы и закаты на берегу озера Байкал и пожила какое-то время на острове Ольхон, как живет сейчас в Осетии — в Фиагдоне.

Кстати, об Осетии. На вернисаже Елена Ходорова неожиданно призналась, что, несмотря на то, что объездила полмира, оказавшись впервые в Осетии, почувствовала, что это ее дом, ее родина. Ни в одной стране мира и ни в одном другом уголке России не испытывала она ничего подобного. Что тут сказать? Как говаривал шекспировский Гамлет, «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Кто знает, где путешествовала в прошлом ее душа.

А в настоящем открытие Осетии Еленой Ходоровой не просто состоялось, но и снискало самую высокую оценку осетинских художников и искусствоведов. А уж они-то точно знают толк в прекрасном.

Ольга Резник

ОТКРЫВАЯ ОСЕТИЮ

Амаяк Тер-АБРАМЯНЦ

СВЕТ В ОКНЕ

РАССКАЗЫ

ДОЛГИ НАШИ

Фото отца висело на задней стене так, чтобы его не было видно с дивана — лицо жесткое, демонически красивое, твердые скулы, волна зачесанных назад вороных волос, открывающая крутой лоб, цепкие черные, казалось, прожигающие даже фотобумагу глаза, на которые не хотелось подолгу останавливать взгляд. Сорок лет прошло, не пора ли погасить неприязнь, простить, что ли, ведь он, сын, стал совсем другим человеком: каждый атом в нем неоднократно сменился! И вот, поди ж ты, через сорок лет возникла потребность избавиться от этой неприязни, потребность какого-то выяснения отношений! Не слишком ли поздно? Не смешно ли?

Сколько острых обид он пережил за детство, таких острых, вселенски потрясающих, какими они могут казаться только в том возрасте! Ну конечно, отец был самодуром. Он мог разораться в любой момент и по любому поводу: вилка лежала не так, картошка казалась недоваренной, недосоленной, чашка стояла не там, пятно на рукаве. Но чаще всего объектом ненависти была она, его мама, его Богиня. А она — в силу своей славянской терпеливости — не отвечала. Нет, отец не использовал матерный лексикон, никогда не распускал руки, но умел так изощренно унижить, что казалось, уж лучше бы матерился и бил. Лейтмотив

издевательств был следующий: «Да кто ты такая? Да кто ты такой? Да кто вы такие?..» Маленький Валентин сжимал кулачки и готов был броситься на отца: «Человек! Разве этого мало?» Но мама сдерживала, просила потерпеть ради нее, и он плакал от бессилия, уткнувшись в подушку. В те мгновения он даже грешным делом желал войны, которая перевернула бы удушливый частный мирок, — и на пике горечи в душе вдруг наступала безразличная ко всему земному холодная пустота. Маленький Валентин казался себе внутренне опустошенным, отвратительно слабым, а когда стал взрослее, то, впадая в гнев, убегал либо в лес через дорогу, либо на вокзал, где просиживал всю ночь на жестком металлическом сиденье, читая прихваченную книжку.

Эти отвратительные приступы внутреннего выгорания могли проявляться отсроченно неожиданными приступами ступора, совершенно некстати, независимо от ситуации. Как тогда: он шел по территории больницы, а навстречу — профессор Ойфе, онколог, скромнейший и умнейший человек в круглых очках. Они шли навстречу друг другу, и ему как младшему следовало бы поздороваться первым. Но нахлынуло это проклятое состояние совершенного бессилия: он почувствовал, что не в состоянии собраться в нечто единое, что могло бы называться его именем, что могло бы управлять мимикой лица. Надо, надо было разлепить губы и сказать «здравствуйте», но он прошагал мимо, не проронив ни слова... Что мог подумать о нем этот человек? А ведь Ойфе был тем, кого он искренне уважал и любил! Ему стало стыдно почти сразу, и этот эпизод он почему-то вспоминал всю дальнейшую жизнь.

Кто сказал, что детство это счастливая пора? В детстве и отрочестве он чувствовал себя самым слабым, самым незащищенным. Отсюда, пожалуй, и возникла нелюбовь к русской литературе с ее сочувствием к маленькому человеку: он сам чувствовал себя и Акакием Акакиевичем, и Макаром Деушкиным, униженным и оскорбленным. Но и Базаров не привлекал его грубым материализмом. Печорин же с Онегиным оставляли равнодушным: они не учились, не работали, не создавали ничего, бродили по белу свету как вечные туристы, без какого-либо целеполагания, скучали от избытка свободы, играли в карты, от той же скуки стрелялись, волочились за женщинами. Он бежал от этих типажей к романам и рассказам Джека Лондона и Марка Твена, к людям

действия — Мартину Идену, Гекльберри Финну. К книгам Тура Хейердала, Миклухо-Маклая, Арсеньева. Потому-то он так скоропалительно женился, бежал из своей ячейки в другую и попал из огня да в полымя, туда, где мат и разврат считались вполне допустимыми. Он не хотел быть ни Акакием Акакиевичем, ни безвольным чеховским героем — и рванул в серьезные горные походы с пудовым рюкзаком за плечами, на Кавказ, Памиро-Алай; его Чилкутским перевалом стал переход через Большой Кавказский хребет.

Самое обидное, что для окружающих отец казался милейшим человеком. Это было неудивительно, ведь весь негатив, накопленный на работе, он приносил домой. Самыми шумными, как правило, оказывались пятницы. Сколько раз он возвращался, бывало, из школы с хорошей отметкой, представляя, как порадует сейчас родных, — а дверь открывал отец с размягченно-пьяным выражением на лице и лез его целовать мокрыми губами. Встречая отпор, конечно же, впадал в ярость. И в отношении к отцу у него установилось постоянное холодное презрение. Однако в психозах отца была своя закономерность — они происходили примерно раз в неделю, будто бы за этот промежуток в организме скапливался некий избыток желчи, от которой следовало избавиться.

После буйства отец зажигал газовую колонку в ванной, лез в теплую воду и начинал петь. Сквозь шум льющейся воды доносилось: «Вы, слова залетные, куда? Тут живут чужие господа...» Слова казались удивительно пошлыми и причиняли дополнительную боль. Только много лет спустя он узнал, что это Вертинский; отец в свое время не сказал про это. Он вообще воспитанием не занимался: все время после работы возлежал на диване в проходной комнате, читая Льва Толстого или просматривая газеты. В пору его учебы в двадцатые годы в Ленинграде оставалось немало русской профессуры, которая устраивала для молодых советских варваров бесплатные воскресные лекции о Пушкине, Некрасове, Лермонтове. Отец на них ходил с удовольствием. И обломки русской культуры в нем намертво застряли. А потому случались нелепости, когда сын и жена ругали его, если он вдруг приносил тома неизвестных им Лескова, Козьмы Пруткова, Гончарова, Гарин-Михайловского, Альфонса Доде (сын предпочитал Жюль Верна, Джека Лондона, фантастику). И только сейчас он понимал, какой же был дурак.

Отец практически не занимался его воспитанием, однако включался в моменты наиболее ответственные: благодаря его положению и заслугам была крыша над головой — в виде двухкомнатной теснящей хрущевки, которая сначала показалась раем небесным — после коммуналки-то, — а затем трехкомнатной квартиры в брежневской девятиэтажке, с телефоном; когда понадобилось отмазать Валентина от армии липовым диагнозом, когда чуть не поперли из института за прогулы, ездил, употреблял все свое влияние главного хирурга Московской области, доцента; давал деньги на поездки на Черное море, когда у сына заподозрили туберкулезные очаги в верхушках легких (впрочем, как потом догадался Валентин, отец использовал время их с мамой отсутствия для встреч с любовницей, коллегой хирургом).

Теперь с расстояния сорока лет не все в его тогдашней оценке казалось однозначным.

Во всяком случае, он с любопытством читал хаемого раньше Лескова, чеховскую повесть «Степь», романы Альфонса Доде оказались интересными, а выражения мифического Козьмы Прутова стали сами проситься на язык: «Нельзя объять необъятное», «Если хочешь быть счастливым, будь им», «Бди!». Да и бывшее равнодушие ко Льву Толстому сменилось глубоким интересом, порой переходящим в удивление: как точен, как чуток автор к природе и человеку!

Иногда он доставал отцовские медали и ордена, подшитые на зеленую бархатную полоску: две медали «За боевые заслуги», медали «За оборону Ленинграда», «За Варшаву», «За победу над Германией», ордена Красного Знамени, Отечественной войны и куча новеньких юбилейных медалей, также значки участнику боев на Невском пятачке, на Дубровке. Отец медалей почему-то никогда не надевал, носил лишь две орденские планки слева на пиджаке.

А вот файл с дивизионной газетой с заметкой (бумага хрупкая, с желтыми пятнами оружейного масла от пальцев людей, которых уже давно нет на свете):

ВОИН БЛАГОДАРИТ ВРАЧА

В жестоком бою с лахтярами тяжело ранило лейтенанта Сысоева. Спасая жизнь отважного командира, хирург Адамянц произвел сложную операцию. Затем Сысоева направили на дальнейшее излечение.

Недавно он прислал письмо.

«Спешу, — пишет лейтенант Сысоев, — передать Вам привет и поблагодарить за спасение моей жизни. Я сейчас нахожусь на излечении в госпитале. Здоровье мое улучшается. Здесь многие врачи радовались, что мне так хорошо сделана операция, и интересовались, кто ее произвел.

Прошу передать привет всем вашим работникам.

Лейтенант И. Сысоев».

Отец рассказывал, как было дело. Дом, где они проводили операцию, попал под бомбы — стены шатались, и осколком срезало голову молодой медсестре, подававшей отцу нитки. Но прекращение операции равносильно бегству с поля боя. И завернув раненого в простыню, отец с ассистентом выскочили из дома, который тут же рухнул. Заканчивали уже в траншее в антисанитарных условиях. Больной считался обреченным, учитывая тяжелейшие разрывы селезенки и кишечника. И то, что он выжил и поправляется, было настоящим необъяснимым чудом, которое жизнь изредка преподносит людям. Медсестру, юную девушку Валю Мугу, отцу было жалко — как, впрочем, и Валентину, хотя он ее даже не видел.

Иногда он перечитывал строки из наградного листа для представления к ордену Красной Звезды, удивляясь красивому почерку на пожелтевшей бумаге, мягкой округлости чернильных букв, несмотря на грязь, холод, голод и обстрелы. Нынче люди разучились так писать:

За время боевых действий в районе Синявино, Мга, Рождествено, Тосно и в боях на Кировском направлении тов. Адамянц, как ведущий хирург медсанбатальона, обеспечил самоотверженно и квалифицированно хирургической помощью весь поток раненых в количестве 506 человек. Сам лично тов. Адамянц прооперировал 342 бойца, наиболее тяжело раненных в живот, грудную клетку и другие области организма.

Работал в условиях боевой обстановки при недостаточности сна и отдыха, в необходимых случаях круглосуточно, тов. Адамянц честно отдавал все силы, знания и опыт на выполнение ответственных обязанностей ведущего хирурга и благодаря этому спас жизни многих защитников Родины.

Его бед, испытаний, падений и подъемов, казалось, хватило бы на десяток судеб: сиротство и голод в далекой Армении, учеба на врача в Ленинграде, кромешный ад блокады, несколько жен, несколько дочерей, а затем неожиданный и научный, и карьерный взлет... Доцент Адамьянц.

Но разными они были с мамой — у каждого свой мешок бедствий.

И если мама говорила, что много хороших людей встречала по жизни, когда осталась сиротой после сталинского голодомора, названного коллективизацией, то отец не раз повторял: «Все люди — сволочи!» «Как же так, папа? — поражался сын. — Это значит, и мы с тобой тоже?» Отец не отвечал.

Его, десятилетнего, оставшегося сиротой в кровавом вихре геноцида армян, изгнал из своего дома в Тифлисе родной дядя, богач, к которому он было кинулся за спасением. Потерпел дядя Мамикон, будь он проклят, дней десять своего племянника, загнав его на балкон, куда приносили остатки еды. Не допускал к нему своих детей, ходивших в школу, игравших на пианино, будто был тот опасным зверьком, а потом твердо взял за руку, отвел на вокзал и впихнул в вагон, идущий в Эривань. Иными словами, отправил на верную смерть. С этого поезда племянник бежал и, воистину, чудом выжил, добравшись на крыше вагона до России и оказавшись в Луганске у старшей сестры. Лишь обладая огромным желанием вырваться из низов, честолюбием и волей, он одолел программу среднего школьного образования и поступил в 1-й Ленинградский мединститут. А тут война и новое бедствие — Ленинградская блокада, которую пережил с первого до последнего дня. Да легко отделался — одной лишь контузией.

Так не пора ли покончить с этим чувством неприязни, простить, что ли? Ведь он давно преодолел в себе комплекс маленького робкого человечка. Но нет, почему-то не получалось: умом был готов, но сердце не отзывалось. Память не отпускала хрупкого мальчишку, плачущего в подушку и клянущегося отомстить. И еще был непонятный, подспудный страх: а вдруг, смирившись со злом прошлого, он каким-то образом вернет то проклятое время унижений и бессилия? Вдруг оставит донине плачущее дитя среди холода и вечности космоса?..

Он так и не решил, прощать или нет, оставив ситуацию в неопределенности — до разрешения какой-нибудь высшей сверхчеловеческой властью.

Выходит, миллионы малых и гигантских событий этой жизни и срежиссировали эту встречу на железнодорожном мосту у станции Медведково и весь ход жизни и матери и отца: и геноцид армян, и убийственная сталинская коллективизация, сделавшие в десятилетнем возрасте мать и отца сиротами, и тот день, когда Гитлер окончательно решил напасть на Россию, а еще раньше решение Черчилля объявить войну Гитлеру, и сталинское решение ограбить крестьянство, выменяв хлеб на военные заводы для продолжения мировой революции. И никогда не задумывались великие мира сего, что, прочерчивая очередную стрелку движения войск, уничтожали миллионы судеб, формировали замес для совершенно новых — настолько незначительны, как пыль, были для них люди.

Но все имело смысл, и кажущийся незначительным сдвиг в настоящем мог в будущем дать или, наоборот, не дать и катастрофические последствия — то, что называется эффектом бабочки. Есть в горах безобидные с виду камешки, но стоит любой из них чуть сдвинуть, как вызовешь движение нескольких других, и далее все перерастет в камнепад, сносящий альплагерь. Что уж говорить о личной жизни человека — тут небольшой сдвиг может вызвать непредсказуемые последствия. Я знал человека, который опоздал на рейс самолета и тем самым спас себе жизнь — самолет по неизвестным причинам взорвался на взлете прямо на его глазах, и опоздавший пошел в ресторан, где три дня пил, в то время как его родственники, увидев списки пассажиров, считали его погибшим! Другой опоздал на спектакль, попал под дождь, но встретил девушку, на которой впоследствии женился, что привело к смене профессии — и страны обитания заодно!

А в тот день имела значение и ясная погода, и запах духов, который побудил ее все же идти устраиваться работать в тубдиспансер. Конечно, страшновато заразу подхватить, но других мест не было — всё обошла. А что делать? И с личной жизнью никак, а ведь уже за тридцатник — везде провал. Мужики послевоенные попадались какие-то свиноподобные, хамски самоуверенные...

А если копать глубже и глубже, перебирать причинно-следственные звенья, ведущие к их встрече, то ведь так можно докопаться

до появления человека на земле, а глубже — к вспышкам сверхновых, формирующих химические вещества таблицы Менделеева, и так до большого взрыва...

А сколько было случаев в его жизни, когда смерть могла оборвать эту цепочку, не счесть уже — и голод, и летящие осколки бомб, и навет сослуживцев... И в том, что так часто смерть обходила стороной, лишь обдав холодком, он мог бы узреть ниспосланное ему провидение, но некогда было размышлять в горячке труда и бессонных ночей за операционным столом.

Взять хотя бы последний случай, когда из-за операции пришлось задержаться и возвращаться в темноте по этому мосту с дурной славой, через который люди в ночное время без крайней нужды не ходили из-за орудовавших там грабителей, убивающих за колючку, за ручные часы или просто так. А у него как раз были фронтовые часы «Победа». Уже прошел половину моста, когда впереди выросли тени, и молодой наглый голосок приказал: «А ну стой, фраер! Деньху за проход гони!..» — после чего блеснула сталь финки.

— Ребята, да я ж хирург, ко мне попадете, вас зашивать буду!

— А мне по... — сказал молодой голос.

— Стой, — включился густой сиплый голос. — Ты, что ль, тот черный хирург, про которого грят, пришить голову может?

— Да не вопрос, ребята!

Зажужжал динамо-фонарик, осветив смуглое лицо, смоляные, зачесанные назад волосы, открывающие крутой лоб, аккуратные усики кисточкой под небольшим с горбинкой носом, черный блеск глаз.

— Проходи!

А вот теперь утро, по тому же мосту на работу спешит; кричат недалеко паровозы, пахнет копотью и мокрыми после ночного дождя елями. Навстречу идет красивая зеленоглазая шатенка, отчего-то грустная. Узнал ее сразу — заметил среди курсанток-сестер, для которых проводил занятие — обследование больного. Больной стоял у кровати, тощий и покорный. «Вот вы, девушка, подойдите. Как вас зовут? Валя?.. Скажите, Валя, с чего начинается обследование?» — «Опрос...» — «Правильно. Жалобы, что беспокоит, а потом — “анамнез вите” это называется — надо узнать, кто он, что за человек, чем занимался, чем болел. Короче, биографию...»

А тут руки распахнул и навстречу идет в синем костюме, с двумя орденскими планками на левом борте пиджака:

— Ва-аля! Да ты куда? И такая грустная?

А она имя-отчество его забыла:

— Иду медсестрой в туберкулезный диспансер устраиваться...

— Да ты что, разве можно, там ведь заразишься! Непременно заразишься! Иди лучше к нам в больницу.

— Я там уже была, — кивнула в сторону верхушек елей, скрывающих больницу. — Сказали, мест нет.

— Найдутся! — рассмеялся хирург. — Мне как раз операционная сестра требуется. Пошли-ка к главврачу.

СВЕТ В ОКНЕ

В детстве я всегда с нетерпением ожидал Нового года.

Мы жили в двухэтажном доме напротив больницы, где работал отец. Уже запустили в космос Белку и Стрелку, и шаловливые мордочки лаек глядели с обложки «Огонька». Я любил играть облигациями, которыми родители получали часть зарплаты, а Таллин еще не взял на буксир безликие пятиэтажки Мустамяэ, и его готический силуэт не взломали прямоугольники небоскребов «Виру» и «Олимпии».

В новогоднюю ночь Дед Мороз всегда приносил мне подарки, странным образом совпадавшие с моим «Хочу, хочу!», громко звучавшим в «Детском мире» накануне праздника (мама уверяла, что у нее не хватает денег, и покупала какой-нибудь пустяк в утешение). Но это повторяющееся совпадение не казалось удивительным: Дедушка Мороз должен был догадаться о моем желании, это было так же естественно, как сказка с добрым концом. Не было странным и то, что Дед Мороз в голубой шубе и с белой ватной бородой говорил нарочито басистым, но очень знакомым голосом и приход его всегда совпадал с отлучкой мамы к соседям по какому-то крайне неотложному делу. Мир взрослых был высоким и незыблемым, каждое слово их являлось истиной или тайной.

Незадолго до праздника в углу большой комнаты поселялась елка, не больно, дружески покалывающая любопытные пальцы. На всем белом свете не было ничего прекраснее и таинственнее хрупкого блеска игрушек среди вознесения дремучих ветвей.

Отец укрывал пол и крестовину под елкой пушистой ватой и начинал мастерить из бумаги домик с окошком. Между широкими кистями происходило с простой бумагой что-то непонятно сложное. Змеились под смуглой кожей вены сильных и ловких рук хирурга, сверкали ножницы, хрустели листы. Как я завидовал его умению строить домик! В стене он прорезал ячеистое крестьянское окошко, помещал свое творение среди ватных сугробов под нависшей тяжелой зеленью хвои, проводил в него лампочку от батарейки, и домик среди снегов мгновенно оживал, радостно вспыхивая квадратиком окна.

— Э-ге-ге! — посмеивался отец. — Вокруг снег, мор-роз, а в домике тепло, уютно!

А за окном шел настоящий сырой таллинский снег.

— А там есть люди? — спрашивал я.

— Конечно! Лесник чай пьет.

— А мы к нему постучим.

— Тук-тук...

— Тук-тук, и спрячемся, ладно?

— А он как выскочит! С одним зубом, палкой размахивает: «Кто там? Кто там?..»

Тут я всякий раз заливался смехом, хотя слышал эту историю не впервые — очень уж мне смешным казался этот старик с одним зубом, длинной палкой в руках и почему-то, в моем воображении, всегда в какой-то нелепо большой шапке.

— Ха-ха-ха, с одним зубом!

— С одним зубом, — подтверждал отец. — Как закричит: «А ну, кто там, вот я вас, проказники!»

И я снова смеялся.

А домик светил иллюзией покоя в человеческой судьбе.

Когда я подрос и мне купили краски, отец иногда вместе со мной пробовал рисовать — и всегда одно и то же: домик, что-то похожее на украинскую хату, с колодезным журавлем, темная ночь и горящий в оконце уютный огонек. Позже я узнал, что, рано потеряв родителей, отец долгое время скитался по Украине. «Беспризорник...» — он всегда хмурился, когда рядом звучало это слово. Потом были подвалы, общежития, казармы, землянки, какие-то углы в коммуналках. И на всю жизнь сохранилась привычка где придется стряхивать пепел «беломорины», без которой не мог жить и получаса. Через все детство я помню эти случайные горстки пепла то на столе, то на подоконнике, в раковине и даже

на ковре. Теперь в моей памяти они возникают скорбными вешками жизни его поколения. Отметинами невысказанных мыслей, неосуществленных надежд, потерь.

И лишь сейчас, кажется, я разгадал природу любви отца к этим огонькам. Детство его закончилось примерно в том возрасте, когда я еще верил в Деда Мороза. В том страшном восемнадцатом году Армения испытывала последние предсмертные судороги. Черной ночью деревню, где он жил с родителями, оцепили турецкие аскеры и азербайджанские мусаватисты, и на рассвете должна была произойти поголовная, без различия пола и возраста, азиатская резня. На всю жизнь он запомнил вой, который стоял в деревне в ту ночь. Выли люди, собаки, ревела скотина, и невозможно было отличить голоса одних от других в едином стоне обреченности перед ужасом небытия.

Но вдруг забрезжило спасение. Оно явилось в образе некоего перса, который за золото пообещал провести людей в горы: он знал еще не перерезанную аскерами тропу. На Востоке любят золото особенной любовью. И перс получил столько золота, сколько мог унести. Серьги, монеты, кольца...

Перед уходом расставили на крышах горящие керосиновые лампы, чтобы издали казалось, будто деревня обитаема.

Безмолвная вереница людей. Последний взгляд перед тем, как их поглотят черные горы. Возможно, именно эти ночные огни покинутых жилищ и остались в памяти девятилетнего мальчика стойким впечатлением внезапно навсегда утраченного мира и уюта.

Ушли все, кроме одной полубезумной старухи.

— Мне смерть не страшна, — сказала она, — я святая!

Не раз пытался представить себе: притихшая деревня, догорающие керосиновые лампы на крышах, худая, скрюченная и страшная, как смерть, старуха, сжимая крест на груди и шепча беззубым ртом слова молитвы, идет одна по пустынной улице навстречу надвигающимся всадникам.

Они облили ее керосином и подожгли.

...В ту новогоднюю ночь мама никуда не отлучалась. Вместе с нами была моя няня, Полина Ивановна, коренастая сухощавая женщина с твердокаменным характером, которая все еще часто приходила к нам. В сознании моем она была и осталась «бабушкой», и называл я ее просто «Ба».

Полина Ивановна вдруг засобиралась.

— Ба, — позвал я, — ты куда?

— Да к соседям.

— А к кому?

— Да к Номик, я недолго.

Номик был большой мальчик с нашего двора, к родителям его иногда заходила бабушка.

— Ты, правда, скоро придешь? А то не увидишь Деда Мороза!

— Приду, приду, скоро, — сказала она и вышла.

Я в нетерпении ожидал Деда Мороза, повторял стишок, который должен был продекламировать ему перед тем, как получить подарок, очень боялся сбиться. А перед глазами маячил серый игрушечный крейсер, на который в последнее наше посещение «Детского мира» у мамы не хватило денег. Этот деревянный крейсер можно было бы пускать по настоящей воде в корыте, или даже в море, когда мы поедем летом купаться в Пириту. Отец тем временем размещал домик среди ватных снегов.

Раздался стук в дверь.

— А вот и Дед Мороз! — воскликнула мама и побежала открывать.

На этот раз Дед Мороз был не такой, как раньше, — не в голубой, а в красной шубе, да и росточком поменьше, но когда он заговорил, я закричал от восторга, узнав совсем не измененный, не умеющий ломаться голос со знакомой хрипотцой.

— Ма, да это же Ба!

— Да нет же! — уверяла мама, смеясь. — Это Дед Мороз, только голос у него похож на бабушкин!

В недоумении задрал голову, я смотрел на Деда Мороза — как будто все в порядке: белая борода, шапка, глаза хоть и похожие на бабушкины, но без очков... И вдруг между воротником и шапкой я увидел нечто такое, что разом решило все мои сомнения.

— Уши! — обрадованно закричал я. — Бабушкины уши! — и радостно обхватил красную шубу.

Действительно, эти небольшие круглые уши с комковатыми мочками невозможно было перепутать ни с какими другими.

— Да нет же, нет! — смеялась мама. — Бабушка у соседней.

Дальше, однако, все шло своим чередом. Заикаясь от волнения, я прочитал какой-то стишок и получил в награду желанный подарок: серый длинный крейсер с орудийными башнями, трубами, сиренами и даже спасательными шлюпками. Он стоял на полу, вполне готовый к походу.

Дед Мороз как-то уж очень быстро ушел.

— Ну, мне пора, пора, — говорил он, ретируясь, так знакомо окая.

Отец зажег огонек — в домике засияла розетка окна, свет проникал через полупрозрачные бумажные стенки, но я вдруг представил, что там, внутри, ничего нет, кроме лампы и ваты, и мне неожиданно захотелось эту пустоту кем-нибудь заселить.

Мы усаживались у маленького, как ожившая фотография, экрана нового чуда того времени — телевизора «КВН», когда вернулась бабушка.

— Ба, это была ты? — спросил я ее.

— Да нет же, я к Номику ходила.

— Нет, это была ты, ты была! Теперь я знаю: настоящего Деда Мороза нет! — объявил я торжественно, и пусть все утверждали обратное, я так и остался непоколебимо уверенным в своем открытии.

Это была первая тайна взрослых, разгаданная мною в жизни.

Бимболат БТЕМИРОВ

«Я ПОТЕРЯЛ СВОЕ ИМЯ...»

ВОСПОМИНАНИЯ

Допрос

Самым тяжелым переживаниям мы подвергались во время расстрелов, когда страдали от страха близкой непосредственной опасности для нашей жизни. Наряду с этим здесь присутствовали для нас не менее тяжелые переживания во время допроса в кабинете уполномоченного-следователя, где всякий из нас находился в полной его власти, и он буквально делал с нами все то, что хотел, подвергая любого заключенного всевозможным оскорблениям и телесным пыткам. Допросы обычно производились в неурочное время после полуночи, смотря по фантастическому настроению следователя, который, сидя у себя в кабинете на верхнем этаже, продолжал свою работу по допросам даже до самого утра. Следователей и районных уполномоченных местный отдел ГПУ имел много, они все применяли к нам один и тот же грубый метод. Для нас же ночные вызовы на допрос были крайне неприятны и нежелательны. Мы очень уставали за целый день: толкотня в тесноте и густой вони, сидеть можно только на нарах или без стульев, прилечь же и отдохнуть днем не было места и возможности, ибо камера наша была полна людьми, как в муравейнике.

Вызовы наверх на допрос по ночам прерывали наш общий сон; просыпаясь тревожно от сна глубокой ночью, мы не могли долго понять, кого вызывают и куда его поведут: на расстрел или на допрос. Допрашивая заключенного наедине, следователь ничего не стеснялся, позволяя себе все, что было ему угодно, и не считаясь абсолютно ни с каким законом

Продолжение. Начало см.: Дарьял. 2024. № 1–2.

или даже простым приличием. Зная о беспомощности заключенного и его страхе перед грозной опасностью, следователь издевался над ним даже в начале допроса, когда он еще не был расстроен, когда еще не пришел в ярость хищного зверя. Временами неожиданно он вставал, близко подходил к заключенному, левой рукой вдруг хватал голову несчастного, придерживая ее, а правой рукой насильно всовывал ему карандаш, ручку в ноздри, в ухо или производил сильный удар кулаком по носу, по зубам. Затем отходил в сторону окна, смотрел на пустую освещенную улицу, насвистывая какую-нибудь веселую песенку, а в это время заключенный обливался кровью, переживая в душе свою трагедию.

Во всех случаях следователь руководствовался заранее составленным самим же протоколом вчерне и теперь в процессе допроса лишь переписывал его окончательно для подписи заключенным, дополняя его некоторыми деталями, не меняющими общий смысл протокола. Содержание заготовленного протокола всегда имело умышленно такой уклон и составлялось с таким расчетом, чтобы на основании этого документа, подписанного самим заключенным, тройка ГПУ могла приговорить его если не к расстрелу или десяти годам, то, по крайней мере, к пяти годам принудительных работ в лагерях. Здесь совершенно ясно, что можно убить свободно двух зайцев одним выстрелом, заключенный как нежелательный элемент снимается с насиженного места, из той среды общества, где он мог пользоваться хорошим именем или авторитетом, и ссылается на пять или десять лет в лагеря на безвозмездную работу.

На допрос вызывают обычно через месяца два или больше после ареста гражданина и водворения его в подвалы ГПУ. Допрос повторялся несколько раз с перерывами в несколько дней, в несколько недель и больше. Бывали случаи, когда заключенного не допрашивали шесть месяцев и даже больше. За это время особые тайные агенты и районные уполномоченные собирали дополнительные сведения о жизни данного заключенного в прошлом, по месту его службы или работы и по месту жительства. Изучали его биографию, его происхождение, в каких кругах он вращался, кто были его предки и прочее. Материал должен быть таким, чтобы следователь имел возможность использовать хоть какие-нибудь данные, дать содержанию протокола нужный уклон для обвинения заключенного. Сведения о заключенных, могущие служить основанием следователю для обвинения, могут иметь совершенно невинный характер. Например, предместком² того

² Председатель местного комитета профсоюза. — Изд.

учреждения или промпредприятия, где работал заключенный до ареста, дает сведения о нем, что он не выступал на собраниях, не сотрудничал и не принимал участие в развитии стенной газеты, вообще он вел себя на службе изолированно от советской жизни. Далее с того места, где проживал заключенный, преддомком³ дает сведения о нем в том же духе, т. е. что там, по месту жительства, он также ничем не проявил себя за советскую власть, относился к собраниям домкома и к его работе равнодушно. Иначе говоря, выясняется, что данный заключенный хотя и не совершил преступление против власти, но он не сторонник ее. Если же принять во внимание старый девиз ВКП(б) «Кто не с нами, тот против нас», то собранного материала против заключенного вполне достаточно, чтобы загнать его на десять лет в концентрационные исправительно-трудовые лагеря.

Молодой следователь двадцати двух лет, не успевший еще получить даже «высокое» звание коммуниста, будучи всего лишь кандидатом в ВКП(б), славился самым дурным именем у заключенных нашей камеры. Он яростно нападал лично на меня во время моего допроса с обвинением, что я, сын простого безземельного горца, имея в свое время широкий доступ в коммунистическую партию, не стал ее членом, а оказался контрреволюционером и врагом советской власти. Он ругал меня самыми похабными словами, ругал моего Бога, мою веру, моих предков и родителей за то, что они произвели меня на свет. Ненормальные глаза его дико смотрели на меня в упор, он был как хищный зверь, собирающийся прыгнуть на свою добычу. Я был перепуган его поведением и враждебным отношением ко мне, острая нервная дрожь пробежала по всему моему телу после этих ругательств, следовавших одно за другим. Каждое его слово было оскорблением, угрозой или адским упреком. Набрав всю свою силу воли и смелость, я задал ему скромно вопрос: чем я заслужил столь суровое обращение, какое преступление я совершил, что плохого я сделал для советской власти? Молодой следователь вышел из себя, он остервенел, лицо его изменилось, соскочил со стула и, яростно угрожая мне своим кулаком, сказал:

— Совершил, сделал, этого еще не хватало. Ты, собачий сын, ничего не успел, но мог сделать, ты контрреволюционер, враг советской власти.

Далее он обвинял меня в том, что я отказался от выполнения общественной обязанности члена Горсовета, куда я «имел честь»

³ Председатель домового комитета — Изд.

быть выбранным шесть месяцев тому назад до ареста, но нога моя не переступила порог Горсовета (работа).

— Ты, бандит, нагрубил в одном магазине кооператива, — кричал он в гневе. — Не будучи членом этого кооператива, ты требовал продать тебе товар и тем самым нарушил установленный законный порядок.

Я сразу сознался, что действительно такой случай был. Проходя как-то мимо этого магазина, я обратил внимание на витрине на пару маленьких детских носков, мне очень хотелось их купить для своего шестимесячного сына. Я просил продать их мне сперва продавщицу, а потом заведующую магазином, — та, узнав о том, что я не член этого кооператива, не стала со мною даже говорить. Когда же я повторил свою просьбу, доказывая, что я также советский гражданин, нахожусь на службе и должен иметь право на покупку такого пустяка, как одну пару детских носков, женщина вспылила и наговорила мне дерзости. Возможно, что в свою очередь я тоже сказал ненужное, что-либо лишнее, вообще это было тоже давно, до ареста, и я не помню.

— А кто оскорбил милиционера при исполнении им служебных обязанностей? — злобно погрозив пальцем, спросил он.

Да, сознался я, такой случай тоже был, он мне нагрубил первый, и я отвечал ему такими же тоном и словами. В конце концов, я не менее полезен для государства, чем простой рядовой милиционер. Стычка же между нами произошла по поводу случайного опоздания, примерно на четверть часа, зажечь свет вечером в уличном фонаре моего домика, где я жил с семьей. Следовательно что-то начал было говорить, но фраза его застряла в горле, за моей спиной дверь открылась, и в кабинет вошла молодая женщина. Она держала в руках какую-то бумагу и прямо подошла к следователю и встала рядом с ним. Очевидно, это была его секретарша и машинистка, об этом нетрудно мне было догадаться. Следователь взял бумагу, сидя за столом, положил ее перед собою, сильно нагнувшись над ней и стал читать ее содержание. Хотя мысли мои были заняты страхом за свою судьбу, все же нельзя было не заметить, как левое плечо следователя сильно опустилось вниз в сторону рядом стоящей женщины, а левая рука исчезла совсем за столом. Не смея поднять голову и взглянуть хотя бы на секунду на эту особу, я стал смотреть мимо края письменного стола, где стояла женщина. Она ждала ответа или разъяснения от своего начальника, а он читал бумагу.

Вдруг я вижу внизу подол черной юбки молодой женщины со стороны следователя медленно поднимается, постепенно оголяя

красивую круглую ее ногу выше колена. Любопытство мое возросло, почему-то мне захотелось увидеть лицо этой особы. Я набрался храбрости, взор мой медленно скользил снизу вверх по стройной фигуре молод[ой] женщины, дошел до стянутой изящной ее талии, затем до роскошных выпуклых грудей и остановился на ее прекрасном лице. В этот момент она как раз опускала свои веки с длинными черными ресницами и закрыла глаза. Она зажмурила глаза, я опоздал на секунду и не успел взглянуть на выражение ее больших глаз, поэтому впечатление мое получилось неполное. Красивые черты ее лица немного сжались, как от незначительной боли, я быстро опустил глаза вниз, боясь накликать беду на свою голову. Какую боль причинили ей пальцы грозного следователя под юбкой — физическую или же оскорблены были ее нравственные чувства как женщины? Через несколько минут она взяла протянутую ей бумагу с коротким объяснением своего начальника и быстро мелкими шагами вышла из кабинета.

Допрос начался вновь, выражение лица следователя опять приняло зловещий вид. Он обратился ко мне:

— Ты, бандитская морда! Скажи-ка, что ты знал о жизни таких же бандитов-кулаков, как сам, бежавших от власти в лес?

Я пожал плечами и ответил:

— Что могу я знать о жизни людей в лесу, когда я вечно занят своей службой и никуда не выезжаю из города?

— А твои сообщники?

— Никаких сообщников я никогда не имел, — возразил я.

Далее он стал меня обвинять в агитации против власти, особо подчеркивая детали моего разговора о том, что сельчане уйдут в леса, если раскулачивание будет проводиться с такой жестокостью. Я окончательно растерялся, ибо он говорил правду, это были мои слова, когда-то мною сказанные, еще во время разгара раскулачивания сельских «кулаков», в присутствии нескольких человек служащих, моих же подчиненных по службе. На этот раз я решил не сознаваться, невзирая на то, что следователь назвал мне место, день и даже часы сказанных мною злополучных фраз и перечислил фамилии лиц, присутствовавших при этом. Он бешился, ругался многотажными словами, сурово угрожая мне. В это время дверь за моей спиной кто-то приоткрыл немного. Быстрым взглядом в ту сторону следователь дал кому-то непонятный знак. Я почувствовал что-то недоброе, дело осложнялось, ясно, что кто-то стоит по ту сторону двери, но с какой целью он пришел? Следователь резко усилил свое наступление, требуя от

меня полного сознания во всем. Я начал теряться еще больше, страх мой увеличился, наступал решительный момент, я глубоко жалел, что не сознался сразу же, но теперь уже поздно, хотя в моих фразах особенного преступления не было — я высказал свое мнение относительно раскулачиваемых сельчан, только и всего. Видя мое упорство, следователь кивнул головой в сторону двери, и в кабинет вошел человек — бледный, с отросшей рыжей бородой, лет тридцати шести, в помятой грязной одежде, видно, такой же заключенный, как и я, которого привели сюда снизу, из подвалов. Присмотревшись, я узнал в нем одного из тех моих сослуживцев, в присутствии коих произошел давнишний мой злополучный разговор. Человек этот был бывший офицер белой армии, бежавший вместе с ней в Турцию в 1919 году совсем молодым, затем вернувшийся обратно на родину. Он служил до ареста в нашем учреждении в качестве счетного работника и, как видно теперь, одновременно состоял тогда тайным агентом ГПУ. Следователь повернулся в сторону и приказал ему:

— Ну, докажи этому бандиту, — указывая на меня пальцем, — что он вел в твоём присутствии контрреволюционную агитацию среди своих сослуживцев.

К великому моему удивлению и огорчению, бывший мой меньший сослуживец, всегда вежливый и корректный со мною тогда, теперь неожиданно напал на меня по примеру следователя, в самой грубой и дерзкой форме напоминая мне о разных деталях моего «контрреволюционного» разговора в его присутствии. Делать было нечего, я вынужден был косвенно сознаться, подчеркивая ничтожность значения сказанных мною неосторожных фраз. Тайный агент-арестант ушел, мы остались опять одни. Допрос, по-видимому, кончался, следователь присел на свое место, а я ждал, молча переживая страшные минуты, и наблюдал за ним, что он будет делать со мною дальше.

Следователь вынул из папки исписанный лист бумаги с перечеркнутыми и исправленными строками — по-видимому, черновик моего протокола, заготовленный до моего прихода сюда. И стал его переписывать начисто. Прошло много времени, пока он писал, иногда он останавливался, долго думал о чем-то, затем начинал вновь свое дело. Наконец он закончил длинный свой протокол, посмотрел на меня в упор и, протянув мне ручку с пером, сказал:

— На вот! Подпиши!

Дрожащей рукой я взял ручку и, прежде чем подписать, нагнулся к столу с намерением прочитать содержание протокола, от ко-

того зависела дальнейшая моя судьба. Неожиданно следователь выхватил протокол, быстро подвинул его к себе, а меня сильно толкнул в бок в другую сторону, он злобно вытаращил на меня свои зверские глаза и сказал:

— Ты что, мерзавец! Вздумал читать протокол? Значит, мне не веришь? Подпиши по-хорошему, иначе тебе будет хуже.

Я доказывал мое законное право ознакомиться с содержанием протокола, тогда он схватил протокол в руки и в виде одолжения стал его читать мне сам. Не веря ему ни на один золотник, я все же слушал его внимательно, насколько мог, так как воспрепятствовать ему не имел никакой возможности. Он читал быстро, местами умышленно пропуская отдельные строки, это еще больше напугало меня. «Пропала моя несчастная голова», — подумал я в этот момент. Чтение кончилось, он категорически предложил мне теперь подписать протокол. Неизвестно, какие места и что именно он скрыл в протоколе от меня при чтении, но те обвинения, что он прочел вслух, вполне были достаточны для того, чтобы по советским законам расстрелять меня, по крайней мере, два раза. Я протестовал против таких резких обвинений, как мог в моем положении, они явно не соответствовали истине, я окончательно устал, обессилив совершенно, нервы не выдерживали больше, холодный пот выступил на всем моем теле. Долго тянувшийся допрос поборол меня, было поздно, с улицы в окно уже проникал ранний утренний свет. Следовательно на этот раз озверел сильнее.

— На что мне твоя дурацкая истина? — кричал он вне себя. — Мне известно, что ты враг советской власти, и этого вполне достаточно, чтобы тебя расстрелять, как поганую собаку.

Затем резким движением он выдвинул ящик письменного стола, схватил оттуда наган и направил его дуло прямо на меня. До этого я много раз слышал о подобных угрозах в кабинетах следователей ГПУ во время допросов заключенных. Я знал, что он стрелять не будет, он наводил лишь страх, тем не менее я окончательно убедился в его упорстве, сломить которого я никак и ничем не мог. Истрепавшись, весь ослабленный, с мутной головой и тревожными, неясными мыслями я пришел в состояние полного оупения. Бессознательно, неожиданно для самого себя я быстро схватил из рук следователя протокол и наскоро подписал его. Он как-то странно посмотрел на меня, и в этот момент мне показалось, что ядовитые его глаза несколько смягчились. «Все равно рано или поздно когда-то нужно умирать», — подумал я в ответ на его странный взгляд. На рассвете я был уже в своей камере, за-

ключенные вставали и убирали свои лохмотья, задавая мне разные вопросы по поводу моего долгого допроса.

На Кавказе в глубине гор, на выступах высоких скал, недоступных даже старым опытным охотникам, выют свои гнезда хищные орлы особой породы. Они очень крупны, с большим тяжелым туловищем, размах их крыльев доходит до двух метров. Орлы эти очень прожорливы, и своей жадностью не уступают кровожадным диким зверям. Временами такой орел-хищник спускается вниз на высокогорные альпийские пастбища, где летом пасутся овцы большими отдельными стадами. Орел-хищник долго кружится на большой высоте, высматривая местность своим необыкновенным острым зрением и выбирая ближайшую пропасть от стада, куда он должен сбросить свою жертву. После этого он со страшной быстротой спускается вниз, налетает на один край стада, издавая крыльями сильный свистообразный звук наподобие звука летящего пушечного ядра. Испуганные овцы разбегаются в разные стороны куда попало, в это время орел-хищник на лету отбивает своим крылом одну из них, отгоняя ее по направлению пропасти. Нападение орла-хищника всегда бывает неожиданно и внезапно, настолько быстро, что даже вооруженный пастух не успевает принять необходимые меры. Орел-хищник летит над самой овцой, управляя ее направлением, и в то же время наносит ей сильные удары по бокам своими могучими крыльями. До смерти перепуганная овца бежит со всех ног под орлом-хищником совершенно бессознательно. Орел-хищник гонит овцу прямо к пропасти — долго, с зигзагами и препятствиями, наконец они достигают самый край крутого, глубокого обрыва. Овца теперь скачет по самому краю пропасти, враг-хищник учащает свои сильные удары по ней, овца хорошо понимает, что упасть в глубокую пропасть — это значит смерть. Беззащитная овца теряет голову окончательно, не зная, что делать для того, чтобы спасти свою жизнь, и продолжает бежать, уже уставшая, обессиленная. В этот момент хитрый орел-хищник наносит овце молниеносный удар всей своей тяжестью в бок, бедная овца срывается с обрыва и падает вниз на дно пропасти. Таким образом орел-хищник достигает своей цели, он сейчас же плавно спускается по воздуху вниз и начинает рвать и клевать горячее мясо издыхающей овцы.

Не будет преувеличением сравнить следователя ГПУ с орлом-хищником, а заключенного в кабинете его во время допроса с овцой, отбитой от стада. Хорошо подготовленный в хищническом советском духе следователь, чувствующий за собою силу власти,

смотрит во время допроса на перепуганного заключенного в упор, точно хищный орел на овцу. Оба, как следователь, так и заключенный, хорошо понимают, что в данном деле с юридической точки зрения нет законной почвы для обвинения, точно так же, как орел-хищник не имел законного юридического права гнать овцу к пропасти на верную гибель. В деле не имеет место преступление, совершенное допрашиваемым заключенным, нет материала против него, могущего доказать факт преступления против власти, имеются лишь доносы отдельных лиц, тайных агентов самого ГПУ, письменные доклады предместкома по месту службы или работы заключенного и домкома по месту его жительства в черте города. Если же заключенный до ареста проживал в сельской местности и работал, скажем, в колхозе, то и в этом случае следователь имеет в своем распоряжении доклады предместкома правления колхоза, председателя сельсовета и особо отзыв сельской партийной коммунистической ячейки. По существу весь этот материал ничего, конечно, не стоит, он может лишь быть доказательством к обвинению заключенного в его несимпатии к власти, в его равнодушном, без всякого энтузиазма отношении ко всему и в прочем.

Теперь нет таких заключенных, как в начале большевистской революции и даже несколько лет тому назад, когда следователь ГПУ предъявлял тогдашним заключенным обвинения за богатство, за аристократическое происхождение, за высокие чины в царское время, за военные чины и участие в белой армии в гражданской войне против Красной армии, за принадлежность к группе людей, выступающих против власти и тому подобное. Этот период революции прошел давно, все те люди, кои могли мешать развитию и укреплению советской власти, уничтожены, с корнем вырваны так же давно. Наподобие жадных хищников-рыболовов, которые в каком-нибудь озере сперва ловят крупную рыбу, даже разбираясь в породе ее, раньше самую ценную, а позже что попало, лишь бы была крупная. Когда же кончается крупная рыба, начинают вылавливать рыбу средней величины, и только по истощении запасов последней рыболовы переходят к мелкой рыбе. В наше время осталась одна только мелкая рыба. Что из себя представляет, например, колхозник, рабочий в совхозе, служащий в советском учреждении, фабрично-заводской рабочий или даже скромный научный работник, профессор, инженер, врач и так далее? В политическом смысле все они мелкие рыбешки, — во всяком случае, в данное время власть укрепилась настолько, что бояться ей

этих людей совершенно нечего. Теперь нет больше крупных людей в народе, в подвалах ГПУ сидят мелкие люди — труженики, живущие до ареста на средства, получаемые от государства за свою работу или службу, других источников дохода вообще не существует. Но здесь, в подвалах ГПУ, сила сама является высшим законом, она применяется к заключенным с исключительной жестокостью во всех видах.

Допрос в кабинете следователя тянется часами, бедный заключенный бледнеет, зеленеет, ежеминутно глотает последние слюны в высыхающем рту, часто гладит волосы рукой, то чешет пальцем лоб или щеку, облизывая своим сухим языком давно высохшие губы. На вопросы хищника-следователя он отвечает вяло, постепенно слабеет, временами не узнает своего собственного голоса, начинает терять силы и уверенность в себе. Именно в этот момент совсем озверевший хищник-следователь направляет дуло револьвера прямо в лоб заключенного, обильно пуская в его адрес самые похабные ругательства, это значит, бедный заключенный подогнан к самому краю пропасти, как бедная овца орлом-хищником. Тут уж заключенному нет возможности обдумать свое положение, мысли его перепутались, мозги не в состоянии продолжать работать, он знает только, что его жизнь стоит на самом краю и ему угрожает страшная опасность. Злость кипит в груди заключенного на хищника-следователя за его чудовищно ложные обвинения, за одностороннее и явно пристрастное ведение допроса с нарушением элементарных прав человека и за его зверское отношение к нему. В свою очередь и хищник-следователь злится на заключенного за его «нахальное» упорство и за часы потерянного с ним времени. После трех-четырех подобных допросов с промежутком в два-три месяца всякий человек с любой твердой волей поддается и подписывает любой обвинительный акт-протокол против самого себя, точно так же, как поддалась овца и в отчаянии свалилась в пропасть на верную гибель. Подписывая протокол хищника-следователя, заключенный хорошо знает, что обвинительный акт сулит ему наказание — в лучшем случае ссылку в концентрационные исправительно-трудовые лагеря на срок от пяти до десяти лет или же высшую меру — расстрел.

Для наиболее упорных, «нахальных» заключенных, не пожелавших подчиниться воле следователя-хищника, здесь имеются еще разные способы — так называемые допросы с пытками. Эти пытки делятся на бессистемные и системные. Бессистемные — значит, заключенный получает удар в любой момент и в любое

место. Системные же пытки делятся на две категории: более легкую и тяжелую.

Легкая категория пыток над заключенным приводится в жизнь в самом кабинете следователя во время допроса. Упорствующего заключенного избивает сам следователь. Наносят бесчеловечные удары заключенному рукояткой револьвера, ногой по голове, по лицу до потери сознания. Одну трагедию переживает несчастный заключенный здесь, в кабинете следователя, лежа на полу в полусознательном состоянии и продолжая получать немилосердно жестокие удары озверевшего хищника-следователя. Другую трагедию, чисто моральную, но не менее жестокою, заключенный переживает в камере.

Вернувшись с допроса, избитый, окровавленный заключенный с трудом стоит на ногах и часто не похож на самого себя. Он входит в камеру с опущенной вниз головой, с мертвенно-бледным лицом, искривленными чертами лица, с трудом пролезает в толпе в угол камеры и прячет свое лицо. По одному его виду всем становится ясно, в чем дело и что случилось, поэтому, разделяя его горе, никто не смеет заговорить с ним. И только через два-три траурных дня, трагически проведенных, заключенный начинает общаться с другими.

Если допустить, что этот несчастный избитый заключенный не молодой, не вор, не мошенник, а дедушка или отец целой семьи, взрослых сыновей и дочерей, человек честный, порядочный, ценный в своем обществе и только не расположенный к советской власти, то можно себе представить, до какой глубины дошла его трагедия, его обида и какое разочарование он уже имеет вообще в жизни. Трудно также передать чувства и моральные переживания остальных заключенных в камере, имеющих перед собою эту незаслуженную трагедию.

Вторая категория пыток более серьезная, жестокая и делится в свою очередь на много видов, применяемых к заключенным всецело по усмотрению хищника-следователя. Исключительно упорствующего заключенного при допросе, не желающего подписать заранее приговоренный ему обвинительный акт-протокол, выводят из кабинета следователя и сажают в одиночную камеру. Эта одиночная камера находится в том самом глубоком, глухом подвале, где происходят расстрелы. Длина этой камеры-одиночки примерно полтора метра, ширина один метр, вся она построена из бетона. В ней нет абсолютно никаких предметов или какого-либо выступа, на что можно было бы присесть. Заключенный водворяется сюда без всякой постели, только в верхней одежде, он

вынужден все время сидеть или лежать на голом цементном полу. Один раз в сутки приносят ему четыреста граммов черного хлеба и воду для питья. После нескольких дней пребывания в этой обстановке поздно ночью заключенного вновь ведут к следователю на допрос. На этот раз упорство заключенного сильно может повредить ему. При категорическом отказе сознаться во всем и подписать акт заключенного отводят обратно в одиночку, запирают его наглухо посредством особых приспособлений и пускают в камеру холодную воду. Камера постепенно наполняется водой, а напуганный заключенный стоит в абсолютном мраке и прижимается к холодной бетонной стене. Проходят кошмарные минуты, заключенный слышит зловещий шум быстро текущей струи воды. Вода доходит ему по колено, по пояс и, наконец, по самое горло, он начинает кричать о помощи в ужасе. Тогда чекист, производящий пытки, из тайного места спрашивает его сверху, в отверстие на потолке камеры:

— Хочешь сознаться? Тогда отведу тебя к следователю.

Если заключенный дает свое согласие, то его сейчас же ведут в мокром виде в кабинет следователя. Пытки всякого рода производятся по усмотрению и приказу каждого хищника-следователя.

Благоразумный заключенный покоряется судьбе и тут же подписывает свой обвинительный акт и тем самым избавляет себя от дальнейших пыток и издевательств над собой. В таких случаях его оставляют в покое и водворяют опять в ту общую камеру, где он сидел до одиночки.

В том же случае, если залитый водой по горло заключенный отказывается от предложения чекиста, его держат в таком положении час-два, и только потом выпускают воду из камеры. Через некоторое время может повториться то же самое по усмотрению хищника-следователя. В конце концов побежденным всегда остается заключенный, который вынужденно подписывает акт.

Такого рода пытки производятся в особо важных случаях, когда обвинения заключенного касаются не только его самого, но целой группы людей из заключенных и находящихся еще на воле, когда подвергший[ся] пыткам заключенный чем-нибудь выделяется из толпы в этой группе. Пытки всякого рода над заключенными, а также допросы их производятся главным образом поздно ночью.

Второй вид пытки, относящийся к ряду тяжелых, представляет из себя нечто подобное качелям в том же самом глухом подвале.

Заклученного сажают на долгое время в конце высоко висящей горизонтальной доски. Ему не дают уснуть, и время от времени с небольшими промежутками следуют сильные толчки с другого конца доски. Продолжается эта пытка сутками, пока заключенный не даст свое согласие подчиниться полностью воле следователя. Если, конечно, за эти сутки без сна и без пищи он не лишится разума.

Отрывки из советской жизни. Выселение

Ловкий бандит и убийца, защищая себя в суде, старается смягчить самое жестокое и грубое свое преступление, отвлечь внимание судебных заседателей в сторону или даже замаскировать совсем сущность своего преступления. Такова сила коварно-лживого красноречия опытных авантюристов, шулеров и мошенников, плавающих среди наивных честных людей во всем мире, как зубастая хищная щука в глубине подводного царства среди мирных его обитателей.

Подобным способом руководители советской власти пытаются оправдать себя перед мировым общественным мнением, главным образом перед рабочим классом, и выйти сухими из воды.

Что могут сказать иностранцы, не пережившие причуды великой трагедии России, например городской интеллигент, фабричный рабочий, свободный крестьянин европейских стран или заокеанский фермер Америки, против трех наивных слов — «коллективизация сельского хозяйства». Коллективизация есть объединение, в данном случае работников сельского хозяйства, т. е. крестьян — мелких собственников. На первый взгляд в этом мероприятии, предпринятом советской властью в государственном масштабе, нельзя видеть ничего дурного, ни грубого, ни жестокого, все идет как будто нормально, гладко и, главное, в пользу самих же крестьян-землеробов. Между тем за этими тремя наивными словами скрываются величайшие, небывалые в истории преступления, совершенные советской властью против тружеников земли — мирных крестьян. Преступления эти выразились в позорном и бессмысленном расстреле сотен тысяч лучших людей из крестьян под названием «кулаки»; в ссылке миллионов здравомыслящих из них на каторжные принудительные работы в концентрационные исправительно-трудо-вые лагеря; в голодной смерти под заборами в деревнях и

селах, на больших дорогах, на вокзальных и городских площадях выгнанных на улицу из собственных дворов семей «кулаков»; в гибели сотен тысяч детей разных возрастов, беспомощных старух, стариков и больных, а также в грубом насильственном присвоении имущества вплоть до домашней утвари этих несчастных людей.

Наряду с раскулачиванием крестьянина в селе советская власть начала проводить в жизнь раскулачивание и в городе. Конфискованы были частные дома, денежные средства граждан в банках, сберегательных кассах и прочих кредитных учреждениях. Группами арестовывались люди под разными предлогами или по ложным доносам недоброжелателей. Эти люди расстреливались в подвалах Чека, позднее переименованной на ГПУ, или ссылались в трудовые лагеря далеко на окраины огромной страны. Серьезный и внимательный наблюдатель без труда найдет, что раскулачивание как сельского крестьянина, так и городского жителя вовсе не является средством для достижения коммунизма. Наоборот, оно есть самый грубый вид нарушения человеческих прав, жестокая мера массового истребления людей и самый простой способ присвоения чужого имущества.

В разгар «коллективизации сельского хозяйства», когда местная власть маленькой автономной республики⁴ Северной Осетии на Кавказе перешла от колебаний и нерешительности к твердой уверенности в неорганизованности горской массы для сопротивления, убедилась в бессилии этой массы защитить свою жизнь и трудом нажитое свое имущество от открытого узаконенного грабежа, когда высшая власть в Москве ликовала, восторженно наблюдая за выполнением своих чудовищных директив на местах, а у «великих вождей» кружились головы от успехов, в это самое время в газетах столицы маленькой республики появились длинные статьи о необходимости выселить домовладельцев-собственников, чиновников царского времени, торговцев, людей свободных профессий и вообще всех, кто бы ни жил на главной улице города, переименованной с Александровского проспекта в Пролетарский.

«Довольно пили кровь рабочих и крестьян, долой буржуев-кулаков из барских квартир, да здравствует рабочий класс!» — кричали газеты. В статьях приводились все новые и новые доводы в

⁴ Здесь автор допускает анахронизм: к моменту написания текста Северная Осетия была уже автономной республикой, но во время описываемых событий существовала еще автономная область.

защиту и оправдание этого «справедливого и целесообразного» мероприятия «народной» власти.

Бедные, несчастные рабочие-труженики, говорилось далее в статьях, живут со своими семьями в трущобах, грязных темных квартирах, где-то на окраинах города, тогда как городские «кулаки» занимают самые лучшие квартиры в центре.

Подготовка в местной печати в таком духе шла долгое время — по-видимому, местная власть не решалась сразу приступить к поголовному выселению всей главной улицы, боясь каких-нибудь неожиданных осложнений. Вопрос о выселении городских кулаков по инициативе самой власти горячо обсуждался на общих собраниях рабочих и служащих на промышленных предприятиях и в учреждениях города. Доводы и аргументы, приводимые казенными ораторами-агитаторами на этих собраниях, были настолько, казалось, убедительными, что большинство слушателей сильно увлеклось этим течением и чуть было не кричало «ура» от восхищения.

— На самом деле, — говорили многие, — если крестьянин в селе, имеющий лошадь и две коровы или две лошади и одну корову, подлежит раскулачиванию, аресту, ссылке в лагеря и даже расстрелу, то выселение городского жителя — бывшего богача, чиновника, врача, юриста или бывшего торговца-коммерсанта — из его квартиры ничего особенного не составляет. Наконец, если «социализм» проводится в жизнь в селе с такой жестокой суровостью, то почему город должен отставать от села?

Сильно сочувствующий советской власти служащий нашего учреждения тов. Артемов, активист, член месткома, но беспартийный, выступая на общем собрании, говорил горячо с пеной на губах:

— Вот видите, товарищи! Какую заботу и внимание оказывает советская власть рабочему классу. Вот вам пример налицо, вот что значит своя, близкая, родная народная власть.

Мнение тов. Артемова разделяли многие служащие огромного учреждения. Что же касается рабочих промышленных предприятий города, коих главным образом касался этот вопрос, то большинство из них просто ликовало, заранее строя себе воздушные замки. Однако среди них нашлись и скептики, которые не хотели верить всей этой шумихе. Любопытство всего населения города было возбуждено небывалыми в истории случаями подобного насильственного выселения.

Странно и непонятно было для нас, как рабочие будут ходить пешком на работу в такую даль из центра города, скажем, до завода «Кавцинк», который находится далеко за железнодорожным полотном, и обратно домой. В особенности в зимнее время, когда Владикавказ отличается своей слякотью и сырой погодой. Удобно ли будет для рабочих вообще такое хождение пешком? Других же возможностей передвижения пока нет. «Не лучше ли было бы улучшить жилищные условия рабочих на местах? — говорили скептики. — Путем капитального ремонта существующих рабочих домов, а также постройки новых там же, вблизи заводов или фабрик, приспособленных именно для рабочих. К чему барская квартира рабочему? С мягкой мебелью, паркетными полами, зеркальными шифон[ь]ерами и прочими предметами роскоши? Кроме того, сумеет ли многодетная жена рабочего держать такую квартиру в три-четыре комнаты в надлежащей чистоте?» Так рассуждали в частной беседе более благоразумные из рабочих и служащих.

Наконец, на страницах тех же местных газет появилось постановление Горсовета с длинным списком городских кулаков, подлежащих выселению с семьями в трехдневный срок. Далее в постановлении говорилось, что каждый «кулак», оставляя свою квартиру, имеет право взять с собою из домашних своих вещей только носильное платье, от нижнего белья до верхней одежды включительно, а также постельные принадлежности. Все же остальные вещи домашнего обихода со всей обстановкой квартиры должны остаться на местах целыми и неповрежденными. Установленный трехдневный срок прошел быстро, к этому времени очень немногие семьи «кулаков» успели очистить свои квартиры, одни перешли временно к родственникам в другой район города, другие переселились к близким знакомым. Громадное же большинство «кулаков» оставалось на старых местах, за неимением в городе свободных квартир. Дело было глубокой осенью, на улице сырой холод и грязь, шел мокрый снег, «кулаки» попали в безвыходное положение. Однако власть не обратила внимания на эту мелочь. Непослушные «кулаки» с семьями насильственно были выгнаны буквально на улицу. Многие были тут же арестованы за дерзкое поведение в отношении представителей власти и водворены в подвалы ОГПУ. Таким способом в два-три дня под музыку рыданий и криков перепуганных женщин и детей квартиры были очищены от негодного элемента. Семьи «кулаков» много дней жили в переулках города, где было меньше движение, кута-

лись в одеяла от холода на тротуарах, под открытым небом, затем исчезли из города совершенно. Куда девались они, что стало с ними, достоверно никому не было известно. Были предположения и догадки, что их поздно ночью собрали, посадили в товарные вагоны и вывезли куда-то на Север.

Так или иначе, квартиры «кулаков» на главной улице города были освобождены. Теперь предстояло вселение в эти квартиры рабочих промышленных предприятий. Население города настроилось в ожидании, с большим любопытством следя за разными слухами, открытыми и секретными. Всех интересовал вопрос: рабочие какого завода будут вселены в первую очередь в роскошные квартиры? Преимущество было за заводом «Кавцинк», это самый крупный из всех местных заводов и самое вредное производство для здоровья.

Вдруг разнесся невероятный слух, подобно грому с молнией в летний солнечный день без облаков. Служащие нашего учреждения во время занятий передавали друг другу по секрету новость из самых достоверных источников. Новость же эта была сама истина, открывая всем «божьим бычкам» глаза, вернула нам здравомыслие, потерянное под влиянием красивых слов, она разъяснила всем сущность и конечную цель пропаганды казенных агитаторов. Оказывается, ни один рабочий, ни тем более служащий независимо от партийности или беспартийности не был вселен в эти барские квартиры. Как выяснилось позднее, все освободившиеся квартиры были разбиты на две категории по признакам их удобств, расположению комнат и богатству обстановки. И только после такой подготовки квартиры были распределены между сановниками, высшими коммунистами, занимающими высокие посты в республике.

Активист тов. Артемов сильно был разочарован, в пылу гнева с отчаянием он говорил:

— Вот тебе на! Значит, рабочим все время звонили в уши для того, чтобы дать им возможность только помечтать о вселении в квартиры городских кулаков.

С нетерпением ожидающие разрешения вопроса рабочие и служащие, особенно сторонники выселения «кулаков», еще больше были разочарованы таким неожиданным результатом. Однако все молчали перед всеильной властью, опустивши головы. Создалось положение, напоминающее положение побежденной собаки-дворняжки, только что выскочившей из общей драки и теперь наблюдающей издали за продолжением

свалки более сильных собак, она издавала неясные свистобразные звуки от бессилия, глубоко запустив хвост между задними ногами.

Впечатление от насильственного выселения людей из насильственных собственных домов и наемных квартир долго оставалось в моей памяти. Будучи уже за пределами Советской России, в одной из восточных стран, однажды я рассказывал об этом местному жителю по имени Мамадхан. Он внимательно слушал рассказ с серьезным выражением лица, но в конце широко улыбнулся и сказал:

— Восторг и разочарование рабочих вашего города напоминают мне анекдот.

Мамадхан облокотился на спинку своего кресла и, улыбаясь, начал рассказывать:

— В одном восточном городе по узкому каменному тротуару проходил голодный нищий. Вдруг он почувствовал блаженный вкусный аромат горячего члокабаба, у него закружилась голова, и он немедленно остановился. Немного приподняв голову, он увидел над собою небольшое открытое окно кухни богатого дома, откуда вырывался наружу аромат. Нищий встал под окном в ожидании милостыни и в то же время жадно вдыхал живительный вкусный запах горячего плова. Через минуту к нему выскочил из кухни на улицу повар и напал на него с требованием денег за то, что он так бесцеремонно и вдоволь вдыхал запах плова. На этой почве между поваром и нищим завязалась драка. Слабый нищий стал громко кричать и звать на помощь. В это время по улице проходил знаменитый остроумный Мулла Насыр-эдин, он быстро подошел к дерущимся и разнял их.

— Что случилось? За что вы деретесь? — спросил он.

Нищий объяснил ему, что повар требует с него плату за запах своего плова. Тогда Мулла Насыр-эдин вынул из своего кармана небольшую сумочку с золотыми монетами, поднес ее к повару, потряс ею несколько раз у самого его уха и строго сказал:

— Теперь вы в расчете с нищим, и не смей его больше трогать. Он глотал приятный аромат твоего плова, а ты слушал не менее приятный звон золотых монет.

Так расстались голодный нищий и зловредный повар, унеся каждый из них с собою приятное воспоминание, первый — от головокружительного вкусного аромата горячего члокабаба, второй — от музыкально-очаровательного звона золотых монет.

В камере. Товарищи по несчастью⁵

Немного дальше сидит, уткнувшись лицом в грудь, другой жалкий старик с большой голой некрасивой головой, это — бывший георгиевский кавалер Русско-японской войны по имени Саулох. Он был раскулачен еще давно, выброшен из собственного двора буквально на улицу. Часть семьи его сослана куда-то в Сибирь, другая часть разбежалась, кому куда удалось, а он остался в родном селе.

— Никогда судьба милостива не была ко мне, — говорил Саулох медленно, растягивая каждое слово на родном языке, — всю свою жизнь провел в труде, особенно не везло мне в семейной жизни. Первый раз женился я в двадцать пять лет, но через пять лет жена моя умерла, оставив двух детей. Это был для меня тяжелый удар, я сильно страдал по ней и вскоре уехал добровольцем на фронт в разгар войны с Японией. Полтора года жизни в военной обстановке несколько изменили меня, и по возвращении домой я женился вторично и на этот раз тоже неудачно, так как через десять лет жена моя сошла в могилу, оставив мне четверых детей. Наконец, третий раз женился я, будучи уже пожилым человеком, ради детей, с этой женой дожили мы до самых худших времен. В последнее время я устроился сторожем в колхозе своего родного села, но и тут мне не повезло, во время молотьбы колхозного хлеба какие-то мальчишки по неосторожности подожгли стог соломы, теперь жизнь моя как бывшего «кулака-кровососа» висит на волоске.

Неуклюжий, тупой и грязный молодой человек, постоянно и неуместно вмешивающийся в разговор, — это колхозный конюх, от него и теперь как будто бы несет конюшней. Вот где продукт советской цивилизации и культуры, в нем нет ничего старого, он человек нового времени. Ни религию, ни установленных до него обычаев он не признает. Отсутствие даже домашнего воспитания и всяких признаков культуры придает ему вид настоящего дикаря. Арестован он за то, что у него околели четыре колхозные лошади, а остальные шесть тоже накануне гибели. По его собственному рассказу видно, что он неплохо смотрел за лошадьми и кормил, поил их вовремя, но причина была в том, что корма было мало и по качеству он очень плохой, а работа лошадей была тяжелая и постоянная, так как колхоз располагал далеко не достаточным количеством лошадей. Обвинялся он на основании «Закона о пяти

⁵ Название «В камере. Товарищи по несчастью» дано издателем. Первая страница рукописи очерка утрачена.

колосках» от 7 августа 1932 года. Однако наш конюх никогда ничем не проявил свое неудовольствие относительно своего ареста и покорно переносил все невзгоды, считая их вполне законными и даже обязательными.

Высокий представительный пожилой человек в больших роговых очках и коротеньких трусах, с приятным лицом и красивой, с проседью бородой беседует вон в стороне с группой сельчан-хлеборобов, это — профессор местного сельскохозяйственного института. Он был арестован два месяца тому назад, его допрашивали два раза, но о степени его виновности ничего еще не было известно. Такая затяжка после допросов считалась у нас плохим признаком. Сам он не знал причину своего ареста и терялся в догадках. Профессор оказался хорошим собеседником, охотно отвечал на всякие научные вопросы и иногда даже пускался в длинные объяснения, как бы читая лекцию и чувствуя, точно у себя на кафедре. В такие моменты его большие серые глаза по-особому блестели, а правой рукой он медленно гладил свою густую небольшую бороду. Особую симпатию в камере он питал к сельчанам, с которыми он постоянно беседовал, убивая этим свое скучное время. Однажды поздно ночью он вернулся с «допроса» из комнаты пыток, почти лишившись рассудка. Когда его втолкнули в камеру и дверь за ним закрылась, профессор зарыдал не своим голосом и упал лицом вниз на нары, рыдая и временами приговаривая: «Выдал, выдал своих коллег, я провокатор, негодяй». Мы всячески успокаивали его, говорили ему, что так обращаются со всеми нами. Однако он не обращал на нас никакого внимания. Мы смотрели на нашего уважаемого, доброго, умного профессора с большой жалостью, и каждый из нас разделял его горе. Так продолжалось часа три, он жестоко страдал, постоянно рыдая и выговаривая какие-то непонятные слова. Наступало ноябрьское туманное утро, тусклый свет начал проникать через решетку окна в нашу глубокую яму. Вдруг профессор наш вскочил с места, присел на край нар и громко произнес:

— Собственно говоря, что я выдал, кого я выдал? Я ведь рассказал, вернее, отвечал на задаваемые мне вопросы на самые обыденные темы, то есть о жизни и работе института и, в частности, о работе отдельных профессоров — моих коллег.

Мы воспользовались этим моментом его воодушевления, и наши доводы на этот раз подействовали на него. Он несколько успокоился. Однако с этой ночи профессор изменился и никогда больше не был ни веселым, ни словоохотливым до самого дня своего расстрела.

Хлебороб менее культурен, чем городской рабочий, потому что он издавна поставлен в более худшие условия, однако именно среди хлеборобов часто можно встретить чистые, цельные натуры. Вот один из этих людей стоит передо мною и смотрит на меня с полуулыбкой на устах своими честными светлыми глазами. Хазби — так его звали — был пожилой жилистый, крепкий человек с крупными, огрубевшими от работы руками, бывший середняк из ближайшего села и член колхоза.

— Дома я оставил жену и четырех детей без всяких средств, — говорит Хазби, — а один взрослый сын от первой, умершей жены учится в Москве. Обвиняюсь я в расхищении колхозного имущества, которое выразилось в следующем. Два месяца тому назад я вез колхозный груз на колхозных же лошадях в город. По дороге худые, истощенные лошади встали и не могли тронуться дальше, тогда я дал им отдохнуть, а за это время нарвал несколько кочанов молодой кукурузы, растущей тут же по обеим сторонам дороги, и стал кормить голодных лошадей. В это время откуда ни возьмись появился верхом колхозный объездчик и поймал меня как «вора» на месте преступления. Был составлен соответствующий протокол и направлен по назначению. Через несколько дней я был арестован и отправлен сюда, в подвал ОГПУ.

— За неимением рыбы и рак рыба, — сказал однажды один из заключенных, указывая в камере на худого человека средних лет с козлиной бородой и шустрыми, постоянно бегающими глазами, печника по профессии.

— Накажи меня Бог, если я больше десяти кирпичей взял, и то не сразу, — твердил каждый раз при разговоре печник.

Обвинялся он также за расхищение государственного имущества.

— Наше положение особое, — горячился он, — я рабочий человек, дома жена, дети, кушать надо, а работы нет потому, что негде достать кирпича. Наше дело сезонное, новых печей никто не строит, остается только ремонт старых, но и для ремонта тоже нужно хотя бы несколько штук целых кирпичей. Однажды вечером, проходя мимо строящегося нового большого государственного здания, я не утерпел, взял из кучи два кирпича, спрятал их под пиджаком и принес домой. В следующие два раза взял там же, но уже по четыре кирпича, всего-то десять штук. Накажи меня Бог, если я вру. Все было бы ладно, но соседка, проклятая ведьма, заметила кирпичи в коридоре и донесла куда надо, а там не зевают, вот и пропало мое дело.

Полный, средних лет человек с туповатым лицом по имени Амбарцум, бывший владелец ресторана второстепенного разряда, постоянно клялся, коверкая русские слова:

— Ей-бог, честной слов, это неправда, я не знал.

Дело в том, что его обвиняли в тайном хранении серебряных монет. Здесь нужно пояснить, что незадолго до ареста Амбарцума правительством был издан приказ, обязывающий население сдать в Госбанк все наличие золотых и серебряных вещей, а также монет, оставшихся от старого времени, в обмен на бумажные советские деньги. В свое время это мероприятие было вопросом большой важности для Советского государства. Писались большие статьи в периодических изданиях, выступали ораторы-пропагандисты на собраниях, питающие⁶ доказать, что одним из видов человеческого рабства является признание ценности золота, серебра и других драгоценностей вообще. «Придет время, — говорилось в одном месте, — когда человечество осознает свою глупость, отойдет от этих понятий, начнет смотреть на золото как на обыкновенный металл и будет делать из него кровати и прочую домашнюю утварь».

Наш рестораник сдал все наличие серебра, имеющегося у него, согласно приказу, но дома у него оказалась еще копилка для детей, где собралось какое-то количество мелких серебряных монет, о существовании коей бедный Амбарцум мог и не знать, так как он мало бывал дома или, может быть, просто упустил из виду. Однако какой-то услужливый сосед донес об этом властям, и заварилась каша.

— Однажды поздно ночью явились ко мне домой три чекиста, — говорил рестораник, — произвели тщательный обыск в моей квартире, кроме копилки, ничего не нашли, но меня забрали сюда, в подвал.

Когда вам не понравился простой некультурный человек, то при желании вы быстро можете найти причину, почему именно он вам противен. Другое дело интеллигент, он умеет скрывать свои чувства, свои дурные качества, прикрывая их светской вежливостью. Таким образом, самого настоящего бандита душой вы можете принять за любезного, порядочного человека. Один из таких типов сидит вон в дальнем углу, одинокий, скучный, худой, с сильно изношенным лицом. Он старый шестидесятилетний педагог, типичный интеллигент с политической психоманией. Я лично знал его на воле много лет как социалиста левого толка, тогда он поль-

⁶ Так в рукописи. По смыслу должно быть «пытающиеся». — Изд.

зовался неплохой репутацией, но здесь он ведет какую-то двойную игру. Он безбожник, настоящий материалист, но не коммунист. Неизвестно, что его привело сюда, в нашу камеру, и какое обвинение против него.

Одним из самых серьезных занятий у нас в камере считалось гадание. Этим делом ведал молодой сельчанин-спец по имени Хаджумар, на редкость стройный, красивый, двадцати пяти лет, с небольшой черной бородкой. Гадал он всем, угождая каждому, совершенно безвозмездно до самого вывода на расстрел. Он ставил стакан воды на начерченных на полу крестообразных линиях так, чтобы дно стакана стояло в самом центре. Таким образом, из-под стакана выступали линии на четыре стороны. Против одной из них стояла буква «Р» — это означало расстрел; против второй линии буква «С» — это означало свободу; против третьей линии буква «Л» — это ссылка в концлагеря; и, наконец, против четвертой линии буква «Т» — это означало перевод в тюрьму с незначительным сроком. Воду в стакане сперва он сильно мешал палочкой, затем бросал туда кусочек отломанной спички, который долго кружился во вращающейся воде. Вокруг гадальщика сидели на полу и стояли до десяти-пятнадцати человек, следивших за движением кусочка спички самым серьезным образом. Наконец вращение воды медленно прекращалось, и кусочек спички останавливался, пристав к стенке стакана над какой-либо из четырех линий, вот и все гадание. В другой обстановке, т. е. на воле, никто бы из них не занимался этой чепухой, но здесь были серьезно верующие в это гадание, даже среди солидных людей. Долгое пребывание в подвале ГПУ и тяжелые переживания в нем поразительно влияют на психологию людей, большинство из них теряет равновесие, устойчивость, волю и постоянно, шаг за шагом опускается до уровня животного. Наш педагог-атеист вначале не обращал внимания на это гадание, но теперь, как ни странно, начал понемногу принимать в нем участие якобы ради шутки. Сегодня случай надсмеялся над ним поразительно, три раза гадал ему молодой Хаджумар, и три раза подряд, как по заказу, кусок спички останавливался на линии с буквой «Р». Вот почему он забрался в дальний угол камеры и сидел удрученный с искривленным, опущенным вниз лицом, как будто через полчаса собираются вывести его на расстрел.

— Все же мое дело самое глупое, самое фантастическое, самое липовое, а следовательно, самое интересное из всех, что есть в нашей камере, куда вам всем пешком до меня.

Так начал повествовать историю своего ареста полушутя цветущий молодой человек, выше среднего роста, тридцати лет, с целым снопом черных волос на голове, по фамилии Кацман.

— Какую статью закона подберут для меня, покажет будущее, — продолжал он, — но должен вам сказать, что я не маленький человек, а бывший зав бывшей мифической организации.

Все слушатели повернулись к Кацману в ожидании, что скажет дальше.

— А как же ты сумел попасть в завы, не будучи партийным? — спросил его кто-то.

— Какой же я Кацман, если я не знаю, как нужно пролезть в завы.

Послышался смех, Кацман немного смутился, потом продолжал.

— Как я замечал еще на воле, в вашей маленькой республике много проходимцев и злостных фантазеров-бездельников. Так вот один из этих типов, который в данный момент тоже сидит здесь, где-то в подвале, еще в прошлом году достал несколько килограммов лесных чинаровых орехов и выдавил из них масло. При химическом анализе масло это оказалось по качеству прекрасным и вполне съедобным. Фантазер-дурак был на седьмом небе от восторга и, желая выдвинуться на службе, подал официальное заявление о своем открытии в продовольственную организацию, приложив к нему обширный план заготовки лесных чинаровых орехов. Продоволь[ственная] организация горячо ухватилась за это дело, подняли шум-гам, но нужные денежные средства у них не оказались, тогда обратились они с просьбой в Москву, изложив дело в ярких красках. В центре отнеслись к этой идее благосклонно, и нужный кредит был отпущен. Вот тогда-то я и был назначен Москвой завом этой заготовительной организации, таким образом имел я несчастье приехать в ваш паршивый город, — с иронией подчеркнул Кацман. — Вся трагедия заключается в том, что ни одна саманная голова, в том числе и моя, не подумала о том, можно ли заготовить в этом районе то количество орехов, которое предусматривал план, и какое время потребуется для его выполнения.

Между тем штат служащих был набран, мне отвели хорошее помещение на Пролетарском проспекте, и я как зав занял свой хорошо обставленный кабинет. К началу сезона заготовки из Москвы прибыли к нам разные товары: мануфактура, галантерея, обувь и так далее, это в счет отпущенного нам кредита, этими

товарами мы должны были расплачиваться вместо денег с рабочими по заготовке орехов.

Первые же дни нашей работы нам показали, что наш план липовый и вообще он неосуществим по следующим двум причинам. Во-первых, этот проклятый орех слишком мелкий, не круглый и не квадратный, а какой-то трехгранный да еще гладкий, как отполированный, и плохо держится между пальцами. Орех падает с дерева на землю, скажем, а под вековым громадным деревом в лесу земля настолько рыхлая, что нога утопает в ней, а сверху покрыта толстым неровным слоем старой листвы, вот и ищи в этой массе свой дурацкий орех. Практика показала, что взрослый рабочий собирает в день в среднем три-четыре килограмма, а подросток до пяти килограммов, тогда как по плану рабочий должен собрать в день от ста до ста пятидесяти килограммов. Во-вторых, указанного планом количества орехов не только нет в нашем районе, но не имеется его вообще на всем Кавказе. Мы не смогли выполнить и сотую долю нашего плана, вот мы и попали в ловушку во главе с дураком-фантазером.

— В наше время нельзя жить правдой, — часто говорил с возмущением хлебороб-казак, небольшого роста, лет тридцати пяти. — Я не верю больше никому и ни во что. Нас было два брата: Павел и я, Михаил, жили мы в станице с женами и кучей детей в своем собственном дворе. Имели две лошади, две коровы и одну телку, хорошую, жирную. Вся скотина была уже отбрана и записана в колхоз и числилась за ним, только за неимением помещения и корма не забирали ее, и она пока оставалась у нас во дворе. Однажды наедине Павел обратился ко мне: «Михаил, давай зарежем нашу телку, хорошее мясо будет, мы голодные как собаки, давно мясо не ели, да и дети бедные наши полакомились бы». Я посмотрел на брата с удивлением, потом подумал и согласился. Затем начали обдумывать план: как бы вышло так, чтобы сельсовет не придрался к нам. Судили да рядили, наконец решили: выкопали глубокую яму во дворе, прикрыли ее хворостом, а сверху подсыпали солому и давай гонять нашу телку. Долго нам не удавалось загнать телку в яму, наконец она попала с размаху прямо туда, куда нужно, и сломала себе шею. Мы подскочили к ней с готовым ножом и прирезали ее. Жены наши сильно обрадовались и похвалили нас за смелость, а дети были в восторге в ожидании давно небывалого ужина.

— А вкусное мясо было, наверное? — облизываясь, спросил Кацман.

— Как не быть вкусным? — продолжал казак. — Такая жирная была телка, только последствия вышли слишком горькие. Да и ели-то мы один раз за ужином в тот же вечер, а утром пришли из сельсовета, арестовали нас, двух братьев, а мясо и шкуру забрали. Какой-то дьявол узнал и сейчас же донес в сельсовет. Уполномоченный ОГПУ еще там угрожал, что нам будет плохо за расхищение государственного имущества. Где же тут правда?

— Совершенно правильно, — вмешался в разговор Кацман, — расхищение самое настоящее, ты же кушал вкусное государственное мясо.

— Да какое же оно государственное? — возмущался станичник. — Телка была наша, корова была наша.

— Как ты не хочешь понять, саманная голова, — расхохотался Кацман, продолжая шутить. — Телка ваша — мясо наше, корова ваша — молоко наше, земля ваша — хлеб наш, курица ваша — яйцо наше, даже море ваше — только рыба наша.

Казак посмотрел на Кацмана как-то странно и недоверчиво и разочарованно махнул рукой, отрицая этим движением все его доводы.

Во время этого рассказа в стороне стоял и внимательно слушал юноша шестнадцати-семнадцати лет по имени Гацци. Еще в первые дни, когда он попал к нам в камеру, Гацци рассказал нам историю своего ареста на самом древнем своем родном языке.

— Я был колхозным чабаном, — говорил он. — Однажды пас я небольшое колхозное стадо овец у опушки леса, далеко от нашего села. Лежал себе на траве и распевал разные вещи, а овцы мои паслись спокойно, вдруг неожиданно из леса вышли два человека и направились прямо ко мне. Я испугался, хотел было бежать, но они крикнули и остановили меня, один из них подошел ко мне поближе и говорит мне: «Не бойся нас, мы тебе плохого ничего не намерены делать, только дай нам хлеб, если у тебя есть». Я посмотрел на них, они были бледные, грязные, и, конечно, догадался, что они раскулаченные люди из какого-то другого села. Я отдал им весь свой хлеб, что был в моей сумке, и они ушли в лес. Вечером дома я рассказал об этом, а на следующий день все население нашего села знало о моей встрече с людьми в лесу. Через два дня вызвали меня в сельсовет, где сидел только что приехавший уполномоченный ОГПУ, он кричал, сильно волновался и

обвинял меня, что я нарочно доставлял хлеб для кулаков, находящихся в лесу, и тут же меня посадили в сельскую тюрьму, а потом отправили с другими арестованными сюда.

Раскулаченные сельские жители, бежавшие в лес, властями были объявлены бандитами. Так как Гази обвинялся за соучастие с ними, т. е. якобы он был поставщиком продуктов питания для них, то его приравнивали к ним, следовательно, он тоже бандит.

Гази имел заслугу перед нынешним и будущим поколениями камеры № 10. Он каким-то чудом сумел принести с собою в камеру свой чабанский небольшой самодельный нож, который не раз вводил наших чекистов в недоумение и часто ставил их в глупое положение. Если бы кто-нибудь взялся написать историю камеры № 10, то чабанский нож в ней занимал бы не последнее место. Мы пустили нож в ход для разных наших потребностей, но главное — разрезали им на пайки старый черствый казенный хлеб, выдаваемый нам большими буханками. По-видимому, дневальный, тайком иногда наблюдающий за нами в волчок, заметил куски хлеба, нарезанные ножом. Почти каждое утро во время пятиминутной прогулки в нашей камере производили обыск, но ножа не находили по той простой причине, что в это время его никогда в камере не было. Способ сохранения ножа был найден простой: мы его клали снаружи за решеткой, в небольшое углубление между стеной и асфальтом двора, куда никогда никто не заглядывал.

Однажды в полночь, во время сна, внезапно дверь нашей камеры открылась, и чекист втолкнул к нам в полумрак человека среднего роста в лохмотьях, с запутанной черной бородой и большой сумкой на плече. Хотя дверь быстро закрылась обратно, но мы все же перепугались, так как это плохое время ночи, затем начали рассматривать новичка. С первого взгляда мы приняли его просто за нищего бродягу. Вся одежда его, начиная с обуви и кончая головным убором, была из домашнего грубого сукна, старая, изношенная. В любом европейском городе, посади его на паперти какой-нибудь церкви, он сошел бы за стопроцентного нищего. Он медленно провел глазами по камере⁷, потом стал быстро раздеваться — очевидно, духота нашей камеры начала на него действовать.

⁷ Сюда вписаны поверх строки следующие слова: «его открытый рот и расширенные глаза говорили что». По-видимому, автор хотел расширить описание, но не завершил вставку, оставив ее без согласования с основным предложением. — *Изд.*

— Ты, бродяга, проворовался, что ли? — обратился к нему кто-то из заключенных.

— Я не бродяга и вовсе не вор, — обиженным тоном ответил новичок. — Я горец-чабан, родился и жил в Куртатинском ущелье.

Дальше никто не стал больше его расспрашивать в такой поздний час, так как дневальный не любит ночью шум и мог усмотреть в этом нечто преступное. Утром чабан рассказал нам свою краткую нехитрую биографию.

— После смерти моих родителей я остался двенадцатилетним мальчиком, — начал печально горец. — Много мне пришлось пережить на своем веку, будучи еще наемным чабаном за кусок хлеба. Много лет тянулось мое мучение. Наконец, будучи уже взрослым, я нанялся к одному хозяину чабаном, через два года он честно рассчитался со мною, отдав мне условленные тридцать овец и три барана. Перебрался я в старую отцовскую саклю и взял себе в жены такую же бедную девушку, как и сам. Зажили мы с ней в бедноте, но никто нас не обижал, а через известное время появились дети. Хлеб у нас покупной, я никогда ничего не сеял потому, что у меня нет пахотной земли, поэтому весь доход от моих овец уходил на содержание семьи, и стадо мое к этой осени достигло только ста голов. Но тут-то настигла меня беда.

Глубоко вздохнул чабан и вдруг прервал свой рассказ, опустил голову и заплакал. Кому не приходилось видеть плачущего взрослого мужчину, тот едва ли поймет, какое удручающее впечатление производит эта картина. Лицо чабана, и так некрасивое, искривилось и приняло ужасную форму, по обросшим щекам катились крупные слезы. Он прикрыл лицо руками и плакал, а большая его борода тряслась при каждом содрогании. Слушатели с глубоким сочувствием молча ожидали продолжения рассказа. Прошло несколько томительных минут полной тишины, потом, немного успокоившись, он продолжал опять.

— Я простой чабан, ничего я не понимаю в этих мудреных государственных делах. Пять дней тому назад вечером, когда я пригнал свое стадо домой, мне вручили повестку сельсовета, находящегося ниже нашего аула километра на три. На следующий день я стоял перед столом председателя сельсовета. Он прямо предложил мне немедленно сдать свое стадо овец местному колхозу по-хорошему. «Иначе будет плохо тебе», — пригрозил он мне. Я растерялся, страшно был возмущен. Подумайте, — с возмущением говорил чабан, — как я могу отдать своих

овец, а мы, жена, дети, чем будем жить? Председатель подвинул на столе в мою сторону какую-то бумагу и говорит: «Приложи палец, давай я тебе намажу его чернилами, уже написано заявление от твоего имени, что ты добровольно сдаешь свое стадо овец колхозу. Я окончательно вышел из себя, отбросил бумагу в сторону и начал ругаться с ним, назвав его разбойником-грабителем. Меня сейчас же схватили и посадили в чулан. Три дня держали там, а потом районный уполномоченный ОГПУ отправил меня сюда, в город.

Через некоторое время, после первого же допроса, выяснилось, что чабан включен в список кулаков и к нему применена 58-я статья с одиннадцатым пунктом, т. е. он признан бандитом. Это значит, его ожидает минимум десять лет каторжных работ в исправительно-трудовых лагерях или максимум — расстрел.

В сумке чабана оказались овечий сыр, несколько круглых чурочков, крепких, как камень, из кукурузной муки и вареный копченый бараний курдюк. Этот курдюк наделал нам много неприятных дел и хлопот, и мы долго и часто вспоминали о нем. На второй же день своего пребывания в камере щедрый горец вынул из сумки курдюк, разрезал его нашим ножом на красивые, тоненькие, длинные ломтики, раздавая их всем направо и налево. Невероятно приятный, вкусный аромат и зеркально прозрачный вид свежерезанных ломтиков копчен[ого] курдюка привели нас в восторг. Мы облизывались поминутно, глотая слюни, затем ели его с большим наслаждением. Однако последствия этого курдюка оказались для нас самыми печальными. В голодных, истощенных желудках копченый жир сделал свое дело, и через несколько часов многие из нас заболели сильным и болезненным расстройством желудка. То и дело один отходил от параша, другой подходил к ней, беспрерывно почти целые сутки. Камера наша превратилась в крошечный ад, густой зловонный воздух наполнил все помещение, люди буквально задыхались.

— Подходи, товарищи, отходи, товарищи, — командовал чудак Кацман, встав у самой параша и пустив в ход свои шуточки, размахивая руками. — Высокоцитимые мужи науки, педагоги и профессора, товарищи колхозники, знатные конюхи и сторожа колхоза, доморощенные липовые бандиты и прочие и прочие, подходите смело и не стесняйтесь, вокруг параша милой объединяйтесь и дружным хором спойте «Мы смело [в бой] пойдем за власть советов».

Однажды в обеденное время чабан вынул опять оставшийся кусок курдюка, нарезал его и спокойно, как ни в чем не бывало,

глотал ломтик за ломтиком, но никто из нас не захотел, конечно, принять участие в трапезе с ним.

— Ты окаянный, путаная борода, — обратился к нему Кацман, — нищий кулак-кросос, что за дьявольскую холеру ты нам привез из своего дикого ущелья? Мы тебе покажем, подожди! Холера тебе в живот за твое дурацкое угощение.

А горец мигал своими маленькими глазами, спокойно смотрел на Кацмана, не переставая жевать свою пищу, так как он не только не понимал угрозы Кацмана, выраженные на русском языке, но едва ли видел вообще когда-либо русского человека.

— Я по профессии комиссионер, — говорил скороговоркой человек среднего роста, тридцати лет, городской полуинтеллигент.

Во время разговора слова слетали с его языка, как пули из автомата, а слюни сыпались на собеседника, поэтому каждый сторонился его, отходя на некоторое расстояние.

— С тех пор как нет больше частной собственности и торговли, — продолжал он, — я остался без всякого дела, как рыба на голом льду. Я долго бедствовал, нуждаясь в куске хлеба и самом необходимом в доме, тяжело было мне смотреть на жену и детей в такой нужде. Однажды я встретил знакомого зубного врача, который попросил меня достать ему как-нибудь лом золота, хотя бы несколько золотников. «Представьте себе положение зубных врачей и техников, — говорил мой знакомый врач, — на рынке золота нет, да кто смеет его продавать открыто после того, как Госбанк забрал все золото и серебро. Мы остались без работы, хоть кричи караул. Я схватился за это дело и начал тайком осторожно спрашивать у знакомых. Нужда у всех была большая, каждый рад продать лишнюю вещь и купить другое, более необходимое, это обстоятельство помогло мне, и дела мои пошли недурно. Я скупал старые кольца, браслеты и другие разные вещи как лом и продавал их зубным врачам по вполне выгодным ценам. Однажды один мой знакомый передал мне по секрету, что одна дама желает продать свои драгоценности, указав мне подробный адрес ее. На следующий день я сидел против красивой молодой женщины в ее комнате и торговался с ней. Драгоценности оказались ценными вещами и достались мне по весьма недорогой цене. Я вернулся домой с драгоценностями. Жена моя сильно обрадовалась такой удаче, и мы с ней строили разные планы залатать наши нужды и недостатки, но судьбе было угодно другое. Поздно в эту же ночь пришли из ОГПУ ко мне на квартиру, перерыли все и забрали не только драгоценности, но и меня са-

мого как спекулянта, торгующего запрещенным валютным товаром. Теперь я понял, что это за красивая дама была и как я, дурак, осел, легко попался на удочку.

Жизнь в подвалах ГПУ страшная, тяжелая и скучная. Однако, говорят, и в аду бывают приятные минуты. Так у нас бывали и моменты веселья, в особенности когда шутил наш общий любимец Кацман. Но среди нас был человек, который никогда не принимал участия в общем веселье. Он часто глубоко вздыхал и печально качал головой. Настоящее его имя я не помню⁸, но мы его называли американцем. Он был среднего роста, коренастый мужчина сорока или сорока пяти лет, с одним глазом.

— Будучи совсем молодым человеком, я добрался в Соединенные Штаты Америки, — начал однажды он. — Большую часть своей жизни я провел в самом Нью-Йорке. Судьба столкнула меня там с тогдашним коммунистическим движением. Я был молод, эта идея мне пришлась по душе, и я начал работать в ней, изучив английский язык и грамоту. Меня ценили в партии, так как я выполнял порученные ею мне обязанности всегда аккуратно и охотно. Часто приходилось мне разъезжать по другим городам Америки с разными тайными поручениями. В Нью-Йорке разносил я в определенные места разные нелегальные листовки, прокламации и тому подобную литературу. Американская комм[унистическая] партия иначе смотрит на жизнь, там нет того насилия. В Америке существуют два вида печати: одна из них демократическая, или назовите ее капиталистической, как хотите. Она писала правду о Советском Союзе, в этом я убедился здесь за два года своего пребывания. Другая — левая печать, в особенности за последнее время она сильно преувеличивала достижения Советского Союза, восхваляя небывалую свободную жизнь в нем и в то же время скрывая его отрицательные стороны. Я был одним из легковых и тупоголовых людей, а нужно вам сказать, что этот сорт людей легко верит красивым словам. Сказка о чудесной жизни в Советском Союзе сильно возбуждала мое любопытство, прибавьте сюда мою любовь к родине, любовь к дорогим моим родным, прибавьте мою привязанность к моему народу, к друзьям моей ранней молодости, и вы перестанете удивляться, почему я оставил Америку.

⁸ Слова «я не помню» вписаны вместо зачеркнутых «было Габо». Далее в двух случаях имя Габо вычеркнуто и заменено на местоимение «он», где-то упоминание Габо сохранено — по-видимому, автор не успел их исправить, рассчитывая вернуться к рукописи. — *Изд.*

Прибыл я сюда с партийным билетом в кармане, местная коммунистическая партия приняла меня в свою среду с восторгом. Через короткое время меня назначили на хорошую должность в административном аппарате. Однако служить там мне долго не пришлось. В первые же дни своей службы я начал замечать нехорошие поступки власти, совсем не по моим убеждениям, и чем дальше шло время, тем больше я разочаровывался. За мною, конечно, следили и, вероятно, заметили мое охлаждение к делу, тогда меня сняли с этой должности и перебросили в родное мое село в качестве зава местного кооператива. Мои чистые политические убеждения были оплеваны, я пережил глубокое разочарование и страшно жалел о своем необдуманном приезде из Америки сюда, но вернуться обратно возможности уже не было.

Наше село, куда я был назначен завом кооператива, большое, когда-то оно было богатое, к моему приезду из города на мою новую должность раскулачивание в нем заканчивалось. Лучшая часть населения была уничтожена, или увезена в Сибирь, или на далекий Север Союза, и лишь незначительная часть из них бежала в ближайший лес, спасая свою жизнь, а семьи их были выгнаны из собственных дворов и группами ютились под заборами на улице под дождем и снегом глубокой осенью. Никто не смел помочь им, облегчить участь несчастных женщин, детей и беспомощных стариков, боясь сурового приказа власти, гласящего не оказывать им никакой помощи, а тот, кто нарушит приказ, немедленно сам подлежал раскулачиванию. Так строит социализм «миролюбивая», «добрая» народная власть Советов. Если это коммунизм, если это народная власть, то я больше не коммунист и никакого участия в этой народной власти не хочу принимать. Я в корне не согласен с уничтожением тружеников — кормильцев всего живого. Не согласен также я с объявлением властью вне закона названных бандитами людей, всю свою жизнь проведших в труде за плугом. Я потерял сон, сердце мое ныло от обиды за них, а совесть моя страдала и грызла постоянно. «Вот для чего бесился я всю свою жизнь, вот для кого работал я?» — упрекал я самого себя. Это и есть пропасть с гадкой, грязной трясиной на дне, куда свалился, и погибнуть должен я со своими жалкими убеждениями.

Однажды поздно ночью явились ко мне из леса двое из этих «бандитов» прямо домой. Голодный, одичалый вид моих добрых, мирных сельчан глубоко тронул меня. Они рассказали мне о жал-

ком, беспомощном положении людей, находящихся в лесу, сколько из них умерло, сколько лежат больными и как они жестоко страдают от голода. Рискуя своим благополучием, а может быть, и своей глупой головой, я отпустил им мешок муки из кооперативного амбара. Дело это, конечно, быстро раскрылась, я был немедленно же арестован и отправлен сюда.

Габо обвинялся также по 58-й статье с одиннадцатым пунктом, и тем самым включили его в число «бандитов».

— В общем и в целом, — вмешался в разговор Кацман, — выходит, что советский бандит и американский коммунист объединились в одном лице, вот и все.

Среди перечисленных разнообразных людей в нашей камере выделялся своей высокой, стройной фигурой мужчина тридцати восьми — сорока лет по имени Бекир. Широкие плечи, выдающаяся вперед волосатая грудь, громадные черные усы и густые брови придавали ему грозный вид. При всей своей мужественности он был так красиво сложен в талии, что любая девушка могла бы позавидовать ему. Это тот самый Бекир, который в начале революции, во время разбоев и беспорядков в северной части Кавказа, предложил свои услуги только что образовавшемуся Горскому правительству, дабы ликвидировать бандитизм и беспорядки в самый короткий срок. Бекир был замечательно находчивый человек, никогда не терялся, ни при каких обстоятельствах, но плохо владел русским языком. Однако и этим своим недостатком он умел пользоваться, когда это было нужно. Другой бы на его месте смущался, так нескладно слагая слова, а он, наоборот, критиковал других, нарочно иногда перекидываясь⁹ непонимающим, и всегда у него выходило смешно и удивительно удачно.

Полтора года тому назад Бекир был выслан местными властями из родного края как нежелательный элемент.

— Я покинул родной дом с большой болью в душе, — говорил он печально, — оставив дома жену и трех малолетних детей. Поехал в Дагестан и там устроился на работу сносно, но страшно тосковал по семье и беспокоился за нее. Три раза посылал свою просьбу нашим властям разрешить мне приехать на родину на два-три дня и забрать к себе свою семью, но ответа не получил. Наконец решил я рискнуть приехать тайком, без разрешения, но попался на второй же день. Приезд мой никто не заметил, так как с железнодорожной станции я отправился пешком до родного

⁹ Так в рукописи. По смыслу должно быть «прикидываясь». — Изд.

села вечером, и только поздно ночью я подкрался к собственному дому, как настоящий вор. На следующий день, очевидно, по веселому настроению моей жены и детей кто-то заподозрил и проследил, так как вечером я уже был арестован.

Бекир сидел в камере № 10 двенадцать месяцев, причем его ни разу еще не допрашивали. За это время он многое видел здесь, многое изучил. Он знал значение каждого звука, каждого шороха, доносящихся к нам со двора или из коридора. Его пытливый ум прекрасно разбирался в разнообразных видах дьявольских хитростей, применяемых комендантом для вывода людей на расстрел. Выделялся Бекир еще тем, что он не примыкал в камере ни к группе горожан, ни к сельчанам, а держался как-то особо, несмотря на это, все относились к нему с уважением.

Однажды, в один из нудных, скучных вечеров, возник спор между Бекиром и группой заключенных. Бекир категорически утверждал, что посредством какой-то комбинации, ведомой только ему одному, он может устроить так, чтобы через полчаса два человека из нашей камеры могли выйти во двор. Никто из нас, конечно, не поверил этому, но ради шутки некоторые нарочно горячо продолжали вести разговор. Несмотря на абсурдность этой фантастической выдумки, неожиданно для всех спор состоялся. Бекир, приняв серьезный вид, сейчас же приступил к делу. Он взял кружку с питьевой водой и начал ею обливать нижнюю часть нашей параша местами, затем разлил воду вокруг нее на полу, создавая этим вид, будто она течет. До этого момента весь спор, вся работа Бекира похожи были на шутку, но когда он начал громко стучать в двери своим громадным кулаком, вызывая дневального, все ахнули от испуга и смотрели друг на друга со страхом, как бы спрашивая один у другого, а что будет дальше. На самом деле это была плохая шутка, из этого могли выйти самые плохие последствия, если бы коварный наш комендант догадался, что это наша шутка. Многие оробели и начали роптать, упрекая в этом Бекира, но уже было поздно. Дневальный успел открыть волчок и, пуская через него многоэтажную ругань, спрашивал, в чем дело.

— Зови коменданта, параша течет, — твердым голосом проговорил Бекир.

Через некоторое время явился к нам комендант в сопровождении двух чекистов. Они поверхностно осмотрели вонючую нашу парашу. В полумраке, конечно, не могли обнаружить обман, да и дышать гадким нашим воздухом им было тяжело и противно, по-

этому быстро повернулись и ушли, приказав немедленно вынести парашу во двор и починить ее. На зов Бекира двое из молодых людей взялись за это дело и быстро вынесли эту гадость. Причем на ходу Бекир давал им наставление нарочно громко на виду у дневального, как нужно забивать обручи параша потуже, а шепотом на ухо одному из молодых людей, говорил: «Протянуть дело подольше и подышать воздухом». Итак, обязательство, принятое Бекиром, выполнено с искусством: два человека по уговору не только вышли во двор, но и провели на свежем воздухе целых пятнадцать минут. Но это еще не все, главное заключалось в том, что в это время дверь наша была приоткрыта, и мы с наслаждением дышали свежим воздухом сквозняка. Страх давно уже прошел, у всех был самодовольный вид, будто на самом деле совершили подвиг, так как результаты уже видны, всем ясно, что баловство наше с огнем прошло удачно. Наконец вернулись и наши двое молодых людей, горделиво внося в камеру на руках парашу и многозначительно улыбаясь, видно было, что они также в восторге от выполненной ими задачи. Дверь закрылась, все бросились к Бекиру и начали его поздравлять с успехом, брали его за руки, за плечи, хлопали его по спине. Наконец подошел к нему и профессор.

— От души поздравляю вас, Бекир, — горячо и вполне серьезно говорил он, — превосходно, очень остроумно и удачно, но должен вам сказать, что я насмерть перепугался.

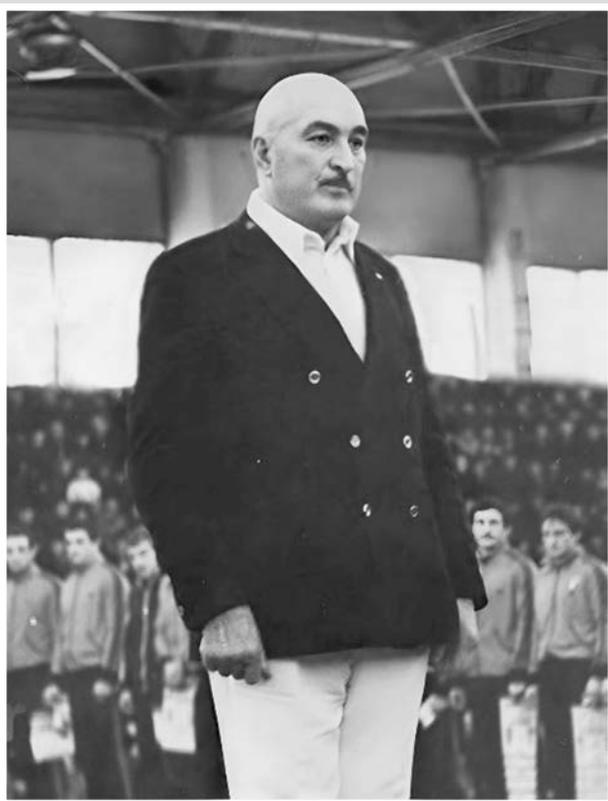
Кацман шутил, прыгал, задевая то одного, то другого, создавая веселое настроение. Все радовались чему-то, как малые дети.

Окончание следует.

Аслан-Бек ДЗГОЕВ

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

ВОСПОМИНАНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ОСЕТИНСКОЙ ШКОЛЫ ВОЛЬНОЙ БОРЬБЫ
АСЛАН-БЕКА ЗАХАРОВИЧА ДЗГОЕВА

КОМСОМОЛ

Чтобы завоевать авторитет на улице и в школе, мне не понадобилось много времени. Учился я на отлично, но в седьмом (выпускном) классе в первый раз столкнулся с тогдашней действительностью — поступлением в комсомол.

Меня вызвали в горком комсомола, и один неприятный тип начал ко мне придираться. Сначала задавал разные вопросы, потом говорит:

— А теперь расскажи, как до революции твой дед держал батраков.

Я, естественно, стал все отрицать, а он:

— А вот бдительные товарищи сообщили, что были у вас батраки. И как отнесутся к этому в школьной комсомольской организации?

В общем, в школу я так и не пошел. Вместо этого каждый день бегал в кинотеатр «Гигант» (ныне «Родина»).

Только через месяц рассказал все матери. Она посоветовалась с отцом, взяла деньги и ушла куда-то. Так у меня появился диплом об окончании семилетки и комсомольский билет.

ПОСТУПЛЕНИЕ НА РАБФАК

Рабфак ОИЦМ (Орджоникидзевский институт цветных металлов) размещался на улице Кирова (ныне музей Кирова¹). Перед самыми экзаменами мне нестерпимо захотелось повидать бабушку Мама-Нана. Встал утром, позавтракал и пешком пошел в Ольгинское. Все было хорошо, как вдруг я почувствовал себя так плохо, что идти дальше не смог, а до села оставалось километров шесть. Сойдя с дороги, я прилег на траву и тут же уснул. Сколько спал, не знаю. Разбудил меня незнакомый мужчина:

Окончание. Начало см.: Дарьял. 2024. № 2.

¹ С 1994 года здесь располагается Музей истории города Владикавказа. (Примеч. ред.)

— Ты что лежишь, мальчик? — Он потрогал мой лоб. — Так ты весь горишь!

Мужчина посадил меня на арбу и отвез обратно в город.

Болел я очень сильно, никак не могли сбить температуру. В постели я все время беспокоился за вступительные экзамены, а мама меня успокаивала, что до них еще далеко. Я не знал, что родители из-за болезни решили отложить мое поступление до следующего года. Но соседская девочка, пришедшая меня проведать, сказала, что экзамены на следующий день. Утром я подождал, когда мама ушла, выпил парного молока и пошел на экзамены.

Первый экзамен — математика. Варианты располагались двумя колонками, то есть левые и правые варианты. За столом поступающие сидели по двое, каждый решал свой вариант. Мой оказался на удивление легким; я его быстро решил, а черновик отдал позади сидящему. Затем решил правый вариант и поделился с соседкой. После этого сдал свою работу и пошел домой. Когда вернулся, дома еще никого не было, так что моего отсутствия никто не заметил.

Через два дня утром я стал собираться на очередной экзамен. Увидев это, мама спросила:

— Ты куда?

Я ответил:

— На экзамены.

— Какие еще экзамены? На экзамены ты опоздал.

Как же она удивилась, когда узнала, что я сдал первый экзамен! Так обрадовалась, что даже накрыла стол.

По всем трем дисциплинам я получил пятерки и стал носить почетное по тем временам прозвище — студент.

БОРЬБА

Бороться я начал, как и все городские мальчишки, на берегу Терека, где по воскресеньям в хорошую погоду проходили настоящие баталии, организованные старшими ребятами. Сложность состояла в том, что общих правил не было — боролись до касания земли коленом или бедром, реже до лопаток. В общем, получалась вольная борьба, только без партера. Особенно ценились броски с помощью ног — отхваты, зашагивания, подсечки. Город у нас был многонациональный, смешение народных борцовских традиций осетин, грузин, армян, персов, азербайджанцев вылилось в своеобразный борцовский винегрет. Я выступал по разным правилам с переменным успехом, но в борьбе крест-накрест был непобедим.

ДЯДЯ МИША ОГЛАДЗЕ И КРОСС

В 1934 году отец привел меня в клуб «Строитель», который размещался в нынешней госфилармонии, где одним из инструкторов по спорту был Михаил Леонтьевич Огладзе. Об этом замечательном человеке я расскажу подробнее. Трудно сложилась жизнь Михаила Леонтьевича. Когда ему было 10 лет, умерла его мать. Не успел он прийти в себя, как однажды вечером в дом принесли убитого в драке отца. Так Миша стал сиротой, а через некоторое время — беспризорником. Что только он ни делал, чтобы не умереть с голода — колосил дрова, разносил газеты, грузил кирпичи. В 1919 году даже был в партизанском отряде Сандро Гакунидзе. С детства он, как и все грузинские ребята, занимался борьбой чидаоба, но в 1916 году, когда в город приехали профессиональные борцы и цирк «Гамриалидзе», Миша заболел французской борьбой. Вскоре он сколотил группу из молодых ребят, и они стали самостоятельно изучать хитрости этой науки.

Стоит заметить, в те годы спорт рассматривался только в рамках подготовки молодежи к службе в армии. Не было никаких детских спортивных школ, а спортом начинали заниматься только в клубах при различных предприятиях и организациях. Члены этих клубов выступали по всем дисциплинам, включая футбол, волейбол, легкую атлетику, штангу и т. д. Когда Огладзе стал работать инструктором в клубе, он был молодым и очень бедным двадцатилетним парнем. И неудивительно, что мой отец Захар взял над ним шефство.

Расскажу, как Огладзе стал «дядей Мишей». Как-то раз мы по обыкновению сидели дома за обедом, и отцу не понравилось, что я обращаюсь к Огладзе просто по имени. Захотелось пошутить, и я сказал:

— Папа, если Миша называет тебя дядя Захар, значит, он мой двоюродный брат.

На что отец ответил:

— Он меня так называет, потому что я на тридцать лет старше. Ты же на десять лет младше его, так что называй его по имени-отчеству.

С тех пор я обращался к нему «Михаил Леонтьевич» и лишь иногда в шутку «дядя Миша». Самое удивительное, так стали называть его и все остальные.

Через полгода клуб выставил меня на городской кросс. Руководил командой Валентин Дмитриевич Яковлев, помогал ему дядя Миша. За неделю до старта мы с Валентином Дмитриевичем выходили на проспект, и я бегал по аллее на время. Таких тренировок

я сделал пять или шесть. А потом, за день до пробега, случилось непредвиденное: мой отец, узнав, что я побегу по проспекту в спортивных трусах, категорически запретил мне выступать æнæ хæлафæй². Еле удалось уговорить его, он согласился при условии, что я надену спортивные брюки.

Старт был возле памятника Ленину, далее поворот возле Армянской церкви и финиш около училища МВД. Перед стартом Яковлев дал мне такую установку:

— Сразу вперед не вырывайся, но далеко лидеров не отпускай. Когда дядя Миша крикнет «Давай!» — беги изо всех сил... И еще запомни: мертвую точку можно преодолеть только волей.

— А что такое мертвая точка? — спросил я.

— Будет момент, когда ты уже не сможешь бежать, но потом откроется второе дыхание, и станет легко.

Со старта многие вырвались вперед. Я же остался где-то в двадцатке, вспомнил слова Валентина Дмитриевича и стал обходить одного за другим. Возле теперешнего кинотеатра «Октябрь» почувствовал себя очень плохо. Вот это, видимо, и есть мертвая точка... — подумал я и побежал через не могу. На повороте на площадь Свободы дядя Миша стал бежать вместе со мной. И вдруг я почувствовал себя хорошо и, когда Огладзе крикнул «Давай!», понесся так, что в ушах засвистело. Впереди было только четыре человека, за десять метров до финиша я легко их обогнал и грудью разорвал финишную ленту — при этом почему-то захохотал.

Все начали меня поздравлять, но больше всех радовался дядя Миша — он аж затанцевал и запел: «Москва, Москва!..» Как позже я узнал, в случае моей победы в кроссе его обещали отправить в Москву на учебу.

Начальство не обмануло, и уже через месяц мы провожали его. Мой отец купил ему костюм, и дядя Миша уехал завоевывать столицу. Но учеба для него закончилась на первой же сессии: преподаватель анатомии зарубил его по причине того, что Огладзе с трудом мог писать и читать.

Вернувшись во Владикавказ, он продолжил тренировать меня по борьбе, которую я стал совмещать с боксом. Часто он говорил моему отцу:

— Дядя Захар, да Лесик уже сейчас может выиграть любого борца в стране!

Но ко всяким соревнованиям отец относился негативно:

² Без штанов (*осет.*).

— Как можно без штанов на люди выходить? И вообще, все эти борцы — циркачи, жулики и дармоеды. А ему надо заниматься серьезным делом — учиться.

Как только Огладзе не пытался вовлечь меня в борцовский мир! Кого только не приводил для спарринга! Никто не мог выстоять со мной и минуты, включая чемпиона Северо-Кавказского края Виктора Павлова.

По прошествии времени я, конечно, понимаю, что многого дядя Миша нам как тренер дать не мог. Зато он обладал огромной харизмой и добротой, и поэтому к нему точно магнитом тянуло молодежь.

ТАМАРА ДЗУЦЕВА

О ней мне даже по истечении стольких лет трудно писать. Жила она рядом с нами на Красноармейской, 5. Мать, отец, брат Дзыбын, сестра Зара. Родом они были из Ольгинского. Одним словом, земляки. Мы очень друг другу симпатизировали, но в то же время стеснялись своих чувств. Мои и ее родители были в курсе наших отношений и ничего против не имели. Она считалась моей невестой и при других обстоятельствах я наверняка женился бы на ней. Училась она в мединституте... и умерла в 1944 году от туберкулеза. Об этом я узнал уже после войны. Как же я горевал...

АНЕТТА ДЗУГУТОВА

В 1936 году, когда я был на втором курсе рабфака, в город из США приехал Коста Дзугутов с дочерью Анеттой и сыновьями Джорджем и Дэби. Из всех средних учебных заведений английский преподавали только у нас на рабфаке. Преподавал учитель Колесников, и его, естественно, наняли для приобщения «американцев» к русскому языку.

Высокая красивая блондинка с голубыми глазами попала в наш класс и была посажена на единственное свободное место — рядом со мной. Можно с уверенностью сказать, что не было в городе молодого человека, который, увидев Анетту, не влюбился в нее. Пышные ее волосы были рассыпаны по спине до пояса, а на голове были охвачены золотым обручем. Ох, как это было красиво!

Учился я хорошо, но не воспользоваться случаем и не подтянуться по английскому я, естественно, не мог. Все думали, что мы

с Анеттой встречаемся, но и Джордж и Дэби знали, что мы просто хорошие друзья. Я защищал ее от поклонников, а она занималась со мной английским языком. Анетта была очень боевой девушкой, но бывали случаи, когда она замыкалась в себе и постоянно плакала.

Как-то мы пошли в кинотеатр «Гигант» на премьеру кинокомедии «Цирк» с участием Любови Орловой. В середине фильма она вдруг заплакала и выбежала из зала. Я — за ней. Долго ее успокаивал. Потом Анетта рассказала, что она очень скучает по маме, что они с отцом приехали провести его родственников, а обратно их не отпускают.

После окончания рабфака она поступила в Москву в Институт иностранных языков, а я — в Черноморское высшее военно-морское училище в городе Севастополе. До начала войны она присылала мне поздравительные открытки, но и после не потеряла меня — изредка мы созванивались. Она рассказала, что ее братья Джордж и Дэби пропали без вести, что она вышла замуж и что так же сильно скучает по своей маме, которую не видела и не слышала более 10 лет.

Удивительно, но я запомнил ее телефон — КЗ-06-56.

ВИКТОР НЕУВАРУЕВ

Это было еще на рабфаке. На Ростовской улице трое шалдонских босяков отняли у парня велосипед и не отдавали. Завязалась драка, и женщина звала на помощь. Я как раз шел по улице Кирова, услышал крики и бросился на помощь. Отобрал велосипед легко, и, когда отдал хозяину, эта троица поманила меня пальцем в сторонку. Один из них замахнулся на меня штакетником, это их и погубило. Я бил в полсилы, но и этого хватило. Кто-то вызвал милицию, она быстро разобралась, хулиганов увезли, а я остался и познакомился с удивительной семьей Неуваруевых.

Парня звали Виктор, раз в год он с мамой приезжал из Ленинграда к бабушке во Владикавказ. Почти каждый день я приходил к ним в гости, и там первый раз в жизни стал передвигать фигуры по шахматной доске, познакомился с произведениями Шекспира, Марка Твена, Жюль Верна, Дюма, с греческой мифологией и много-много чем еще.

Где же ты теперь, мой друг, и как сложилась твоя судьба? После войны пробовал тебя найти, но так и не смог. Буду надеяться на лучшее.

ПОСТУПЛЕНИЕ В ЧВВМУ

Для ребят моего поколения высшей мечтой было стать офицером. Отец и его друг, легендарный летчик Артур Кациан, уговаривали меня поступать в летное училище. Я для этого даже посещал аэроклуб. Ослушаться отца я не мог, но сделал по-своему. Когда в военкомате на комиссии меня закрутили на стуле и указали, куда идти, я специально пошел в другую сторону. Заключение комиссии: в летчики не пойдет, пойдет кандидатом в Морской флот.

Но случилась накладка — отборочные конкурсные экзамены в военкомате по математике совпали с выпускными на рабфаке. Что делать? Пришлось идти в военкомат и объяснять майору ситуацию. Он разрешил немного опоздать, но не более чем на час. Ох как я торопился! Через полчаса прибежал со своими соображениями к Егору Ефимовичу Тасю. Он вздернул брови:

— Неужели решил?!

Я кивнул. Он улыбнулся и отпустил.

Впервые на меня обиделись ребята, что я не помог им, но у меня была веская причина. В военкомате меня запустили в класс со словами, что, мол, все равно не успею. Как же они удивились, когда я первый сдал свои листы! Результат — отлично.

По отбору в ЧВВМУ пошли трое: Леня Мартынов, Сергей Гагивев и я.

ЛЕНЯ МАРТЫНОВ

Это был мой настоящий друг. Жил по соседству на улице Гоголя. Во время войны был командиром взвода в 8-й бригаде морской пехоты и погиб в Керчи в ноябре 1941 года. Погиб как герой, не отступив: заменил убитого пулеметчика и сумел взять кровь с фашистов — и за себя, и за весь свой погибший взвод. Слава тебе и царствие небесное!

ТОЛИК МИРОШНИЧЕНКО

У меня никогда не было друга ближе. Ни один великий скульптор не смог бы изваять фигуры красивей, чем у него. Он, как и я, в рамках физподготовки совмещал бокс и борьбу — и остался единственным борцом, которого я не смог перевернуть в партере на лопатки с помощью косога захвата.

До сих пор никто не знает его судьбу. Официальная версия — пропал без вести. А я все это время не хотел лишать надежды его мать. Во время десанта в Керчи сторожевой катер, на котором находилась рота Толи, был атакован самолетами. Катер ушел на дно мгновенно, так что спастись никто не мог. Это я видел собственными глазами. Тогда до Керчи из трех катеров дошел лишь катер с моей ротой, но об этом я расскажу позже³.

Я уже заканчиваю свою земную жизнь, но забыть друга не могу.

ЧВВМУ

Черноморское высшее военно-морское училище было образовано в 1937 году между Стрелецкой и Песочной бухтами в семи километрах от Севастополя.

Когда мы с Леней Мартыновым приехали в Севастополь, нас разместили в палатках. Одновременно со сдачей экзаменов начались дисциплинарные занятия и был внедрен распорядок дня. Все экзамены я сдал на отлично, прошел собеседование с руководством училища. Уже будучи курсантами, прошли мы трехмесячную строевую подготовку.

Об учебе писать много не буду. Изучали 42 науки: высшую математику, теоретическую механику, астрономию, химию, сопромат, теорию девиации, артиллерию, навигацию, гидрометеорологию, мировую историю, историю ВМФ, лоцию, психологию и т. д.

После первого полугодия меня назначили знаменосцем училища, присвоили звание главного старшины и освободили от строя. Моими ассистентами назначили Володю Аксенова и Толика Мирошниченко. Строевой подготовкой мы занимались отдельно от всех.

Особенно хочется отметить кафедру физического воспитания, которая на тот момент была одной из лучших в СССР. Во флоте я был чемпионом в среднем весе — и по борьбе, и по боксу. Уже с опытом моих лет хочется сказать, как трудно совмещать эти виды спорта. Думаю, что стать мастером в обеих дисциплинах сложнее, чем стать чемпионом мира в одной.

Если спортом мы занимались в рамках физической подготовки, то основными прикладными дисциплинами были: штыковой бой, холодное оружие и стрельба из всех видов огнестрельного оружия, включая крупнокалиберное.

³ К сожалению, отец не успел это сделать. (Примеч. Таймураза Дзгоева.)

ПРИВЕТ ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА

В год нашего поступления был арестован и расстрелян начальник училища контр-адмирал Озолин. Мы знали, что в стране идут репрессии, но о масштабах, конечно, не догадывались.

В конце первого курса меня срочно вызвал к себе начштаба Владимир Петрович Гаврилов. Я зашел в кабинет и увидел, что помимо Гаврилова там сидит незнакомый мне капитан. Прямо в дверях капитан озадачил вопросом:

— Курсант Дзгоев, вы почему скрыли от нас, что ваш дед служил у Деникина и до революции имел батраков? Хорошо, что в Орджоникидзе есть бдительные граждане.

Я стоял и не знал, что ответить. Потом капитан стал рассказывать такие вещи, о которых знали только самые близкие нашей семье люди. Но я стоял и молчал, хотя в голове у меня все ходило ходуном.

Монолог остановил Гаврилов:

— Курсант Дзгоев, вы свободны.

Этим же вечером Гаврилов вызвал меня на улицу и сказал:

— Знаешь, чем моряки отличаются от других? А я тебе скажу. Моряк и сука вещи несовместимые. Мы своих не сдаем. Иди и служи.

После этого, уже в немецком концлагере, я не раз убеждался в правоте его слов.

МАРШ-БРОСОК

В Черноморском флоте была традиция — раз в год устраивать ночной марш-бросок по пересеченной местности.

Готовились к нему поротно (4 класса — рота). Отбор по росту. Я был в первой роте. У нас впереди по четыре стояли ребята под два метра ростом. Я стоял в семнадцатом ряду, то есть по росту 68-й из 100.

Ночью была объявлена боевая тревога. Мы вскочили, быстро оделись, схватили оружие и с полным обмундированием — в строй. Нам объяснили, что рота совершает марш-бросок на 35 километров. Нужно проверить обувь и следить, чтобы никто в пути не отстал. Рекорд флота — 6 часов.

Ох и тяжело же это было! Лишь тогда я понял, что в походах нужно идти обязательно впереди. Если окажешься в хвосте, то всегда будешь догонять головных и скоро выдохнешься. Уже через час строй был нарушен. Я был в первой четверке, мы шли быстро, но не бежали, а вот задние почти все бежали.

Вернулись мы первыми со временем 5 часов 35 минут. Это был новый рекорд флота, и продержался он до начала войны. Интересно, проводится ли этот марш-бросок сейчас?

ЧУДО СОЦИАЛИЗМА

В Крыму 1938–1939 годов были еще голодные. В училище нас кормили относительно неплохо, но ребята всегда были голодные. Хлеб выдавали пайками, его не хватало, и все собирали сухари в своих рундуках на случай голода.

Весной 1939 года мы с удивлением узнали, что социализм в нашей стране, оказывается, уже построен. Это нам было озвучено перед обедом. И в доказательство этих слов хлеб стали класть не пайками, а в общих тарелках. Лейтенант Тесленко объявил, что хлеб не нормируется, можно есть сколько захочешь. И случилось чудо: если раньше, до социализма, нам не хватало и 1000 граммов, то при социализме мы стали наедаться и 700 граммами.

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Все курсанты учились бальным танцам. Еще во Владикавказе я небезуспешно посещал платные танцевальные курсы, которые находились в спортивном зале школы № 5. Правда, мечтал о другом — научиться выбивать чечетку. Как же я старался! Но бог не дал мне этого: для чечетки нужен хороший слух, коим я, к своему сожалению, не обладал. Лучшими чечеточниками были мои друзья — Саша Аникин и Леша Курбатов. Уже на втором курсе они в паре выступали на всех вечерах училища. А я до сих пор, хотя мне 75 лет, пробую выбить ритмическую трель ногами, но увы.

ЛЯСКОРОНСКИЙ И АРХИМАНДРИТ

Во всем Черноморском флоте не было человека умней Михаила Филипповича Ляскоронского. Небольшого роста, у него было два горба, спереди и сзади. Доктор наук, профессор, он пользовался большим уважением как командования училища, так и всего курсантского состава.

После первого же семестра первого курса, когда я на отлично сдал все экзамены и навесил лычки главного старшины, на меня стали обращать внимание. Возвращаясь как-то с обеда, я услышал голос:

— Курсант Дзгоев!

Оглянулся и, увидев Ляскоронского, бросился к нему:

— Товарищ профессор, главстаршина Дзгоев по вашему приказанию явился!

— Курсант Дзгоев, — продолжил он, — нужна твоя помощь. Архимандрит вызвал меня на диспут о боге. Не желаешь поучаствовать?

— Есть поучаствовать! — ответил я, но тихо добавил: — А что я знаю?

Позже он дал мне работы Максима Горького. Затем я прочитал все четыре Евангелия. Простудировал 32 журнала «Христианин», которые издавались до 1929 года. Одним словом, я готовился около года и на десерт раздобыл книгу одного из главных атеистов XIX века Эрнеста Ренана «Иисус», где карандашом сделал пометки.

Диспут состоялся в севастопольском Доме офицеров, и проходил он в одни ворота. На все слова Ляскоронского архимандрит сначала точно указывал, откуда тот их вычитал, а затем громил его своими доводами. Это продолжалось полчаса. Когда настала моя очередь и я принялся цитировать заученные наизусть выдержки из книг, архимандрит меня остановил:

— Бедный молодой человек, тебе не стоило читать этого беса Горького, лучше прочитай Библию сам.

— А я и прочитал, — ответил я и стал цитировать выдержки из книги Ренана, которая была прикреплена на спине Толика Миршниченко, сидящего впереди.

Тут случилось то, что повергло меня в шок. Архимандрит улыбнулся и говорит:

— Молодой человек, если книга Ренана при вас, пролистайте в заглавие.

Я быстро пролистал, а архимандрит стал по памяти слово в слово цитировать:

— Светлой душе (на слове «душа» он сделал ударение) моей сестры Генриетте, умершей в 1861 году. Вспоминаешь ли ты, покоясь на лоне Божьем (на слове «Божьем» он указал перстом вверх), о тех длинных днях в Газире, когда наедине с тобой я писал эти страницы, вдохновленные местами, которые мы посетили...

После его слов наступила тишина, и все, включая Ляскоронского, с открытыми ртами уставились на меня, ожидая моего вердикта. Я же, ошеломленный его эрудицией, тихо сел на место.

Никто не ожидал такого напора и смелости от священника, если учесть то, что за год до этого Крымская епархия подверглась

репрессиям и были расстреляны многие священники, включая епископа Порфирия.

Результаты диспута не устроили организаторов, и они его быстро завершили. Когда я выходил из клуба, архимандрит стоял и разговаривал с курсантами. Я хотел тихо проскочить, но он, увидев меня, подозвал:

— Вы откуда, с какого города?

Я намеренно сказал не «Орджоникидзе», а «Владикавказ». Он понял, улыбнулся и продолжил:

— Владикавказ раньше был красен своими церквями... Скажите мне, молодой человек, хотели бы вы жить в доме, где фундамент сделан из могильных плит?

Я, конечно, ответил отрицательно. И тут вспомнил, как в городе ходили разговоры, будто в новых домах (сталинках) для фундамента используют могильные плиты с кладбищ.

Уже вечером, сидя в кубрике, я думал: «Откуда он знает про могильные плиты? А может, все это было сказано в переносном смысле и он имел в виду не дом, а страну?..»

МЕДИНСТИТУТ

Я уже говорил, что в училище из нас готовили высокообразованных, культурных, с хорошими манерами морских офицеров. Со второго курса нас начали учить европейским бальным танцам, но за отсутствием девушек к нам прикрепили Симферопольский мединститут. В 1939 году лучшие спортсмены училища получили сухой паек и поехали в Симферополь на товарищеские встречи по борьбе, футболу и волейболу с подшефным нам мединститутом. По приезде все ребята начали вытаскивать и переносить из машин спортивный инвентарь. Я же взял все рюкзаки с продуктами и направился к главному зданию. У входа нас ждала целая толпа молодых и очень привлекательных девушек. Как же они радовались нашему приезду! Они буквально облепили всех ребят, но самое большое внимание уделяли мне. Они окружили меня, и я с трудом пробирался через эту толпу. Если вокруг всех наших ребят вертелось 5–6 девушек, то моя группа поддержки насчитывала около 20 красавиц. Если честно, я не был сильно удивлен — парень я был видный, но что-то подсказывало не задаваться особо.

Однако я уже, что называется, поплыл. Моим соперником на ковре оказался худой тщедушный студент. Перед выходом на ковер он подошел ко мне и стал просить сильно его не мять, жало-

вался, что никогда не занимался борьбой, что его заставили. В общем, я надел трико, борцовки и вышел. Судья представил нас:

— Слева — чемпион Военно-морского флота курсант Дзгоев! Справа — студент такой-то!⁴

Напротив меня стоял худой парень в семейных трусах и дырявых носках. Но выбора у меня не было — вокруг ковра с замиранием сердца ждала моей победы целая толпа поклонниц. Парень бороться совсем не умел, и я мог положить его на лопатки буквально за пять секунд. Я осторожно, чтобы не травмировать, стал показывать на публику все существующие приемы классической борьбы. Зал ликовал. Девушки кричали:

— Аслан! Аслан!

И тогда случилось то, о чем я со стыдом вспоминаю всю жизнь. Во время очередного броска под названием «вертушка» захват у меня соскользнул, и я на долю секунды коснулся лопатками ковра. Арбитр моментально зафиксировал туше. Я был в ужасе. Я никогда до этого не проигрывал никому, тем более на туше. Обхватив голову руками, я выбежал из зала и влетел в раздевалку. Тут же в раздевалку ворвалась толпа студенток, все начали меня поздравлять. Я лежал среди вещмешков с продуктами и не мог понять, с чем они меня поздравляют, а потом догадался. Они ведь даже не поняли, кто победил.

Стояли передо мной, но смотрели почему-то на вещмешки. Потом самая бойкая вдруг призналась:

— Знаете, как мы вас ждали! Нам обещали, что вы нас покормите. Мы так хотим кушать — у нас же здесь голод!

Мы с ребятами моментально расстелили брезент и выложили все продукты. Минут через десять от продуктов остались одни воспоминания.

Воспоминания об успехе среди девчат остались и у меня. Правда, этому успеху я был обязан исключительно сухпайку, который я вынес из машины.

БРЕДНИ БАБЫ ВАРИ

Эта история началась в далеком 1939 году. Моя мама часто присылала по моей просьбе в училище посылки с чуреками. А как есть чурек без молока? Жора Гайдай узнал, что в поселке Строителей можно купить молоко. Но как его свежим доставлять в училище? И тогда Леша Курбатов нашел курьера — бабу Варю.

⁴ Фамилию соперника забыл. (Примеч. автора.)

Аслан-Бек Дзгоев с сослуживцами.
Восточная Пруссия, 1945 г.

На ковре. 1947 г.

Курсанты ЧВВМУ. В первом ряду третий справа — Аслан-Бек Дзгоев

Курсанты ЧВВМУ. В верхнем ряду третий слева — Аслан-Бек Дзгоев

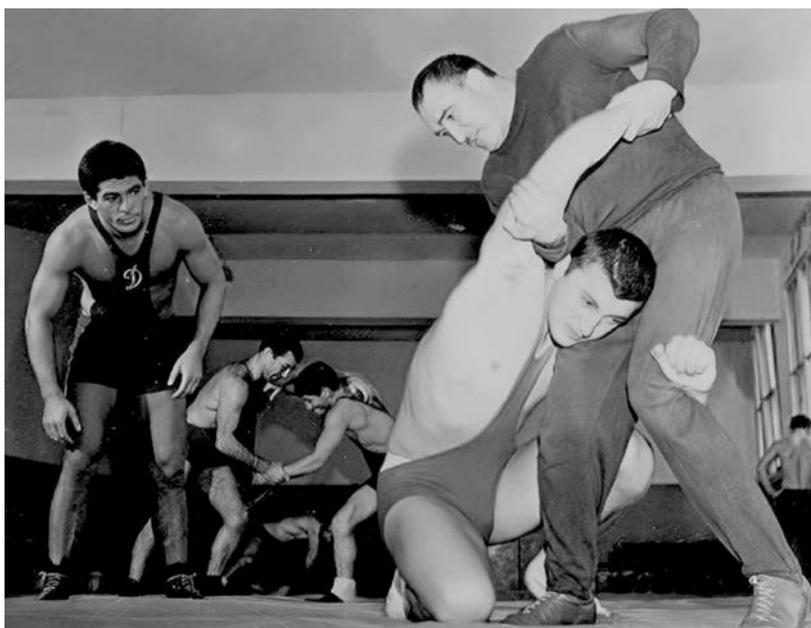
Аслан-Бек Дзгоев (стоит шестой слева) на чемпионате мира. Минск, 1975 г.

Таймураз Дзгоев. Спартакиада народов СССР, 1983 г.

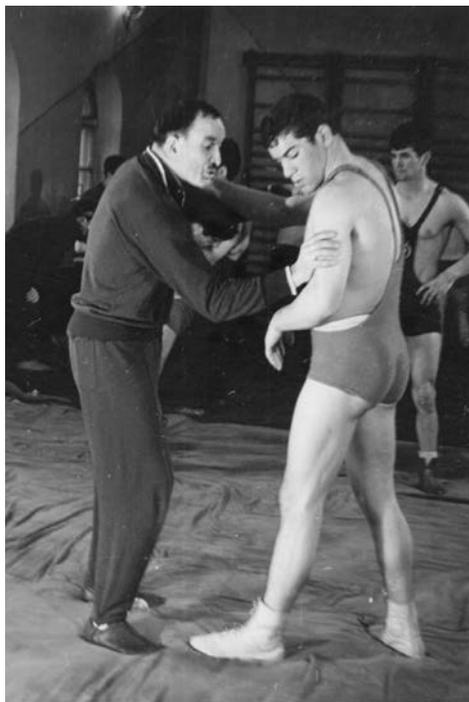

Аслан-Бек Дзгоев с Бази Кулаевым

Аслан-Бек Дзгоев с Сосланом Андиевым

Аслан-Бек Захарович
объясняет прием
видному осетинскому
борцу Алику Темираеву

Георгий,
брат А. З. Дзгоева

Анетта Дзугутова. США,
приблизительно 2005 г.

Где она жила, мы не знали, но она уже с утра, проделав длинный путь, стояла у ворот с бидончиком молока. Интерес ее был в том, что она просила за это давать ей немного, как она говорила, хлеба. Особенно с ней сдружился Толик Мирошниченко и часто пересказывал разные истории, которые слышал от нее. Мы очень удивились, когда узнали, что этой пожилой женщине нет еще и сорока. Вся ее семья и семья мужа не успели эвакуироваться с армией Врангеля из захваченного красными Крыма в 1920 году. Их всех расстреляли, а мужа и брата, которые были белыми офицерами, повесили на Приморском бульваре. Толик рассказывал, что тысячи людей висели на деревьях по всему Севастополю. Мы к ее историям относились как к страшным сказкам, которые рассказывают дети у костра. Но однажды Толик поведал нам, что несколько лет назад властями была осквернена усыпальница адмиралов Лазарева и Нахимова, что их останки выкинули на свалку, а черепами играли в футбол. Я не поверил этому. Как это может быть, если мы в училище изучаем историю, где М. П. Лазарев и П. С. Нахимов внесены золотыми буквами в летопись российского флота? Стали интересоваться у наших «историков» и получили ответ:

— Вы что, с ума сошли? Что за глупости вы слушаете? Это проски врагов. Кто вам такое рассказал?

Конечно, мы молчали как рыбы.

Толику я велел прекратить слушать бредни бабы Вари. У нас могли быть большие неприятности, и поэтому при последней нашей встрече с бабой Варей я все ей высказал — в деликатной, конечно же, форме. Но она все-таки обиделась — повернулась и молча ушла. После этого я ее больше не видел.

Минуло уже 54 года, и я не вспомнил бы этого. Но год назад прочитал, что в Севастополе состоялось перезахоронение мощей адмиралов Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина. Правильней было бы сказать — того, что от них осталось. Пока власть с сатанинским цинизмом эксплуатировала имена этих легендарных полководцев, перемешанные остатки от их мощей пылились до 1991 года в картонном ящике у кого-то в кладовке.

Прошло столько лет! Если ты, баба Варя, слышишь меня — прости...

ЧЕМПИОНАТ СССР

В ноябре 1938 года в Севастополе проходил чемпионат СССР по классической борьбе. Я был тогда на первом курсе и не участвовал в соревнованиях. Сборную ВМФ комплектовали

по итогам прошлых лет, и в среднем весе команду представлял Луспарон (Лева) Хантимерян. В те годы Лева уже был сильнейшим средневесом страны по классике и самбо, а после войны — и по вольной борьбе. Лучшего спарринг-партнера нельзя было и придумать. У нас с ним проходили целые борцовские тренировочные баталии. Благодаря ему я сразу вышел на другой уровень, а через полгода стал его уже обыгрывать. На чемпионате СССР Лева в первом же круге встретился с моим земляком Виктором Павловым, и передо мной встал вопрос: за кого болеть — за друга или за земляка. Я, естественно, болел за друга, и продолжалось это недолго. Секунд через тридцать Павлов оказался на лопатках. В финале Лева в равной схватке уступил многократному чемпиону СССР Григорию Пыльнову.

В том чемпионате впервые принимал участие и дядя Миша. Выступил он неудачно, сразу проиграл и занял последнее место.

Тогда же я познакомился и тренировался с людьми, которые в послевоенное время стояли у истоков школы вольной борьбы в СССР. Это Арам Ялтырян, Арташес Карапетян, Георгий Термлаев и многие другие.

ЧЕБУРЕКИ, МОРОЖЕНОЕ

Кто до войны не ел в Крыму татарские чебуреки, тот меня не поймет. Очень тонкое тесто, и в нем — мясной фарш. По форме они круглые и очень тонкие, поэтому мы их покупали десятками. Курсанты нечасто бывали в увольнении, но если попадали, то обязательно покупали десять чебуреков и мороженое.

В апреле 1941 года мы с Толей Мирошниченко в воскресенье ушли в увольнение. В городе повстречали Аксенова и Курбатова, и у нас завязался спор, кто будет угощать. Я получал повышенную стипендию, и поэтому настаивал на своем. Но они уперлись и ни в какую не хотели уступать. Тогда порешили так: кто больше съест, тот и платит.

Чебуреков каждый съел по десять штук, но на мороженом мы с Толиком оторвались от других, съев по 1600 граммов. Затем заказали еще по 100 — правда, Толик больше не смог. Так я в честном поединке завоевал право заплатить за своих друзей. После этого мы искупались в Песочной бухте и отправились в училище.

Ночью дежурный офицер вызвал скорую помощь, и меня увезли в госпиталь. Диагноз — экссудативный плеврит, очень высокая температура, лечение без воды. Ночью я бредил, видел во сне реки и краны с водой. Провалился ровно месяц.

ВОЙНА

Когда я выписался из госпиталя, все училище уходило на практику и участвовало в больших флотских учениях Черноморского флота. Я попал на вспомогательный крейсер «Нева».

Плавание сначала шло нормально, но потом я несколько раз потерял сознание, чувствовал себя очень слабо. Начальник практики капитан первого ранга Гаврилов узнал это и вызвал меня на комиссию. Результат — месячный отпуск домой для продолжения лечения. Сборы были недолгие. В 22 часа 21 июня 1941 года я сел в поезд Севастополь — Москва. 22 июня сделал пересадку в Лозовой на поезд Москва — Орджоникидзе и 23 июня вышел на железнодорожном вокзале Орджоникидзе.

От радости я ничего не замечал, а вокруг происходило что-то непонятное.

На улице Кирова я встретил Юру Дигурова.

— Здравствуй, Лесик, — сказал он. — Ты как?

Я ответил:

— Прибыл по болезни, отпуск — месяц.

А он:

— Вот тебе не повезло, да?

— Почему не повезло? — спросил я недоуменно.

— Ну как же — война с Германией! Ты что, не слышал?

Я прямо опешил и вместо дома пошел в комендатуру. Доложил дежурному, предъявил документы. Дежурный исчез и через минуту пригласил меня к коменданту.

— С приездом, Аслан Дзгоев, — сказал мне тот. — Ты сын Чабакан?

Я сначала вытаращил глаза от удивления, но потом стал просить, чтобы отметили мои документы и отправили в Севастополь.

— Э, братец... — отозвался комендант. — Ты сейчас пойдешь домой, а мы запросим училище, и если ты нужен, отправим обратно.

Я пошел домой.

Встречу описывать не буду, каждый может себе это представить. Одно нужно объяснить — комендант города снимал одну из комнат в нашем доме, поэтому заочно меня знал и сразу сообщил моим родителям. Когда я подходил к дому, половина улицы уже ждала у ворот. Радовались все, переживал только я. Переживал за наших ребят, которые остались в Севастополе. Тем более я узнал, что в первый же день войны фашистские самолеты уже бомбили Севастополь.

Через несколько дней меня пригласили в НКВД, агитировали, чтобы я остался здесь. Я так и взорвался от злости:

— Сколько мама вам заплатила, чтобы меня спасти?!

На что их начальник ответил:

— Ты, курсант, говорят, получаешь сталинскую стипендию? Видимо, в вашем училище ее и дуракам дают?.. Свободен!

До сих пор жалею, что не врезал этому майору по морде.

Прибывав домой, я принялся собирать вещи. Когда уходил, попросил близких не провожать меня. По дороге на вокзал прошел под окнами Тамары Дзугеовой, надеясь ее увидеть, но увы. Уже в дороге послал ей письмо с рисунком: сложенный якорь с сердцем и цепью. Больше я ее не видел⁵.

ТРИ БРИГАДЫ

В первые дни войны немцы уже бомбили Севастополь. В августе училище эвакуировали в Ростов-на-Дону и провели досрочный выпуск. Костяк лучших выпускников направили во вновь созданные 7, 8 и 9-ю бригады морской пехоты. Их всех объединяет одна трагическая судьба — эти бригады родились в Севастополе и погибли в Севастополе. 9-я бригада была сформирована 20 сентября 1941 года численностью 4 500 человек. Укомплектованность: вооружением — 30 %, средствами телефонной связи — 20 %, при полном отсутствии радиосвязи.

Отцу и его другу Толику Мирошниченко присваивают офицерские звания и назначают командирами рот в 9-ю бригаду, а другого друга и земляка Леню Мартынова — командиром взвода в 8-ю бригаду. После прорыва немцев в Крым 29 октября бригада была переброшена на Ак-Монайский перешеек, отделявший Керченский полуостров от остального Крыма, где она и вступила в бой с немецко-румынскими войсками.

Командующий 51-й армией генерал-лейтенант П. И. Батов:

«В боях за Керченский полуостров и Керчь 9-я бригада оказалась самой боеспособной частью армии. Но героизм личного состава бригады не привел к удержанию Керченского полуострова и Керчи, сама бригада в боях 9–15 ноября понесла настолько тяжелые потери, что от ее личного состава осталось 30 %».

⁵ Это последняя запись воспоминаний отца, далее приводятся мои материалы. (Примеч. Таймураза Дзгоева.)

Остатки 9-й бригады пешиим ходом отправили в Севастополь, и какую-то ее часть направили в 7-ю и 8-ю бригады. В конце декабря 1941 года вновь собранная 9-я бригада в виде штурмовых отрядов первой высадилась в Феодосийском порту, расчистив дорогу для главных сил во время Керченско-Феодосийской операции, и вновь потеряла 70 % личного состава.

В ходе боев за Севастополь во время третьего штурма 1 июля 1942 года 7, 8 и 9-я бригады морской пехоты практически прекратили свое существование.

«У КАЖДОЙ АВАРИИ ЕСТЬ ИМЯ, ФАМИЛИЯ И ДОЛЖНОСТЬ» — ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

Так и у крымской катастрофы есть имя, фамилия и должность — маршал Г. И. Кулик и генерал армии Л. З. Мехлис. «Благодаря» их полководческому «таланту» случилась одна из страшнейших катастроф 1941–1942 годов. Но они отделались очень легко — были разжалованы до чина генерал-майора.

Писатель Константин Симонов:

«Генерал армии Мехлис запретил рыть окопы, так как они негативно влияют на наступательный дух Красной армии. Никто не укреплялся, никто не рыл окопов. Плотность войск, подогнанных Мехлисом к переднему краю, была чудовищная. Каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба наносили огромные потери. В километре — двух — трех от передовой все было в трупях».

В ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года адмирал Ф. С. Октябрьский собрал командный состав армии и НКВД и на самолетах «Дуглас» улетел в Новороссийск, бросив на произвол судьбы около 80 000 защитников Севастополя, половина из которых были ранены. Тем временем подводные лодки вместо людей вывозили архивы партии и НКВД. Без боеприпасов, еды и, что самое страшное, без воды солдаты дольше недели защищали Севастополь.

Фельдмаршал Э. фон Манштайн:

«Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток, в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой ведя отдельных солдат под руки (раненых), бросались они на наши укрепленные позиции. Нередко впереди находились женщины (медсестры) с оружием в руках. Само собой разумеется, что потери у

них были огромны. Да, русский солдат поистине сражался храбро!»

Запись краснофлотца Климовича о событиях июля 1942 года (из книги Оксаны Дворниенко «Клеймо судьбы советских военнопленных»):

«Никто не хотел верить, что кораблей больше не будет. Так и стояли всю ночь, не двигаясь и вглядываясь в лунную рябь на горизонте... И началось, с утра — бомбежки и атаки. То танки, то “мессера”, да еще артиллерия... Весь день отбивались как могли, а отбиваться было уже нечем... Ходили в рукопашную... А вечером снова приказ — отбросить фашистов и ждать кораблей. И ведь отбросили, но большая часть к обрыву уже не вернулась... Утром — катера! Катера!.. Началось то же сумасшествие, что и вчера... Поверхность моря от берега до катеров была усеяна плившими к катерам людьми. Но всех взять они не могли и — уплыли. Голодному и обессиленному в воде долго не продержаться... Когда взошло солнце, в воде, как в аквариуме, стали видны тысячи утонувших. Они в разных позах покачивались на волнах, а под ними еще два-три слоя трупов... Вернулся в окопы, а там начинался наш последний бой. С утра фрицы забросали нас листовками с призывом сдаться... А потом расстреливали, как в тире, давили танками. Сама земля горела и все тонуло во мраке — не поймешь, это день или ночь. Третий день без еды и, главное, без воды. Истощенные, но дрались как черти и к вечеру отогнали немцев... Все поняли, что нас бросили, и такая обида и отчаяние охватили всех — тут же на скалах стрелялись сами, друг в друга и падали в воду, где и так уже плавали тысячи... Некоторые прыгали вниз головой прямо на скалы. Спас меня военврач (даже имени его не знаю): “Посмотри, тяжелораненые и те надеются на спасение. А ты здоровый, молодой”. Пили свою мочу через день, как простую воду. И вот 4 июля обрушили на плацдарм огонь небывалой силы, через десять минут в живых осталось человек пятнадцать, а я оглохший и контуженный... И взяли в плен. Тех, кто не смог идти, тут же перестреляли. И вот с этой самой минуты и начался мой многолетний плен, который искалечил всю мою жизнь...»

4 июля 1942 года Совинформбюро сообщило, что советские войска оставили город Севастополь. И в Орджоникидзе полетело уже второе извещение (первое было в декабре 1941 года): «Лей-

тенант Дзгоев Аслан-Бек Захарович, уроженец г. Орджоникидзе, пропал без вести 3 июля 1942 года в г. Севастополь».

Но отец остался жив. Как и десятки тысяч защитников Севастополя и Керчи, его пешком в колонне отправили в Херсон. Это была дорога смерти, немногие ее прошли. Попал он в концлагерь, размещенный в бывшей обувной фабрике.

Из акта Херсонской городской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в период за 1941–1944 годы, замучившими более 40 000 советских военнопленных (Херсонский облгосархив. Ф. р-1479. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11, 14):

«Концлагерь на обувной фабрике представлял из себя площадь, изрытую рвами. Они набивались людьми так, что можно было лишь стоять, в лучшем случае — сесть... Военнопленных кормили один раз в день заваренными, а иногда размешанными в холодной воде отрубями. Изредка попадалась гнилая сырая картофелина... Возле лагеря было обнаружено 90 общих могил».

Свидетельство очевидцев:

«Колонна военнопленных входила в Херсон. На тротуарах стояли жители и внимательно всматривались в лица. Они перебрасывали в колонну хлеб, картошку. Делились всем, чем могли, отдавали последнее. Вскоре колонна подошла к обувной фабрике, где размещался концлагерь... Их раздевали зимой догола и водили на расстрел со связанными руками... От холода, голода, инфекций (тиф, дизентерия) погибало более ста человек в день... Военнопленные были очень худыми — как скелеты. Пали на ходу, разбивали себе лица, однако кровь из ран не сочилась... Были случаи, немцы хоронили полуживых людей... Они их практически вообще не кормили — продукты доставляли жители Херсона и окрестных деревень... Многих удавалось выкупить у полицейев... Замерзших военнопленных складывали в штабеля под забором, а ночью перебрасывали через забор в котлован... Вход в лагерь и внутреннюю охрану осуществляли немцы, убежать было невозможно... Особенно мне запомнился случай, когда по ул. Рабочей немцы гнали на расстрел пять совершенно раздетых, босых моряков, привязанных друг к другу колючей проволокой... В один день немцы вывезли из лагеря трупы на 50 подводах. Многие еще дышали, протягивали руки в воздух и в бессознательном состоянии что-то шептали. Всех выбросили в ямы, которые находятся в Валах.

14 сентября 1944 года».

Отец и это прошел.

Ему повезло — он попал в число тех, кого под видом местных жителей удалось вызволить из концлагеря. После всех «счастливиц» использовали на разгрузке угля и других тяжелых работах.

Минул 20-й месяц плена. 11 марта 1944 года советские войска подошли к Херсону. Немцы отходили. Оставшиеся в живых заключенные начали перебираться через линию фронта — и попасть теперь уже в советский лагерь.

СОВЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ

Проверочно-фильтрационный лагерь № 0308 НКВД СССР находился в городе Туле и обслуживал комбинат «Тулауголь». Лагерь был создан в 1944 году. Основной вид деятельности — работа в шахтах по добыче угля. Работа велась по 8 часов в три смены. Жилье — кишасие вшами бараки и землянки без окон, отопления и воды. Спецконтингент без теплой одежды водили на работы под конвоем. По официальным данным, в месяц умирало до 50 человек. Свирепствовали эпидемии брюшного тифа и поголовная дистрофия.

Начальник САНО ПФЛ Токарева, докладная:

«...Одновременно я имею сигналы о том, что количество дистрофиков и ослабленных непрерывно растет... Начальник лаготделений игнорирует Ваши указания, выводят дистрофиков на работы... При таком положении это может дать в ближайшие дни катастрофическую смертность...»

Из докладных НКВД:

«...На замечание Рождественского о необходимости бывшим военным служащим приветствовать офицерский состав Янников Иван, 1911 г. р., заявил: "Почему вы от нас требуете дисциплину по уставу, ведь мы тюремщики, преступники? Без формы и выправки, какие мы товарищи, разве товарищей водят под штыком?"»

«...Латышев Александр, 1919 г. р.: "...Скоро мы пойдем в мясорубку, переоденут, винтовку в зубы и — на фронт, на передовую, а там известно, как с нашим братом поступят — заставят штурмовать, идти прямо в огонь, а сзади будут контролировать, попробуешь отстать — пулю в лоб"».

Внутри, между собой, заключенные называли лагерь № 0308 гиблым местом.

Аслан-Бек Дзгоев про Крым и Кенигсберг:

«После пленения нас повели колоннами в Херсон. Тех, кто не мог идти, расстреливали прямо на обочине. Когда проходили какие-нибудь населенные пункты, люди бросали продукты — кто что мог — прямо в толпу. Но немцы выстрелами в воздух всех разгоняли. Уже не помню где, на привале метрах в трех справа от меня упала недозаренная картошка. Я не мог до нее дотянуться: правая рука после ранения висела как плеть. И тогда ко мне приблизился совсем молодой немец с голубыми-голубыми глазами. Он огляделся по сторонам и ногой пнул картошку в мою сторону. Но я ее не взял. Мы долго смотрели друг другу в глаза, и тогда он подошел, поднял картошку и положил мне в левую руку. Эта картошка меня и спасла, и я это не забыл.

В 1945 году под Кенигсбергом мои ребята взяли в лесу группу немцев, и когда я проходил около них, то увидел двух совсем молодых пацанов лет по пятнадцать-шестнадцать. Они были так удивительно похожи на того белокурого немца в Крыму, что у меня прям екнуло в груди. В общем, я дал им хлеба и отпустил».

После шести месяцев пребывания в лагере отцу возвращают офицерское звание и направляют на фронт — на два месяца в штрафбат. Затем в составе 2-й гвардейской стрелковой Таманской дивизии 3-го Белорусского фронта он прошел пешком с боями всю Восточную Пруссию и закончил войну командиром отдельного батальона на побережье Балтийского моря, северней Фишаузуена.

Прежде чем поведать о трагических событиях марта 1944 года во Владикавказе, я расскажу о моем дяде, младшем брате моего отца Георгии (Георе) Захаровиче Дзгоеве. Если формулировать коротко, это был настоящий герой войны. Прилагательное «настоящий» — вынужденная и, надеюсь, всем давно понятная причина.

В 2011 году во Владикавказе мы отмечали 85-летие фронтового разведчика, полного кавалера ордена Славы Виктора Михайловича Коняева. Я проводил юбилейный футбольный турнир, и после турнира был банкет. Я сидел рядом с Виктором Михайловичем и во время беседы сказал, что мой дядя тоже служил во фронтовой разведке.

— Кто? — спросил он и, когда я сказал, что Георг Дзгоев, прямо привстал.

Целый час он рассказывал о моем отце и Георе, которых знал с детства, так как жил на Курской слободке. Вспомнил много историй, но особенно смеялся с одной из них — как Геор вернулся с войны.

Я ее слышал давно, в ней нет ничего смешного, но почему-то все, зная Геора, просто умирали со смеху.

Чтобы было понятно, надо рассказать в первую очередь о жителях улицы Красноармейской. Раньше эта улица называлась Офицерская, и ее название говорит само за себя. Она очень маленькая, образовалась в середине XIX века. Когда мой дед переехал с Фельдмаршальской (Штыба) на эту улицу в 1929 году, там жили представители более 15 национальностей. Жили очень дружно — и свадьбы отмечали вместе, и в последний путь проводжали всегда всей улицей. Надо сказать, что перед войной, да и после, в городе среди молодежи существовала полухулиганская-полукриминальная романтика. Как рассказывал Виктор Михайлович, мальчишками они часто захаживали на другую «сторонку», и если их останавливали местные с вопросом «Вы с какой сторонки?», они отвечали, что с Курской. Второй вопрос был: «А кого вы там знаете?» Ответ: «Лесика и Геора Дзгоевых». И это оказывалось стопроцентным билетом на проход. Если Лесика просто уважали, то Геора откровенно побаивались.

Но все поменялось с началом войны. Мужчины ушли на фронт, на улице остались только старики, женщины и дети. Участились кражи, разбои с отъемом продуктовых карточек. На улицу Красноармейскую стали приходиться похороны и извещения, и это еще сильнее всех сплотило. Женщины собирались вместе и читали письма с фронта, оплакивали погибших и ждали своих мужчин.

Первым вернулся Геор — и очень своеобразно. Ночью на углу Красноармейской и Льва Толстого два рецидивиста поджидали очередную жертву, и тут на их голову появляется возвращающийся с войны Геор. Надо заметить, что он всю жизнь был франтом: всегда чисто выбрит, напомажен, отглажен, о блеске и качестве его сапог ходили легенды. Вот на эти сапоги и клюнули рецидивисты. Когда Геор поворачивал к дому, то сзади получил удар кирпичом по голове. Он упал и на какое-то время потерял сознание. Очнувшись, обнаружил, что бандиты снимают с него второй сапог. Вот тогда-то все жители Красноармейской проснулись от нечеловеческих криков, переходящих в хрип и плач. Первые выбежавшие на улицу соседи увидели посередине дороги Геора, залитого

с ног до головы кровью и раздевающего двух лежащих мужчин. Он забрал их вещи и зашел домой.

Как рассказывала моя тетя Валя, Геор вошел весь в крови, в руках какие-то ботинки и вещи. Встал на пороге и говорит:

— Вот, принес последние трофеи!

На улице тем временем собиралась толпа. То и дело звучал вопрос:

— Что случилось?

— Геор с войны вернулся! — отвечали.

Так и ушло в народ: «Что за шум и крики?» — «Геор с войны вернулся!»

Жить с таким взрывным характером, обладая при этом неординарными физическими данными, нелегко, отчего Геор частенько попадал во всякие передряги.

В 1951 году он возвращался с женой домой. Проходя мимо ресторана, услышал женский крик и, конечно же, бросился на помощь. Два негодяя тащили девушку в кусты... Как выяснилось, одним из потерпевших оказался сын милицейского начальника. Естественно, девушку не нашли, и Геор получил год колонии. Вот так он первый раз попал в тюрьму.

Настоящие ветераны были немногословны. Только несколько лет назад мы достали наградные документы Геора, и они впечатляют.

Георгий прошел всю войну во фронтовой разведке с июня 1941 года по май 1945-го. Был многократно ранен. Участвовал во многих сражениях, в том числе в Сталинградской битве, а также в самой последней стратегической операции Великой Отечественной войны — Пражской наступательной операции 6–11 мая 1945 года.

Расскажу о двух эпизодах из наградного листа.

«Тов. Дзгоев во время боевых действий по прорыву обороны немцев в р-не д. Слобода Витебской обл. 23–25.06.1944 г. первым поднялся в атаку, увлекая за собой остальных бойцов своего взвода».

«29.06.1944 г. во время наступательных действий полка в районе д. Б-ораво Витебской обл. тов. Дзгоев с группой бойцов в числе 10 человек участвовал в ликвидации группы немцев, засевших в лесу. В неравном бою против 63 человек группа оказалась победителем. Из этой группы отделились двое и стали скрываться. Тов. Дзгоев это заметил и стал их преследовать, убегающие стали отстреливаться. Тов. Дзгоев меткой

очередью из автомата обоих убил. Один из убитых оказался генерал-лейтенант».

Переведу эту историю (рассказанную военкомом на похоронах Геора в 1984 году) с сухого штабного языка.

Разведвзвод Геора двигался в лесном массиве вдоль дороги. Когда Геор вышел один на дорогу разведать обстановку, в 300 метрах впереди выехала целая кавалькада мотоциклистов, легковых и грузовых автомобилей. Как впоследствии выяснилось, это был штаб 256-й пехотной дивизии Вермахта с охраной и командующим генерал-лейтенантом Альбрехтом Вюстенхагеном. Геор, спрятав за спиной автомат, один пошел им навстречу и, когда до первых мотоциклистов оставалось метров 150, открыл по ним огонь. Одновременно с фланга открыл огонь и его взвод. Сыграл фактор неожиданности. В наградном листе написано, что два уходящих в лес человека были убиты, но военком говорил, что генерал был тяжело ранен. Георгий его перевязал, и умер тот у него на руках по дороге.

«Во время боев в деревне Ворнаны 03.02.45 г. личным примером мужества и стойкости увлек своих бойцов в бой. Лично с ручного пулемета отразил 8 контратак противника, уничтожив до 60 гитлеровцев. В бою у дер. Петраки 6 и 7 февраля 1945 года, действуя отважно, участвовал в отражении 12 контратак противника, с ручным пулеметом уничтожил 40 гитлеровцев в бою, был контужен, но поле боя не покинул, продолжая управлять боем и биться сам с нападающим противником».

Многим может показаться, что после такого должен был начаться «звездопад» из наград. Но его не случилось. Почему? Ответ прост — анкетой не вышел. И если раньше в анкетных данных отца и Геора красовалось «раскулачивание», «служба деда у Деникина», «владение батраками», то в марте 1944 года прибавилась более серьезная графа — «дети врага народа».

Долгое время эта история, собранная по кусочкам, как-то не клеилась, и я понял почему. Просто мой дед Захар, бабушка Чабакан (Надежда) и тетя Валя скрывали от отца и Геора — ради их же безопасности — всю правду. Много позже тетя Валя рассказала обо всем своей старшей дочери. Только спустя 76 лет наша самая старшая двоюродная сестра Аллочка Дзобелова поделилась недостающими деталями той истории.

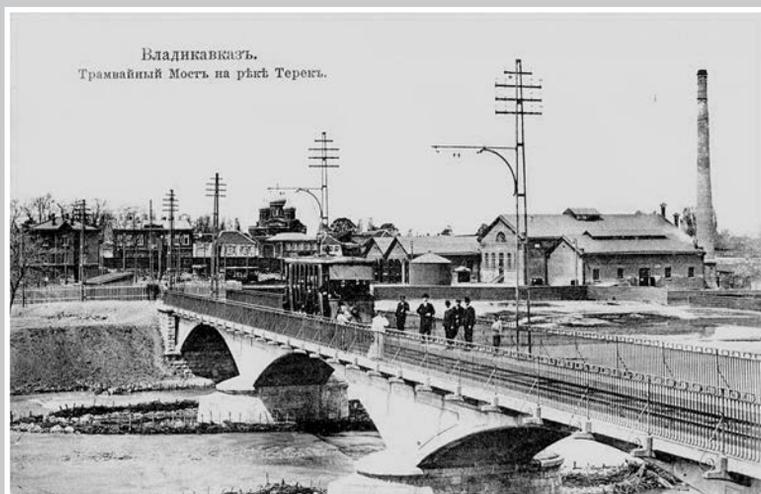
Мой дед, умудренный жизненным опытом, понимал, что главным правилом в те годы было не выделяться. Все понимали, что

творится в стране (достаточно вспомнить, что из девяти первых секретарей республиканского обкома партии восемь были расстреляны). В декабре 1941 года приходит первое извещение с фронта о пропаже без вести Аслан-Бека. Затем два извещения о пропаже без вести Батра и Гена (младшие братья Чабахан). С того момента Чабахан, и так далеко не ангельского характера женщина, стала просто неуправляемой. Мой дед старался ее как-то присмирить, но тщетно. Первой ошибкой было то, что она стала ходить по всем инстанциям и ругаться, предлагать непонятно за что деньги. Вторая ошибка: она разрешила дочери Вале отнести свои серьги и кольца на сборный пункт (для покупки танка), и приемщики, увидев эти изделия, мягко говоря, сильно удивились, после чего, видимо, сообщили куда следовало. И третье: узнав, что Аслан-Бек жив, Чабахан устроила на улице настоящий пир с фотосессией. Тем временем в НКВД быстро состряпали какое-то дело, и 9 марта 1944 года Чабахан была арестована. Когда проводили обыск, чекисты не скрывали цель своего прихода — они искали золото. Ничего не найдя, перешли к угрозам. Когда и это не помогло, они решили взять измором.

Дед всегда умел договариваться. В юности он договаривался с контрабандистами, людоедами, бандитами — он мог договориться с любым! Однако он не учел того, что столкнулся с отлаженной криминальной системой. За семь месяцев пребывания Чабахан в тюрьме изуверы планомерно вытягивали деньги, кормя его обещаниями. Но им было мало, и тогда они арестовали пятнадцатилетнюю дочь Валю. Деду дали три дня, и вот тогда он отдал все. Вдобавок за копейки продал часть дома, а другую часть заложил. Единственное, что они выполнили, — это через три дня отпустили тетю Валю. В остальном обманули.

Ольга РЕЗНИК

ВЛАДИКАВКАЗСКОМУ ТРАМВАЮ — 120 ЛЕТ!

Владикавказ. Трамвайный мост на реке Терек

24 июля (6 августа) 1904 года в главном административном центре Терской области — г. Владикавказе произошло одно из самых важных событий в его истории: состоялся пробный рейс нового для города вида транспорта — трамвая. Регулярное пассажирское движение по трем линиям было открыто 3 (16) августа 1904 года, когда при огромном стечении горожан под перезвон церковных колоколов первый трамвай вышел из депо, пересек выстроенный для него мост и двинулся по маршруту.

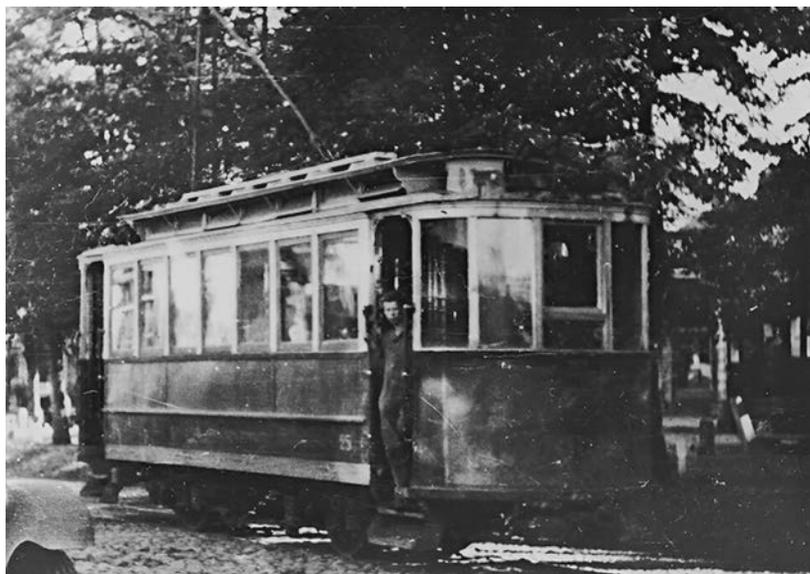
По описанию современников, первый трамвай представлял собой полуоткрытый вагончик с рекламным щитом «Зингер» на вогнутой крыше. Как отмечают исследователи, одним из первых водителей трамвая был осетин Кибл Абаев.

Владикавказский трамвай и городская электростанция изначально были построены и введены в эксплуатацию бельгийскими концессионерами в качестве единого предприятия. В 30-х годах по Владикавказу все еще ездили бельгийские двухосные моторные вагоны 1904 года поставки.

В 1907 году появился трамвай унифицированной серии Ф (Фонарный), выпуск которого освоил целый ряд российских заводов, в том числе Мытищинский вагоностроительный. Эта модель имела деревянный кузов, 19 мест для сидения и развивала скорость до 40 километров в час. Обозначение этого типа трамваев как фонарных пошло вовсе не от наличия в них электрических ламп, а от остекленного купола на

Старый двухосный моторный бельгийский вагон 1904 года поставки, модернизированный силами депо в 1920-х годах

Трамвай модели Ф (Мытищинский) на Пролетарском проспекте

Трамвай в военное время. 1943 г.

крыше вагона (так называемого фонаря), предназначенного для улучшения естественного освещения салона в дневное время. Во Владикавказе они появились в начале 30-х годов прошлого века. В мае 1934 года прибыли 8 трамвайных поездов (8 моторных и 8 прицепных вагонов) производства Мытищинского завода, а также один моторный вагон МВ из Ленинграда, в качестве подарка городу. В июне 1934 года новые вагоны открыли движение по первой линии широкой колеи. Последний узкоколейный трамвай прошел по городу в 1936 году.

Великая Отечественная война помешала дальнейшему развитию электротранспорта в городе, нанесла большой урон трамвайному хозяйству. Под бомбежками трамвайщики бесперебойно обслуживали госпитали города. Накануне войны в депо имелись 21 моторный и 18 прицепных вагонов. Восемь из них были разбиты. Благодаря усилиям трудового коллектива Управления трамвая пассажирское движение было восстановлено к концу 1942 года. 15 ноября на улице вновь раздался трамвайный звонок...

Со временем потребности в перевозках увеличивались, трамвайная сеть расширялась. С 1952 по 1956 год из Ленинграда поступило 6 новых поездов КТМ-П-1 и 2 поезда МС-МСП после капитального ремонта.

Двухосные моторные вагоны КТМ-1 с прицепами КТП-1 серийно выпускались с 1947 по 1961 год. Вагоны были цельнометаллическими, что на тот момент можно назвать прогрессивным, но при

Работники трамвайного депо на фоне вагонов. 1958 г.

Трамвай модели КТМ-1

этом имели непосредственную систему управления. Данная модель трамвая отличалась относительно небольшой вместимостью, но на владикавказских улицах ее можно было встретить вплоть до середины 70-х годов прошлого века.

В 1961–1969 годах было произведено обновление вагонного парка: подвижной состав трамваев пополнился моделями КТМ-2, и к концу 60-х годов старые довоенные вагоны были уже полностью списаны.

С начала 1970-х годов Управление трамвая ввело бескондукторное обслуживание пассажиров в целях снижения издержек трамвайного предприятия. А в 1972 году город получил первые четыре трамвайных вагона Tatra T3SU производства чехословацкого предприятия «ЧКД-Прага». Их опытная эксплуатация прошла удачно, и к 1976 году с трамвайных маршрутов окончательно ушел отечественный подвижной состав, вытесненный «Татрами».

Несколько лет назад Владикавказ чуть было не остался без своей визитной карточки — трамвая. Старое трамвайное депо, являющееся основной ремонтной базой вагонов, обанкротилось, а его имущество и вовсе продали за бесценок в частные руки. Скандал вокруг депо привлек внимание контролирующих органов и сделку

Вагон КТМ-2 на Водной станции. 1974 г.

Вагон Tatra T3SU. 1974 г.

Вагон модели 71-412 завода «Уралтрансмаш». 2023 г.

признали незаконной — депо вернули в муниципальную ответственность. Далее, благодаря труду работников «Владтрамвая», старые чешские «Татры» после полного капремонта получили новые современные салоны. Первый обновленный вагон покрасили в цвета триколора российского, а второй — осетинского. Так, ко всеобщей радости, наш транчик, как владикавказцы шутя называют свой любимый вид транспорта, был спасен.

В последнее время во Владикавказе появились тематические трамваи, которые радуют горожан в праздники и иные памятные даты: «Новогодний», «Владикавказ», «Победа», детский трамвай-кафе. Но больше других горожанам полюбился трамвай «Кавказский барс», стилизованный под окрас шкуры переднеазиатского леопарда, — это вклад столицы республики в проект по восстановлению популяции барса в Северной Осетии. Он был настоящим украшением города, но с появлением новых современных вагонов его, к сожалению, перестали выпускать на линию.

Абсолютное большинство урбанистов считает трамвай лучшим видом наземного транспорта. Он экологичный, максимально комфортный, более безопасный по сравнению с другими видами общественного транспорта, не стоит в пробках и способен перевозить несравненно большее количество пассажиров. Поэтому, несмотря на ретроспективную направленность этой статьи, трамвай — это транспорт будущего. Наш город постоянно растет, а вместе с ним должны расти и трамвайные сети, это делает жизнь горожан только комфортнее.

Сегодня парк трамваев во Владикавказе полностью обновлен, и по улицам города курсируют современные комфортабельные вагоны, доставленные сюда из Екатеринбурга.

Надеемся, что еще не одно поколение владикавказцев будет с удовольствием пользоваться этим видом транспорта.

С юбилеем тебя, владикавказский трамвай!

Лана ХУБАЕВА

МОЗДОКСКОЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Здание Кирилло-Мефодиевского училища. 1980 г.

14

августа 1899 года инспектор народных училищ М. Орел, направляя вышеприведенное обращение заведующего училищем директору народных училищ, от себя добавляет: «Почитаю долгом дополнить, что я вполне разделяю ходатайство заведующего Кирилло-Мефодиевским моздокским училищем относительно полезности устройства школьного сада при вверенном ему училище... А потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать возбудить ходатайство перед моздокским городским головой об отводе указанного выше участка земли в собственность Кирилло-Мефодиевскому училищу, об устройстве вокруг него домика для сторожа и на первоначальное устройство сада 100 или хотя бы 60 рублей из городских сумм. Вместе с тем, если просьба эта будет уважена, я просил бы Ваше Превосходительство исходатайствовать Кирилло-Мефодиевскому училищу в пособии на устройство 60 рублей из сумм дирекции, назначенных на пособие 13 августа 1899 года» [14, л. 175].

10 сентября на очередном заседании гордумы рассматривался, как было запланировано заранее, вопрос об отведении Кирилло-Мефодиевскому училищу участка выгонной земли под разведение сада. Еще до заседания городской голова дал обещание, что со своей стороны употребит «все старания», чтобы ходатайство относительно выделения участка и необходимых средств было удовлетворено. Кроме того, он пояснил, что ходатайство, поданное еще в мае прошлого, 1898 года, было тогда отклонено ввиду нехватки у городских властей средств [14, л. 176].

Среди прочего одним из пунктов заседания городской думы 22 сентября было постановлено: отвести Кирилло-Мефодиевскому училищу участок земли под сад.

Воскресно-праздничная школа при Кирилло-Мефодиевском училище является еще одним интересным фактом в истории этого учебного заведения. Школа была открыта по инициативе и

стараниями в том числе учителей училища и предназначалась для взрослого населения. В письме инспектора народных училищ, адресованном городскому голове, говорилось: «Открытие этой школы нужно радостно приветствовать, так как она есть прекрасное учреждение, в котором взрослые люди в досужее время могут научиться грамоте». Для правильного функционирования и для того, чтобы оно «непрерывно служило на пользу населения Моздока», по словам инспектора, училище нужно «материально несколько поддержать». В связи с чем инспектор просит городского голову «убедить моздокскую городскую думу ассигновать по 100 рублей в год на вознаграждение учителей» за занятия со взрослыми в указанной воскресно-праздничной школе, а также на освещение помещения и приобретение необходимых для данной школы учебных принадлежностей. «Как видите, — говорится в письме инспектора, — малость требований для поддержания поистине полезного учреждения, в котором при благоприятных условиях может обучаться грамоте до 100 человек в год, превосходит всякие вероятия, и я надеюсь, что вы не откажете мне в удовлетворении моей просьбы и примете на себя труд — убедить моздокскую городскую думу поступиться малым для столь полезного учреждения, которое будет прекрасным дополнением введенного вашему попечению Кирилло-Мефодиевского училища» [15, л. 14]. Ответ городского головы на обращение к нему инспектора народных училищ, к которому, в свою очередь, ранее обратились инициаторы устройства школы для взрослых с прошением дать согласие на открытие, был дан незамедлительно. В нем городской голова поддержал инициативу и согласие инспектора на открытие школы для взрослых.

Открыта она была уже 15 октября 1895 года. В своем очередном письме городскому голове Соломону Аладатову инспектор народных училищ писал, что получено официальное разрешение директора народных училищ на открытие школы для взрослых. Однако в ассигновании средств на приобретение пособий, освещение и покрытие текущих расходов городская дума вынуждена была отказать за неимением средств. Но школа для взрослых все же, будучи уже открытой, продолжала существовать [15, л. 13].

В ноябре 1895 года для поддержки воскресно-праздничной школы владикавказскими купцами Богданом Мелькомовым, Никитой Килькевниковым (?), Соломоном Александровым, Петром Ганжумовым «были пожертвованы карандаши, тетради, чернила и перья по 6 пудов». Ручки и карандаши, подаренные купцами, в документах указаны также в дюжинах. Кроме того, для детей учи-

лица Соломон Александров пожертвовал конфеты на сумму 12 рублей. Здесь следует отметить, что пожертвования для детей, обучающихся в Кирилло-Мефодиевском училище, влиятельными горожанами имели место периодически на протяжении всего времени его существования. В 1913 году Кредитное товарищество пожертвовало 50 рублей в пользу бедных учеников училища. Внимание, оказанное Кирилло-Мефодиевскому училищу, как и его взрослому отделению, было отмечено в периодической печати, где от имени инспектора народных училищ была выражена благодарность [16, л. 33]. Возвращаясь к материальному обеспечению школы для взрослых, в качестве примера укажем, что в 1897 году был выделен 31 рубль на учебные принадлежности.

В 1898 году, когда вновь возникли затруднения с выделением средств на приобретение необходимых школьных принадлежностей для воскресно-праздничной школы, в своем обращении к городскому голове заведующий училищем, говоря о функционировании школы для взрослых, об оснащении ее с момента учреждения, когда были приобретены учебные пособия и прочее на первое время, писал: «Теперь же средства вышли, и я не знаю, на какие средства приобретать все необходимое для занятий». В результате было принято решение на данные нужды выделить необходимую сумму из средств, которые поступали за обучение детей в Кирилло-Мефодиевской школе. Требуемая для покупки учебных принадлежностей сумма была не столь велика и составляла 16 рублей — на покупку 100 тетрадей и 30 экземпляров азбуки Волжина. Согласно расчетам, указанные школьные принадлежности должны были обеспечить первое полугодие учебного года.

13 апреля 1898 года один из инспекторов в рапорте, адресованном моздокскому городскому голове, писал, что, несмотря на то, что учителя согласились вести по воскресным и праздничным дням занятия со взрослыми, они этого делать не обязаны. Инспектор, в частности, пишет: «Содержание за свои обязанности они получают весьма скудное, едва обеспечивающее их материальное существование, и притом еще и неисправно, при таком их материальном положении пользоваться их трудом, по моему мнению, неудобно; вследствие этого я считаю своим нравственным долгом вознаградить их за их необязательный, но очень полезный труд, почему и обратился к вам с просьбой дать согласие на выдачу им 30 рублей каждому из запасного капитала Кирилло-Мефодиевского училища. Вы не сочли возможным вознаградить их за труды из указанного мной источника, приберегая запасной капитал училища на более существенные нужды по училищу, а,

признаться, более подходяще испросить на этот предмет потребную сумму от городского общества. Я в этом отношении вполне присоединяюсь к вашему мнению и признаю, что в этом плане будет правильнее, ибо везде воскресно-праздничные школы для взрослых содержатся на общественные средства. А потому покорно прошу вас, милостивый государь, вынести этот вопрос на ближайшее заседание гордумы; я уверен, что при вашем теплом содействии моздокская гордума не откажет в этой сравнительно незначительной сумме, которая испрашивается на вознаграждение учителям Кирилло-Мефодиевского училища за их труды по обучению взрослых учеников в праздничные и воскресные дни».

3 июля 1898 года ходатайство о вознаграждении учителей за преподавание в воскресно-праздничной школе было отклонено «ввиду ограничения городских средств» [17, л. 16–17].

Но в ноябре того же года у городских властей Моздока, вероятно, появилась возможность ассигновать некоторую сумму, однако не из городского бюджета, а из сумм, поступающих за правоучение в Кирилло-Мефодиевском училище. В своем докладе заведующий училищем указал необходимый размер суммы для нужд школы для взрослых, он составлял 200 рублей. Немного непонятно рассмотрение данного вопроса на 1898 год, поскольку постановлением еще от 4 октября 1896 года та же сумма уже была утверждена в качестве ассигнования в целом — на содержание воскресно-праздничной школы. Годом раньше на заседании городской думы, состоявшемся 3 ноября, постановлением думы среди прочего было выделено 32 рубля воскресно-праздничной школе для приобретения «материалов, нужных для занятий» [18, л. 132]. Здесь можно сделать предположение, что именно с этим связан приведенный несколько ранее момент, касающийся уточнения вопроса, куда должны поступать суммы, взимаемые за обучение с учеников — в само училище или на счет городской думы.

В том же 1898 году 22 сентября на заседании моздокской городской думы был вынесен ряд постановлений, касающихся различных отраслей городской жизни Моздока: избрание моздокского городского головы; назначение содержания учителям армянского языка в училищах города; ассигнование кредита на постройку городского училища; приобретение линейки разъездов полицейского чиновника и др. Касательно Кирилло-Мефодиевского училища были приняты под № 59, 60, 63 следующие решения: выделить комнаты в здании Кирилло-Мефодиевского училища под класс Закона Божия; отвести Кирилло-Мефодиевскому училищу участок земли под сад; утвердить штат училища включительно преподавателей Закона Божия [19, л. 22].

В ноябре 1898 года городской думой было отменено постановление от 4 сентября об ассигновании 96 рублей из городского бюджета на отопление и освещение училища [18, л. 166]. Вероятно, связано это было с нехваткой средств в городском бюджете.

Одной из ярких фигур в истории Кирилло-Мефодиевского училища был Яков Исаакович Кончухидзе, работавший здесь учителем с момента его открытия. Именно благодаря его активной деятельности училище в короткие сроки поднялось на довольно широкую ступень развития.

Кончухидзе был выпускником Закавказской учительской семинарии. Судя по документам, Кончухидзе являлся заведующим Кирилло-Мефодиевским училищем с момента его открытия. Но почему-то в ряде документов в разное время он значится и как учитель, и как заведующий, и как инспектор училища. Возможно, должность заведующего при училище была введена не сразу. По прошествии порядка десяти лет возникло затяжное разбирательство, вызванное требованием Кончухидзе выделить ему квартирные деньги. Спор по данному вопросу с представителями городских и учебных властей продолжался несколько лет. В качестве законного представителя Кончухидзе выступал присяжный поверенный Николай Ступин, проживавший во Владикавказе на улице Моздокской. В направленном Ступину заявлении Кончухидзе говорилось: «Уполномочиваю вас ходатайствовать по всем делам моим в общих мировых, судебных, административных и других учреждениях и должностных лиц всех ведомств, в порядке судопроизводства гражданского, уголовного и торгового, ограничительного и исполнительного; предъявлять всякого рода иски, отвечать по искам, предъявленным ко мне, привлекать к делу третьих лиц выступать в качестве третьего лица; просить об объявлении должников моих несостоятельными в делах этих, со всеми правами, кредиторами предоставленными, быть частным обывателем и гражданским истцом; оканчивать дела миром, подавать прошения, заявления, отзывы, копии, справки и свидетельства, удостоверения, исполнительные листы и деньги, указывать способы исполнения решений, протестовать векселя и другое».

«Кроме того, — говорилось далее, — предоставляю вам все права, изложенные в 250 статье Гражданского судопроизводства (Устава Александра III), не исключая права дальнейшего передоверия, всего, что вы или уполномоченные вами по доверенности законно сделаете, я верю, спорить и прекословить не буду».

Данное заявление было заверено у нотариуса Ивана Николаевича Величкевича в его конторе в городе Моздоке 23 января 1893 года. В шапке документа говорилось: «Доверенность эта

принадлежит кандидату юридических наук Михаилу Николаевичу Ступину». И подпись: «Учитель Моздокского Кирилло-Мефодиевского училища Яков Исаакович Кончухидзе».

Заявление Кончухидзе спустя значительное время Терским по городским делам присутствием было решено оставить без рассмотрения. Это объяснялось тем, что «в поданном им заявлении на имя начальника области он не указал время подачи, — а поступило оно 4 ноября. Надзор за правильностью и законностью городского общественного управления возложен на губернатора», и, кроме того, как говорилось в документе, «понуждение к скорейшему рассмотрению дела также возложено на губернатора, а положение, на которое указывает Ступин, — здесь имелась в виду ст. 143 городских положений — к данному случаю неприемлемо» [20, л. 3].

Рассмотрение вопроса «об удовлетворении квартирными деньгами Кончухидзе» было вынесено среди прочего на заседание 10 апреля 1892 года. Но тогда вопрос также решен не был.

Очередное рассмотрение дела Кончухидзе проходило спустя несколько лет, 14 апреля 1895 года. Пунктом 4 было дано следующее объяснение: «Из дела видно, что директор народных училищ отношением от 30 декабря 1885 года предлагает удовлетворить заведующего Кирилло-Мефодиевским училищем квартирными деньгами, на что городская дума отписала, что требование это удовлетворено быть не может, так как заведующему было предложено занять свободную комнату, имеющуюся при училище». Далее говорится, что «в такой переписке вопрос этот оставался открытым по настоящее время». Между тем, как выяснилось из контракта городской думы с Лисицевым (хозяином квартиры), свободной комнаты не было вовсе. Что касается обязательства дать квартиру учителю, хотя городская управа и не давала такого, в «отношении» директора народных училищ от 4 сентября 1895 года говорится: «Попечитель разрешил открыть в городе Моздоке на средства городского общества в тысячу рублей в год одноклассное училище с тем, что для разрешения к открытию училища общество должно давать удобное и просторное помещение с квартирой для учителя — заведующего училищем». В продолжение девяти лет израсходовано, как видно из отчетов управы, 9 227 р. 22 к. Комиссия занялась вопросом, была ли удобна квартира, занимаемая училищем, и можно ли было разместить всех учеников так, чтобы оставалась свободная комната для учителя. Большая комната имеет 5 967 куб футов воздуха, и потому там можно было бы поместить, преследуя гигиенические условия, только 32 мальчика,

между тем как в этой комнате было помещено 72 ученика 1-го отделения. Точно так же было и в последующие годы, начиная с 1896 и по 1893-й. В большой комнате было 1-е и 2-е отделения, где помещалось от 42 до 56 учеников; в малой было 3-е отделение, в коей помещалось от 6 до 11 учеников; следовательно, квартиру для учителя в этом помещении дать было нельзя» [20, л. 11].

Сделаем отступление, указав, что на 1895 год почетным блюстителем училища являлся Иван Степанович Туманов, заведующим также значится уже не Кончухидзе, а М. Г. Афанасьев. В 1899 году Афанасьев подал запрос на имя директора народных училищ о том, имеет ли он, Афанасьев, право носить медаль, которую, «согласно Высочайшего повеления, носили лица, занимавшие классные должности или имевшие чины при императоре Александре, награждались серебряными медалями в память покойного государя». По словам Афанасьева, он получил этот чин «6 апреля 1893 года и, таким образом, был уже чиновником, но занимал должность заведующего городским приходским училищем, и поэтому, — пишет Афанасьев, — покорнейше прошу Ваше Высочородие войти куда следует за разъяснением настоящего обстоятельства». Директор народных училищ, пересылая заявление Афанасьева инспектору народных училищ, просит не оставить его без внимания. Дальнейший ход дела неизвестен, поскольку ответный документ не найден [14, л. 82].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

14. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 217.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 360.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 154.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 376.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 383.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 596.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 359.

Окончание следует.

АВТОРЫ НОМЕРА

БТЕМИРОВ Бимболат родился в 1890 году в с. Даргавс Северной Осетии. Осетинский писатель, журналист, публицист, печатавшийся под многочисленными псевдонимами («Хохаг» и др.). Состоял членом литературного общества писателей Северной Осетии. Соавтор книги «Осетинские веселые рассказы и старинные пословицы» (издана в Берлине в 1924 году в издательстве Евгения Гутнова). Работал бухгалтером Северо-Осетинского облисполкома. Был арестован 10 октября 1929 года. В январе 1931 года осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Спустя несколько лет бежал. Скончался в 1963 году в Нью-Йорке.

БУТАЕВА Фатима — кандидат биологических наук, доцент. В 1986 году окончила биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского государственного университета с дипломом «биолог-зоолог». В 1996 году защитила в СПбГУ кандидатскую диссертацию по зоологии. Работает старшим научным сотрудником ФБГУ «Заповедная Осетия-Алания». Научные интересы: строение, адапционные стратегии, эволюция и генетическая систематика животных.

ГУДЦОВ Агубе (1880–1968) — первый осетинский цирковой наездник-джигит. Основоположник цирковой джигитовки, основанной на трюках осетинской народной джигитовки. В 1908 году уехал из России, гастролировал во многих европейских странах. В Великобритании было выпущено несколько серий почтовых открыток с его изображением во время исполнения трюков. Скончался в Лондоне.

ДЗГОЕВ Аслан-Бек родился в 1918 году в селении Ольгинском Терской области. Советский борец вольного стиля, трехкратный чемпион РСФСР (1951, 1952, 1954) и призер чемпионата СССР (1952). Отличник физической культуры (1949). Мастер спорта СССР (1955). Заслуженный тренер СССР (1957) и судья всесоюзной категории (1958) по вольной борьбе. Основатель осетинской школы вольной борьбы.

Участник Великой Отечественной войны. Ярко проявил себя и как детский тренер — более 60 раз его воспитанники становились победителями первенств СССР по юношам и молодежи. Более 20 учеников Дзгоева стали заслуженными тренерами СССР и России, продолжив ту школу, у истоков которой стоял А. З. Дзгоев. Скончался в марте 1994 года, похоронен на Аллее Славы во Владикавказе.

КОТАЕВ Григорий (1926–1992) — заслуженный художник Грузинской ССР, народный художник Республики Южная Осетия, лауреат Госпремии имени К. Л. Хетагурова, член Союза художников СССР. Родился в селении Ногир Северной Осетии. Получил образование в Москве (Институт прикладного и декоративного искусства), Тбилиси (Государственная академия художеств) и Ленинграде (ЛВХПУ имени В. И. Мухомовой).

Вернувшись после учебы в Южную Осетию, преподавал в цхинвальском Государственном училище имени М. С. Туганова, а в 1962–1971 годах был его директором. Кисти художника принадлежат, помимо всего, воссозданные образы исторических персоналий — аланских царей XI–XII веков, а также запечатленных в осетинском народном творчестве героев более позднего времени. Участвовал в росписи интерьеров Юго-Осетинского драмтеатра на сюжеты нартовского эпоса.

КУЛИЧЕНКО Наталья, народный поэт РСО-Алания, член Союза писателей России и Российского союза профессиональных литераторов, заслуженный работник культуры РСО-Алания. Живет во Владикавказе. Окончила с отличием филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета, а затем библиотечное отделение Республиканского колледжа культуры. Ныне — главный библиотекарь Национальной научной библиотеки РСО-А. Является неизменной ведущей владикавказского поэтического клуба «СТИ-ХИЯ» при Национальной научной библиотеке. Автор восьми книг, в том числе шести поэтических сборников.

ПЛИЕВА Маргарита — кандидат искусствоведения, руководитель регионального отделения Ассоциации искусствоведов (АИС) и Российского культурологического общества (РКО). Родилась в 1954 году в Беслане, Северная Осетия. В 1989 году окончила исторический факультет СОГУ. В 2009 году защитила диссертацию на тему «Становление и развитие осетинского изобразительного искусства в 1920–1990-е годы» в РГПУ им. А. И. Герцена. Имеет около 60 публикаций в различных научных изданиях.

РЕЗНИК Ольга — заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне — редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетии», «Квайса», «Казарла». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021).

Тер-АБРАМЯНЦ Амаяк Родился в 1952 году в г. Таллине (Эстония). Окончил в 1975 году 2-й московский медицинский институт, а в 1992 году — Литературный институт им. Горького. Публиковался в периодике России и за рубежом. Лауреат и дипломант международных литературных конкурсов в Армении, Германии, Греции. Автор семи книг. Живет в Москве.

ХОДОРОВА Елена родилась в 1983 году в семье потомственных врачей. Окончила медицинский институт, ординатуру по хирургии. Работала врачом скорой помощи при университете им. И. П. Павлова в Санкт-Петербурге. В настоящее время преподает хирургию и «скорую помощь» в системе последипломного образования в Санкт-Петербурге. Параллельно занимается живописью и фотографией. Участвовала в выставках и в качестве фотографа, и в качестве художника. Фотографии печатались в зарубежных художественных журналах.

ХУБАЕВА Лана родилась в 1979 году во Владикавказе. Окончила исторический факультет Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Кандидат исторических наук. Работает младшим научным сотрудником Института истории и археологии РСО-Алания.

ЦЕРЕКОВ Артур родился в 1965 году во Владикавказе. В 1986 году окончил экономический факультет СОГУ. В 2000 году написал свой первый фантастический роман «Ангелы Большой Войны» (напечатан по главам в еженедельнике «Экран Владикавказ»). В 2004–2006 годах работал штатным собственным корреспондентом газеты «Труд» по Северному Кавказу.

Печатался в различных республиканских СМИ. Возглавлял пресс-центр СОГУ. На сегодняшний день работает собственным корреспондентом газеты «Слово». Лауреат ежегодной премии Главы Северной Осетии за лучшую журналистскую работу 2023 года. Дипломант Всероссийского конкурса журналистских работ «Моя Земля — Россия» (2023). Не женат. Хобби: виниловые пластинки, книги, советские мультфильмы 1950–1960-х годов, собственное родословие и история осетинской военной интеллигенции дореволюционного периода.

ЦУЦИЕВ Аслан родился в 1967 году во Владикавказе. В 1991 году окончил с отличием исторический факультет СОГУ. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Аланы Средней Азии (I–VI вв. н. э.): проблема этногенеза». Работал научным, а затем старшим научным сотрудником отдела археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Автор около шестидесяти научных работ и методических пособий. Участвовал в работе международных и всероссийских научных конференций и семинаров, археологических экспедиций. С 2016 по 2021 год — министр по вопросам национальных отношений РСО-Алания. С 2021 года — генеральный директор Национального музея Северной Осетии-Алании. Лауреат Госпремии имени К. Л. Хетагурова в области литературы и искусства.

ЦХУРБАЕВ Алан родился в 1976 году в Тбилиси. В 1991 году в результате разгорающегося осетино-грузинского конфликта переехал с семьей во Владикавказ. В 1999 году окончил французское отделение факультета иностранных языков СОГУ. Работал грузчиком, сторожем, экспедитором. В 2004 году освещал террористический акт в Беслане и последовавшие за этим судебные процессы. Работал корреспондентом ряда российских и зарубежных СМИ. С марта 2018 года — главный редактор журнала «Дарьял». Там же опубликованы первые художественные рассказы (1997). Также имеет публикации в журнале «Дружба народов», других периодических изданиях. Составитель сборника прозы современных писателей Осетии «Здесь были».

ДАРЪЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 4

В оформлении обложки использована картина
Григория Котаева «Кошты Бега»

ДАРЬЯЛ-3'2024-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru